

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

3/2023

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2023**Издается 4 раза в год****№ 3****Основан в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»*****Редакционная коллегия:***

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**
(*ответственный секретарь*)
доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**
доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,
Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)
доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,
Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)
главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)
доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,
Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD**Russian Interdisciplinary Journal of Humanities**

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФЦ 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2023

4 issues a year

№ 3

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)**Alexander Kalinin**, Cand. of Sc. (History)Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)**International Editorial Board:**Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)

Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),

Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)

Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),

University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.

No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at**www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Редакционный совет:

Ю. М. Воронов	Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
О. В. Золотарев	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
И. В. Кондаков	Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Г. Н. Кочешков	Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
И. В. Купцова	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
В. А. Мансуров	Институт социологии РАН (Москва)
И. И. Осинский	Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
С. Н. Полторак	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Д. И. Польшвинный	Ивановский государственный университет
В. А. Порозов	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Е. М. Раскатова	Ивановский государственный университет
А. В. Репников	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
В. Г. Рыженко	Омский государственный университет
И. В. Сибиряков	Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
Г. С. Смирнов	Ивановский государственный университет
Ф. Х. Соколова	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
А. А. Соловьев	Костромской государственный университет

Editorial Board:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Replikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Рыбин Д. В.* Участие высших сановников Российской империи
в общественном движении против пьянства (начало XX в.) ... 9
- Паункович З.* Творчество Гайто Газданова
в интерпретации Льва Захарова 33
- Хавкин Б. Л.* «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь
за пистолет» 45

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Кареев Д. В.* «Будь счастливее Августа и лучше Траяна»:
император Траян в произведениях латинских
языческих историков и биографов IV в. 60
- Ткачев В. В.* Культурно-просветительская деятельность
И. Н. Жукова в Забайкальской Сибири
(вторая половина XIX — начало XX в.) 92
- Рогачева Е. Ю.* Философско-педагогические новации
интеллектуалов Чикагского и Колумбийского университетов
Джона Дьюи и Филипа Джексона 116

ДЕБЮТ

- Тихонович О. В.** Роль офицеров Корпуса охраны пограничья в культурно-просветительской и идеологической работе по полонизации военнослужащих и местного населения Западной Белоруссии Второй Польской Республики 136

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Климович Л. В.** Политические идеи российских эмигрантов в 1920—1930-е гг. *Рец. на кн.: Базанов П. Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 322 с.* 157
- Будник Г. А.** «И ярче уж горит светильник просвещения...». *Рец. на кн.: Балдин К. Е. Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 276 с.* 170
- Информация для авторов* 185

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Rybin D. V.** Participation of the highest dignitaries of the Russian Empire in the social movement against drunkenness (beginning of the XX century) 9
- Paunkovich Z.** Creativity of Gaito Gazdanov in the interpretation by Lev Zakharov 33
- Khavkin B. L.** “When I hear the word ‘culture’, I grab the gun” 45

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kareev D. V.** “Be happier than Augustus and better than Trajan”: Emperor Trajan in the works of Latin pagan historians and biographers of the IV century 60
- Tkachev V. V.** Cultural and educational activities of I. N. Zhukov in Transbaikal Siberia (second half of the XIX — early XX century) 92
- Rogacheva E. Yu.** Philosophical and pedagogical innovations by the intellectuals of the universities of Chicago and Columbia John Dewey and Philip Jackson 116

DEBUT

- Tikhonovich O. V.*** The role of the officers of the Border Protection Corps in the cultural, educational and ideological work on the polonization of the military services and the local population of Western Belarus of Second Polish Republic 136

READING AND DISCUSSION

- Klimovich L. V.*** Political ideas of Russian emigrants in the 1920s—1930s. *Review on the book: Bazanov P. N. Tsar and Soviets: Russian emigration in the struggle for Russian statehood: political and publishing activities. 2nd ed. St. Petersburg: RHGA Publishing House, 2022. 322 p.* 157
- Budnik II. A.*** “And the lamp of enlightenment burns brighter...”. *Review on the book: Baldin K. E. Educational space of the Russian province: educational institutions of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century). Ivanovo: Ivanovo State University, 2022. 276 p.* 170
- Information for authors* 185

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 9—32.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 3. P. 9—32.

Научная статья

УДК 94(470+571)“17/1917”

DOI: 10.46725/IW.2023.3.1

УЧАСТИЕ ВЫСШИХ САНОВНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ ПРОТИВ ПЬЯНСТВА (начало XX в.)

Данил Вячеславович Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста),
Санкт-Петербург, Россия, danilarybin@ Rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация. Проблема борьбы с пьянством в поздней Российской империи является предметом активного изучения в современной науке. В то же время многие аспекты этой борьбы, в том числе правовое регулирование кампании по борьбе с алкоголизмом, дискуссии в высшей палате парламента, участие отдельных общественных деятелей (ряда высших сановников) и прочие вопросы не раскрыты или раскрыты не в полной мере. Используя проблемно-хронологический метод, мы выстроили последовательность действий общественных активистов и сановников, приведшую к отмене винной монополии и введению сухого закона. Кроме работы попечительств трезвости, общественной кампании по борьбе с алкоголизмом раскрывается интересная страница из жизни

выдающегося российского юриста Анатолия Федоровича Кони. Принципиальный трезвенник, в 1907—1917 гг. член Государственного Совета, посвятил борьбе с зеленым змием много времени. Сенатор включился в борьбу с алкоголизмом на волне общественного возмущения нежеланием Министерства финансов отказаться от винной монополии, приносящей значительный доход в государственный бюджет. Обсуждение эффективности работы попечительств о народной трезвости плавно переросло в большую общественную антиалкогольную кампанию. Активная борьба с пьянством увенчалась принятием сухого закона, в чем Кони сыграл свою роль. Внедрение запрета на алкоголь в годы Первой мировой войны привело к росту социального напряжения, распространению суррогатов. К сожалению, мечты Анатолия Федоровича о преодолении пьянства успехом не увенчались, а сухой закон дестабилизировал государственную систему империи накануне второй русской революции.

Ключевые слова: А. Ф. Кони, попечительства о народной трезвости, соревнователи, пьянство, винная монополия, горькие пьяницы (алкоголики), сухой закон, Государственный Совет, суррогаты, земства

Для цитирования: Рыбин Д. В. Участие высших сановников Российской империи в общественном движении против пьянства (начало XX в.) // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 9—32.

Original article

PARTICIPATION OF THE HIGHEST DIGNITARIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SOCIAL MOVEMENT AGAINST DRUNKENNESS (beginning of the XX century)

Danil V. Rybin

St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice), St. Petersburg, Russia,
danilarybin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract. The problem of combating drunkenness in the late Russian Empire is the subject of active study in modern science. At the same time, many aspects of this struggle, including the legal regulation of the antialcohol-

ism campaign, discussions in the upper house of parliament, the participation of individual public figures (a number of senior dignitaries) and other issues have not been disclosed or are not fully disclosed. Using the problem-chronological method, we built a sequence of actions of social activists and dignitaries, which led to the abolition of the wine monopoly and the introduction of the Prohibition. In addition to the work of the guardianship of sobriety, a public campaign to combat alcoholism, an interesting page from the life of the outstanding Russian lawyer Anatoly Fedorovich Koni is revealed. Ideological teetotaler, in 1907—1917 member of the State Council, he devoted a lot of time to the fight against the green serpent. The senator joined the fight against alcoholism on the wave of public indignation over the unwillingness of the Ministry of Finance to abandon the wine monopoly, which is a significant income to the state budget. The discussion of the effectiveness of the people's sobriety guardianship gradually grew into a large public anti-alcohol campaign. An active fight against drunkenness culminated in the adoption of the dry law, in which Koni played a role. The introduction of a ban on alcohol during the First World War led to an increase in social tension and the spread of surrogates. Unfortunately, Anatoly Fedorovich's dreams of overcoming drunkenness were not crowned with success, and the dry law destabilized the state system of the empire on the eve of the second Russian revolution.

Keywords: A. F. Koni, guardianship of national sobriety, competitors, drunkenness, wine monopoly, bitter drunkards (alcoholics), Prohibition, the State Council, surrogates, zemstvos

For citation: Rybin, D. V. (2023), 'Participation of the highest dignitaries of the Russian Empire in the social movement against drunkenness (beginning of the XX century)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 9—32 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В начале XX в. упадок общественной морали в России было невозможно не замечать. Одним из проявлений этого упадка стало распространение пьянства в огромных размерах. Неизбежно должна была возникнуть реакция здоровой части общества на это девиантное поведение. Сначала общественные деятели, а потом различные организации с конца XIX в. предпринимали активные действия по борьбе с ростом алкоголизма. В свою

очередь министерство финансов, отстаивая винную монополию, доказывало незначительное ее влияние на рост пьянства в России¹.

Проблема роли пьянства в общественных событиях России последних двух веков является подробно изученным, но недооцененным явлением. Трехкратное повышение цен на алкоголь после 1850-х гг. привело к серии крестьянских бунтов, совпавших, «случайно», по времени с отменой крепостного права. Введение сухого закона в 1914 г. так удачно предшествовало второй русской революции. Повторное введение сухого закона после 1985 г. предшествовало, конечно же, «случайно», падению Советского Союза. Цепь «случайных» совпадений позволяет предположить, что алкоголизм в нашей истории может еще сыграть свою роль и изучение неудачной борьбы с ним является актуальной темой.

Постановка вопроса. На примере активной многолетней кампании начала XX в. мы стремимся показать, как образованная элита империи, преследовавшая благие цели в борьбе с пьянством, достигала противоположных результатов. Сама эта кампания и ее результаты являются предметом нашего исследования.

Историографический обзор. Активная дискуссия по борьбе с пьянством продолжалась в прессе и научных изданиях десятки лет. Можно упомянуть о таких авторах, как Д. Н. Бородин, Д. Г. Булгаковский (этот автор издал 33 брошюры о борьбе с пьянством), А. Мендельсон, В. Я. Канель и др. [Бородин, 1903; Булгаковский, 1910; Канель, 1914; Мендельсон, 1916]. Проблема дореволюционного пьянства и общественного движения по борьбе с этим злом обсуждается учеными и в нашу эпоху, в том числе Т. С. Протько, А. Л. Афанасьевым, И. Гурвичем, С. А. Сафроновым [Афанасьев, 2007; Девиантность и социальный контроль... , 2000: 185—214; Протько, 1988; Сафронов, 2017; Николаев, 2002; Зоткина, 2002]. Непосредственно участию Кони в борьбе с пьянством посвящена интересная статья Е. В. Черных. В числе прочих документов Черных проанализировал выступления А. Ф. Кони в Госсовете (далее: ГС) в 1907—1908 гг. [Черных, 2019: 202—206]. Подробно эволюция винной монополии была проанализирована в работах

¹ Казенная продажа вина. Издание Главного управления Неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900.

Г. А. Жолобовой, П. В. Пашкова [Жолобова, 2015: 689—709; Пашкова, 2013: 13—22].

Обзор источников. Ограничив тему деятельностью высших сановников империи, мы тем самым сузили список возможных использованных источников. В их число входят, кроме серии антиалкогольных изданий эпохи начала XX в. (А. Ф. Кони, Д. Г. Булгаковского и других), архивные материалы, содержащиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). В их число входят документы, отложившиеся в фонде А. Ф. Кони (Ф. 564), фонде особых совещаний, комиссий, общих собраний Государственного Совета империи (Ф. 1242). То есть основная часть работы посвящена оценке работы верхней палаты империи по борьбе с пьянством.

Постановка проблемы позволила нам расчленить предмет исследования на отдельные элементы: рост пьянства, неэффективность государственных и «общественных» организаций в борьбе с ним, обсуждение ликвидации этих псевдо-обществ, кампания по борьбе с алкоголизмом, обсуждение «пьяных» тем в Госсовете, запрет на алкоголь и последствие этого запрета.

Методология и методы исследования

В качестве основного метода использовался проблемно-хронологический подход, мы выстроили последовательность действий активистов и сановников, приведшую к введению «сухого закона». Хронологическая часть подхода позволила нам проследить статистику алкоголизации населения, нарастание интенсивности антиалкогольной кампании.

Основная часть

Алкоголизация общества и попытки борьбы с пьянством

По данным С. А. Сафронова, уровень алкоголизации общества во второй половине XIX в. уменьшался, а затем стал расти.

«В 1880—1882 гг. потребление алкоголя из расчета на чистый спирт на душу населения в России составляло 3,9 литра в год; к 1897 году упало до 2,4 литров в год, а затем медленно росло... Душевое потребление алкогольных напитков в России в 1906—1910 гг. составляло 3,41 л., а в 1913 г. — 4,7 л.» [Сафронов, 2017: 252]. «Остановить маховик спаивания населения было нельзя — это привело бы к финансовой катастрофе России, но и продолжать также было нельзя — “пьяный бюджет” не мог затыкать финансовые дыры бесконечно» [Там же]. Стоит отметить, что процент дохода казны от продажи алкоголя в общем бюджете страны упал с 41 % до 15,7 % с 1860 по 1912 гг. [Девиантность и социальный контроль..., 2000: 193].

С 1874 г. стали развиваться общества трезвости, постепенно охватывавшие всю страну, при поддержке части государственных чиновников и церкви (1767 обществ и почти 500 тыс. человек к 1911 г.). С 1894 г. началось создание попечительств о народной трезвости (ПНТ) — бюрократической структуры при министерстве финансов. Финансировались они среди прочего и от винной монополии... Попечительства занимались разнообразной деятельностью по борьбе с пьянством. По инициативе Витте была введена винная монополия (с 1895 г.) и закрыто большинство кабаков, взамен открывались винные лавки. К 1909 г. их число достигло 780.

С 1903 по 1910 гг. показатели работы ПНТ неуклонно сокращались, что свидетельствовало о падении их роли в борьбе с пьянством [Шевченко, 2017: 163—173]. В представлении члена Госсовета В. Н. Череванского указывалось, что ПНТ со своей задачей не справились. Потребление вина на душу населения вновь росло. Амбулаторное лечение, организованное ПНТ, результата не дало. Большинство попечительств никаких нарушений винной монополии «не замечало». Открытые читальни, библиотеки, чайные и театры своих функций не выполняли. Только 2 из 651 попечительств (!) распространяли антиалкогольную литературу. Расходы на ПНТ до 1907 г. постоянно росли. В свою очередь ПНТ были организованы плохо. В них входили представители местного чиновничества. Общественные деятели являлись либо почетными членами, либо

попечителями-соревнователями и не имели права голоса. Женщины вообще были отстранены от участия².

10 июня 1900 г. при Министерстве финансов было образовано особое совещание об изменении карательных постановлений о пьянстве под председательством Коковцова (товарищ министра финансов) с участием МВД, МЮ. Совещание констатировало факт переноса пьянства из кабаков на улицу. Только в 1899 г. в столице было задержано полицией 51117 пьяных людей. Камеры были переполнены пьяными людьми. На всю столицу было только 355 винных лавок, там скапливались толпы людей. Собрав мнения разных организаций, Особое совещание в январе—феврале 1901 г. дало ряд рекомендаций. Новое совещание было создано позже в том же году для обсуждения мер к сокращению пьянства. Совещание решало вопрос, как продавать, где, какова крепость алкоголя и пр. Совещание предложило паллиативные меры³.

***Общественная и парламентская дискуссия
об ограничении алкоголя и борьба с пьянством
после 1907 г.***

После первой русской революции общественное движение против пьянства шло по нарастающей. Отчасти это было связано с естественной реакцией общества на рост алкоголизма и пауперизма. Отчасти поддерживалась частью чиновников, городской интеллигенцией и религиозными людьми рассматривавшими пьянство как важнейший источник социальных проблем. С политической точки зрения выбор борьбы с пьянством был важен для руководства страны, стремившегося направить общество на борьбу со второстепенными (как им казалось) целями. Кампания против пьянства подпитывалась сочувствием императора. С 1909 г. проходили антиалкогольные съезды. По временам антиалкогольная кампания политизировалась — государство, особенно министерство финансов, обвиняли в преднамеренном спаивании подданных.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1. Д. 695. Л. 121—138 (далее: ГАРФ).

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 10. Л. 871—925 (далее: РГИА).

В 1907 г. в Госдуме и Госсовете началось обсуждение вопроса об отмене ПНТ. 17.05.1907 г. 39 членов ГС (инициатор В. П. Череванский) внесли проект закона об упразднении попечительств о народной трезвости. Планировалось отменить законодательство о народной трезвости; попечительства закрыть; остатки средств передать в казначейство; имущество передать безвозмездно в распоряжение городских/земских учреждений. Были созданы комиссии о мерах борьбы с пьянством (Анатолий Федорович Кони вошел в состав особой комиссии Госсовета). А. Ф. Кони подготовил возражения на имя министра финансов В. Н. Коковцова, выступавшего против закрытия ПНТ. 5 декабря, выступая в Госсовете, Кони отмечал, что ПНТ наполнены безразличными людьми. Закрытие кабаков при свободной продаже алкоголя привело к тому, что выпивка переместилась в домашний круг. По мнению докладчика (статданные он не приводил), якобы увеличилось пьянство среди членов семей. Юрист, указывая на административные права соревнователей (лица, выявляющие факты незаконного распития и приобретения алкоголя), подчеркивал странность положения, при котором для составления протокола они должны были привлекать понятых. Даже способ отвлечь внимание народа полезным досугом был извращен (неэффективен). В конечном счете, законопроект об отмене ПНТ не прошел согласование⁴ [Кони, 1908: 773—795; Кони, 1912: 511—522; Черных, 2019: 203—205].

Идеи Кони о существенных недостатках в работе ПНТ встретили сопротивление. Молодой священник Иларион (Троицкий), будущий священномученик РПЦ, написал юристу большой ответ-возражение на речь в Сенате и направил его Анатолию Федоровичу 8 ноября 1908 г. Этот ответ Троицкого газеты печать отказались.

В это время Троицкий активно боролся с пьянством, был «практиком» антиалкогольного дела. Он возражал против предложения сенатора передать питейное дело в руки частных торговцев с установлением наблюдательного контроля над ними (корруплируемого по мысли Троицкого). Идею усиления репрессий против незаконной торговли алкоголем Троицкий отбрасывал как «бес-

⁴ Там же. Д. 1. Л. 2.

смысленную». Основывался он при этом на всеобщем разложении государственного аппарата, игнорирующего закон и волю монарха.

Инициативе антиалкогольных обществ по закрытию винной монополии Троицкий не верил, считая, что ее иницируют частные торговцы. Ошибкой он считал мнение о широком распространении пьянства, указывая, что основное пьянство приходится на состоятельных горожан (доказательств священник не приводил). Сторонников трезвенного движения он считал чуть ли не проплаченными агентами. Например, Троицкий нападал на лидера трезвеннического движения предпринимателя М. Д. Челышова, при этом он пользовался лживыми байками, распространяющимися «журналистами», в том числе обвинял его в торговле водкой, чем семья предпринимателя не занималась.

Троицкий тщательно перебирает виды наркотических и опьяняющих веществ у народов России: кумыс, брага, настойка мухомора, перебродившая урина, опиум, гашиш, пиво, буза, опиум и т. д. Человек склонен к поиску таких веществ. Бесполезно их запрещать. Надо пропагандировать умеренность. Священник поднимал социальные причины пьянства: ограбление народа со стороны предпринимателей под прикрытием государства, аграрная несправедливость. Таким образом, социальная несправедливость ведет к пьянству. Что же делать? Троицкий не давал четких ответов на этот вопрос. Только предлагал сохранить казенную систему продажи алкоголя⁵.

Можно соглашаться с Кони или Троицким, это не меняет сути дела. Каждый вариант борьбы с пьянством имел свои преимущества и недостатки, но в итоге пьянство побороть он бы не смог. Предлагаемые варианты административных мер не затрагивали социально-психологические корни проблемы: деклассирование крестьянства, расслоение общества, упадок религиозной морали, кризис семьи, рост насилия и пр.

Тем временем комиссии Госдумы и Госсовета по упразднению ПНТ проходили в 1908 г. в условиях бурного обсуждения. Для обсуждения вопроса об упразднении попечительств о народной трезвости на заседании особой комиссии (учреждена 8 декабря

⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 763. Л. 1—4.

1907 г.), собравшейся 23.01.1908 г., ее члены спорили о пределах рассмотрения дел в комиссии. Отдельные члены Госдумы и Госсовета стремились придать обсуждению направление, охватывающее всё питейное дело в России.

11 марта 1908 г. Череванский указывал причины необходимости ликвидации ПНТ. Кони обращал внимание на неэффективную работу библиотек, театральных мероприятий, организуемых ПНТ. Кинематограф и аттракционы, напротив, действовали на народ развращающе. 18 марта Анатолий Федорович и большинство членов комиссии согласились, что театральные представления ПНТ не достигли цели. 24 марта на заседании комиссии Анатолий Федорович поднял важную задачу: организовать лечебницу для запойных пьяниц. ПНТ из-за недостаточного финансирования с этой задачей не справились. По его данным, за 17 лет до 1896 г. спилось 85 200 человек. При вскрытии мертвых тел обнаруживается 35 % алкоголиков, и это без учета военнослужащих и самоубийц (в начале XX в. такой процент достиг уже 57). Только в 1903 г. и только в Петербурге в больницы поступило 53 000 алкоголиков (1 на 23 жителя). Амбулаторные помещения, устроенные ПНТ, напоминали примитивные камеры.

28 апреля на заседании комиссии Кони произнес речь, в которой сформулировал основные цели борьбы с пьянством. Свести пьянство к нулю было возможно только в отдаленной перспективе из-за роли питейного дохода в бюджете государства. Он предлагал ввести ряд административных мер: запрет продаж в праздники и во время публичных мероприятий. 8 мая Кони провозгласил необходимость превратить борьбу с пьянством в обязанность для государства. Функции борьбы с пьянством следовало возложить на приходские советы, общества трезвости и охранения народного здоровья, советы по борьбе с пьянством при органах самоуправления и частных обществах. Правительству следовало оставить только контроль над ними. Анатолий Федорович изящно преподнес вопрос о ликвидации попечительств как вопрос о расширении организаций, занимающихся борьбой с пьянством, и предложил временно отложить ликвидацию ПНТ. Члены комиссии поддер-

жали позицию Кони. Некоторые (Таганцев) предлагали заменить ликвидацию попечительств на их реорганизацию.

17 мая на новом заседании комиссии ее члены обсуждали вопрос о сохранении попечительств, с постепенной передачей их функций создаваемым новым организациям по борьбе с алкоголизмом. Неудовлетворенный формулировкой комиссии, Кони вместе с 7 членами комиссии предложил свой проект постановления. Констатируя неудовлетворительную работу ПНТ и в то же время бессмысленность их ликвидации до формирования новых общественных организаций, а также руководствуясь ст. 54 и 56 об учреждении Государственного Совета, он предлагал проект отклонить. В ходе обсуждения проекта почти по каждому вопросу голоса делились поровну.

В итоге, председатель (предлагающий поддержать проект) перенес решение вопроса на осень. Комиссия собралась 29 октября 1908 г. Заседание было кратким. Все члены комиссии, кроме одного, проголосовали за отклонение законопроекта в редакции Кони. Он же делал доклад в Общем собрании Госсовета с предложением отклонить проект⁶.

Итоговый проект, составленный при участии Кони и прочитанный им, представлял развернутое обоснование необходимости преобразования борьбы с пьянством в России. С 1896 по 1906 гг. население империи увеличилось на 20 %, а питейный доход вырос на 133 %. Ежедневно народ пропивал 2 млн рублей. При этом душевое потребление водки составляло в России 0,61 ведра в год, а, к примеру, в Дании — 1,72 ведра. В год в России из-за алкоголя так или иначе погибало более 15000 человек.

Далее в проекте констатировался факт, что простая ликвидация неэффективных попечительств ни к чему не приведет. Требовались более серьезные меры борьбы. Необходимо было принять новый правовой акт. Кони сразу же предлагал создать Российский Зеленый крест. Членам этой организации предписывалось предоставить право наблюдения за питейными местами, контролировать возбуждение уголовных дел при нарушении закона по

⁶ Там же. Д. 695. Л. 1—138.

регулированию алкогольной продукции, выступать обвинителями в судах. Далее Кони и его сторонники предлагали создать специальный Комитет при МВД, состоящий из представителей разных ведомств, координирующих деятельность антиалкогольных организаций. Также предлагались административные меры: ввести прогрессивный налог для крепких напитков, расширить продажу вина и пива, предоставить сельским обществам право закрывать питейные заведения, ограничить продажу алкоголя в определенные дни, запретить на продажу спиртное лицам до 18 лет, запретить на продажу алкоголь лицам, находящимся в опьянении, отменить чарки в армии.

Необходимо было срочно развить серию лечебниц, в которых по согласованию психиатров и учреждений опеки с помощью принудительного лечения могли бы исцеляться хронические алкоголики. Кони предлагал перенести основной элемент деятельности с бюрократии на общество.

11 марта 1909 г. состоялось новое выступление Кони на заседании Госсовета. Сенатор с тревогой отмечал, что продолжался рост смертей от алкоголизма, рост преступлений и самоубийств, рост числа «горьких пьяниц», рост числа больных детей — потомков пьяниц. Анатолий Федорович призывал бороться не с алкоголизмом, а с пьянством вообще. Юрист подробно развивал идеи доклада 1907 г. о низкой эффективности ПНТ. Они страдали от волокиты, плохой пропаганды, ориентировались на развлечения, эксплуатировали малое количество лечебниц (в 1908 г. на лечебницы было выделено 28000 рублей). Кони предлагал передать управление ПНТ органам самоуправления, не упраздняя их. Общее собрание Госсовета 11.03.1909 г. постановило отклонить законопроект особой комиссии (1908 г.) [Кони, 1912: 522—538].

Обсуждение антиалкогольных проектов в Государственном Совете

31 член Госсовета внес законопроект «о новой организации попечительств о народной трезвости». Была создана новая комиссия в составе 15 человек. Результаты рассмотрения проекта комиссии в ведомствах рассмотрели на заседании Госсовета 19 ноября

1909 г. Кони отмечал, что упадок ПНТ усиливался, взносы на их деятельность уменьшались. Сенатор отметал все страхи. Ущемление производителей алкоголя стимулировало подпольную продажу «горючего зелья». Кони выступал с «криком наболевшей души». Он приводил примеры препятствия закрытию винных лавок подразделениями Министерство финансов. Кони требовал сократить количество чиновников, входящих в попечительные комитеты, и передать, наконец, их в органы местного самоуправления [Кони, 1912: 511—552]. Проект снова «пустили по кругу». В итоге после заседаний 19 и 25.11.1909 г. Госсовет решил выработать только основные начала реформы, в частности: борьба с пьянством составляет государственную задачу, попечительства передаются из Министерство финансов в МВД, попечения на местах подчиняются зем./гор. управлениям, привлекаются частные организации⁷.

В 1909 г. была создана новая комиссия Госсовета (31 советник, председатель — А. С. Ермолов), продолжившая обсуждение проекта. Новый проект комиссии предполагал передать все полномочия в этой сфере в зем./гор. учреждения; создать в них специальные комиссии по ПНТ; передать ПНТ из Министерства финансов в МВД; образовать губернские комитеты ПНТ, но с ограниченными функциями; поручить распределение средств на ПНТ губернским комитетам о народной трезвости; надзор за ними передать губернским присутствиям по зем./гор. делам (Кони голосовал — за); не включать преподавателя местной духовной семинарии в состав губернского комитета ПНТ (Кони — за); проект также предполагал, что губернатор получает право производить ревизию гор/зем. управ по делам ПНТ (Кони — против); не устанавливать специальный порядок управления ПНТ для отдельных регионов (Кони — за); вводить сметный порядок отпуска средств на ПНТ (Кони — за); не навязывать губернским комитетам о ПНТ жесткую разверстку средств (Кони — за); утверждать председателей советов попечения о ПНТ; не вводить городских гласных в комитеты (Кони был согласен); ввести в комитет членов управы губернского города (Кони — за); за губернатором сохраняется право утверждать

⁷ РГИА. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—7.

комитеты по избранию религиозных общин и обществ (антипьянства) (Кони — против); сохраняется право утверждать представителей иноверческого духовенства в комитетах попечения (Кони — за); в соответствии с проектом в состав комитетов могут входить лица, приглашенные председателями комитетов; губернские комитеты сохраняют контроль за отчетностью поступающих из казны средств (Кони — за); в случае бездействия земств/городов МВД может создавать временные комитеты ПНТ. В итоге проект Устава ПНТ составил 107 статей. Среди тех, кто подал наибольшее число возражений, были: А. Ф. Кони, Н. Крамер, В. Меллер-Закомельский, К. Скимунт, М. Ковалевский. Они выступали против права губернаторов проводить ревизии ПНТ, против расширения пределов закона и т. д. После составления проекта Госдума и Госсовет вяло его обсуждали. Так или иначе в 1911 г. новый проект Устава поступил на обсуждения в ведомства.

По постановлению Совета министров 19.01.1910 г. разработка законопроекта была возложена на МВД. Разработанный МВД проект в 1912 г. был обсужден в Совете по делам местного хозяйства (там действовала комиссия о народной трезвости). Решили сделать закон в форме Устава. Предполагалось создавать губернские, уездные и городские комитеты попечения о народной трезвости; ввести обязательное участие духовенства и других обществ. Также планировалось в уездах и городах создавать комиссии попечения о народной трезвости. Предполагалось распространять представления о вреде крепкого алкоголя, отвлекать население от пьянства, лечить алкоголиков, устраивать дома трудолюбия, искоренять тайную торговлю алкоголем.

В 1912 г. прошла серия заседаний комиссии МВД с участием Витте, Джунковского и прочих деятелей. Особенно интенсивно комиссия заседала в феврале 1912 г. 2 марта 1912 г. проект Устава рассматривался уже в общем присутствии Совета по делам местного хозяйства. Отмечалось, что кроме попечительств на 1912 г. существовало 253 гражданских общества трезвости (в 1914 г. — 255). Подавляющее большинство обществ находилось на северо-западе империи от Эстляндии до Казани. За 15 лет было создано 1767 церковных общества трезвости. В качестве приме-

ра успешных обществ приводили Александро-Невское общество трезвости, существовавшее с 1899 г. За 10 лет было зарегистрировано 598 000 трезвенных обещаний, данных поданными империи; проведено 11 666 бесед и поучений. Только в 1909 г. и только в Воскресенском храме Санкт-Петербурга было проведено 1464 беседы — с участием 600 000 человек. Общество издало 268 книг тиражом 3 млн экз., имело свою типографию, провело 3 000 чтений — 813 000 слушателей. 2 раза в год совершались трезвенные крестные ходы в Лавру (на Пасху) и Сергиеву пустынь (на Троицу и на Духов день), в которых участвовало до 100 000 человек. В Александро-Невском обществе трезвости действовало 12 отделений, 7 библиотек, 5 школ, детский сад. Через школы прошло 1100 учащихся. В Сергиевой пустыни была открыта первая российская Сергиевская школа трезвости. Это была обычная школа, но с интенсивной пропагандой трезвости. С 1903 г. в МВД поступали бесконечные ходатайства земских собраний и городских дум о передаче им попечительств о трезвости⁸.

24.04.1913 г. в Госсовете рассматривался законопроект о новой организации ПНТ. Было решено создать новую комиссию по попечительствам (старая распускалась). Одновременно работала комиссия для обсуждения закона об изменении порядка торговли крепкими напитками. После обсуждения 5 вариантов была сформирована комиссия, в которую вошел и А. Ф. Кони. Председателем избрали А. А. Макарова. Он же был председателем второй комиссии по ограничению крепких спиртных напитков. Заседания обеих комиссий регулярно посещали Коковцов, Акимов, Дерюжинский, Гирс, Червинский и пр. чиновники. Поступали предложения объединить комиссии⁹.

Летом 1913 г. работа комиссии Госсовета по ликвидации ПНТ возобновилась с новой силой. Были заслушаны большие доклады А. А. Макарова и Н. А. Зиновьева. В обсуждении участвовало много людей. Наиболее критично выступал Н. А. Зиновьев, по большинству пунктов голосовавший против. Новый проект запрещения крепких напитков предполагал предоставление

⁸ Там же. Л. 101—178, 400.

⁹ Там же. Л. 275—312.

местным сообществам/сходам составлять запретительные приговоры на продажу спиртных напитков. Эти сообщества также могли избирать попечителей трезвости для контроля за продажей алкоголя. Вводились участковые попечители трезвости (от госорганов). Предполагалось резко ограничить место и время продажи крепких спиртных напитков. Проект Устава (февраль 1914 г.) предполагал создание советов попечения о народной трезвости под руководством председателя городской или земской управы. Участковые попечители должны были избираться думами и собраниями. Советы в основном имели координирующие функции¹⁰.

Комиссия Госсовета заседала много раз. Проходили бурные обсуждения. Многие участники заседаний не признавали необходимости создания губернских комитетов по борьбе с пьянством. Член Госсовета Крамер задавался вопросом, зачем вообще нужны члены комиссий по назначению (пусть будут выборные), зачем предоставлять губернатору право закрывать попечительства при наличии 1—2 неблагонадежных членов, зачем нужны цензы? На борьбу с пьянством идут энтузиасты, зачем их ограничивать? Многие выступали против постоянной земской комиссии: она не будет реально работать. В итоге с небольшим перевесом прошло предложение о создании временных комиссий.

Принципиальный вопрос состоял в том, стоит ли привлекать губернские земства к контролю над ПНТ? Часть депутатов выступала против усложнения системы борьбы с пьянством и умножения обществ. Шли споры о функциях учреждений по борьбе с пьянством. Особенно много выступали против создания губернских учреждений по борьбе с пьянством (Кони поддержал идею создания губернских комитетов, и идея была поддержана простым большинством голосов). Кони настаивал на том, что нельзя привлекать к суду и к должностной ответственности попечителей о народной трезвости: ведь никто не привлекает к ответственности членов обществ защиты детей от жестокого обращения.

Возник спор о возможности предоставить право проводить ревизии ПНТ членам губернских присутствий. Кони выступил за ревизии, и его поддержали другие коллеги. Он предлагал вклю-

¹⁰ Там же. Л. 353—356, 465.

чить в состав губернских комитетов прокуроров. Большинство выступило за. Кони выступил против надзора губернатора: «борьба с народным пьянством должна быть, во всяком случае, изъята из ведения администрации, которая, как показывал уже не раз прежний опыт, может преследовать фискальные интересы»¹¹. Но это предложение не было поддержано.

Кони предлагал исключить 13-й отдел Устава (право губернатора возлагать на члена особого по зем/гор. делам присутствия права производить ревизию земских управ по отношению и к ПНТ, и ко всем отраслям ведения сих управ); статью 101-ю Устава дополнить указанием о том, что губернатору предоставляется право производить ревизию учреждений, ведающих делом ПНТ как лично, так и через вице-губернатора и неперменного члена губ. присутствия по зем/гор. делам присутствия. Однако весной 1914 г. под политическим давлением Кони отказался от своей поправки к 101-й и другим статьям Устава. Устав был сокращен до 80 статей, и из него исчез пункт о праве губернаторов на ревизию¹².

Введение сухого закона

Против винной монополии агитировал С. Ю. Витте, ее и введивший (по его словам, идею извратили). Кони поддерживал Витте. Также в интриге участвовали Распутин, князь Мещерский, императрица, многие министры. Император решил покончить с пьянством. В качестве главного «противника реформы» выбрали премьер-министра В. Н. Коковцова. 30 января 1914 г. один из лучших председателей Совмина был отправлен в отставку. Его погубил «пьяный вопрос» [Сафронов, 2017: 331—342]. Проект Госсовета о ПНТ поступил в Госдуму в феврале 1914 г. и стал там обсуждаться, но введение сухого закона обесмыслило проект, и его обсуждение прекратилось. Тем временем летом 1914 г. в регионах прошли массовые съезды по внедрению трезвости.

Новый министр финансов П. Л. Барк повел наступление на алкоголь. Весной и летом Барк проводил множество межведомственных совещаний о мерах борьбы с нетрезвостью. 11.03.1914 г.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 1—137.

¹² Там же. Д. 2. Л. 4—299.

Министерство финансов предписало акцизному надзору устранить нарушения в торговле алкоголем, уменьшить число мест продажи питей, преследовать их тайный сбыт. С 22.05.1914 г. запрещено употребление спиртных напитков в армии. В тот же день вышел циркуляр Министерства финансов, обязывающий активизировать работу ПНТ, открывать библиотеки, проводить выставки, организовывать научные лекции о вреде алкоголя, усилить религиозно-нравственное воздействие, поощрять общества трезвости. 24 апреля 1914 г. был принят закон о виноградном вине, усиливший уголовную ответственность. Тогда же были утверждены правила о выделке, хранении и продаже виноградного вина¹³.

В июле 1914 г. при мобилизации в армию продажа крепких напитков была запрещена везде, кроме трактиров, буфетов и клубов.

Борьба с пьянством продолжалась всю войну и шла по нарастающей. 22.08.1914 г. императорским повелением продажа алкоголя (спирта, хлебного вина и водочных изделий) для потребления была запрещена до окончания войны, продажа легких виноградных вин (до 16°) и пива допущена только на вынос, вскоре пиво крепостью свыше 3,7 % было запрещено. 22.09.1914 г. сельские общества получили право ходатайствовать о прекращении торговли, а потом такое право получили все общественные организации. 27.09.1914 г. по ходатайству сельских и городских управлений было утверждено положение Совмина о полном запрете продажи алкоголя.

Был запрещен отпуск спирта на изготовление водочных изделий (цирк. 1916 г. № 2524); установлены правила учета, выпуска и передвижения водочных изделий и коньяка (7.03.1916 г.); введены правила для отпуска спирта на парфюмерные и косметические заводы (27.06.1916); правила для отпуска денатурированного спирта (2.05.1916); запрещена пересылка крепких напитков по почте (08.08.1916); ограничена перевозка крепких напитков по железной дороге (01.10.1916); запрещено производство спирта во всех винокуренных и дрожжевых заводах до 01.07.1917 г. (29.09.1916).

¹³ Там же. Д. 7. Л. 2, 39—41; Д. 10. Л. 128; Д. 14. Л. 4—14.

Было усилено наказание за тайное винокурение и появление в публичных местах в нетрезвом виде, установлена уголовная ответственность за переработку для потребления в качестве напитка денатурированного спирта, лака, политуры и т. д. (10.07.1915); усилено преследование на местах питейных нарушений (циркуляры 1915, 1916 гг.); предписано быстро расследовать дела о незаконной продаже алкоголя, предписано ускорять слушаний дел по нарушениям трезвости; были приняты меры против уклонений от суда лиц, привлекаемых за тайное винокурение (циркуляры минюста 12.08.1914, 14.06.1916, 12.03.1914, 08.06.1916)¹⁴.

История с комиссиями по борьбе с пьянством на этом не закончилась, так как проект Устава о ПНТ все еще не был принят. 18 июня 1915 г. по решению Совмина было образовано Особое совещание под председательством графа Бобринского, а затем князя Д. П. Голицын-Муравлина для объединения мероприятий, направленных на укрепление народной трезвости. Совещание анализировало последствие введения сухого закона и проработало до марта 1917 г.¹⁵ В феврале 1917 г. была создана комиссия Госсовета «для обсуждения законопроекта об изменении и дополнении некоторых, относящихся к изготовлению крепких напитков, постановлений»¹⁶.

Введение сухого закона описывалось в победных тонах. Перечисляли рост вкладов в банках, рост спроса на товары народного потребления, сокращение числа прогулов на предприятиях. Число винных лавок сократилось с 25 248 (1914 г.) до 1 461 (на 1.01.1916), частных торговых мест с 84 486 до 31 833. С 27.09.1914 поступило 7792 заявления от общественных, сельских и прочих организаций о закрытии лавок.

В то же время с мест от полиции поступали крайне тревожные сигналы. К ним также присоединились материалы социологических исследований. Например, многие поданные не понимали смысл в запрете легких алкогольных напитков. Отмечалось, что распространялся денатурированный спирт, политура, самогонка,

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 2, 40, 41; Д. 10. Л. 128—130.

¹⁵ Там же. Д. 4.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 757. Л. 35.

брага, краска с примесью денатурата и прочие суррогаты. Население заменило водку 23 видами напитков: ханжа, пучка с денатуратом, хлебный солод, хмельный мед, брага, фруктовое вино, пиво, одеколон, лак, политура, эфир, древесный спирт, бензин, капли Иноземцева, киндер-бальзам, водка из изюма, настойка на чернике, «пчелка», «зычай», капли с запахом водки, «Спотыкач, Семеринда, Чемерина, Кислушка, Кишмишевка, Пидстрыбаловка». Например, рост потребления денатурированного спирта в Витебской губернии вырос в 2—3 раза за 1915 г.¹⁷

Заключение

Свои размышления о борьбе с алкоголизмом Анатолий Федорович Кони изложил в статье «К истории нашей борьбы с пьянством», опубликованной в 1915 г. [Кони, 1967: 371—379]. Вслед за врачами и общественными деятелями Кони отмечал годовой успех действия запрета. Преступность снижалась, взносы в частные финансовые организации росли. При этом сенатор не видел растущего напряжения в обществе. Причины, вызывающие пьянство, не были устранены. Кони боролся не с первопричиной. На эту первопричину — распад общины, сопровождавшийся массовой пауперизацией крестьян, он никак повлиять не мог.

Разложение общества очень волновало Кони. Он видел в этом признаки глубокого нравственного упадка, поразившего Россию. Анатолий Федорович боролся с пороками, как мог. Но его сил, а также близких ему по мировоззрению людей оказалось слишком мало, и результаты были скромными. С 1917 г. пьянство приобрело невиданные масштабы («пьяная революция»). Массовое самогонование процветало. Деревни спивались целиком. Алкоголь и наркотики позволяли забыть об ужасах террора и войны, но приводили к дальнейшему упадку семьи и росту преступности. Более того, пьянство было необходимо, так как позволяло наполнять бюджет и давало возможность бросать пьяных людей в мясорубку войны. Кони, думая о пользе человека, совершал большую гума-

¹⁷ Там же. Д. 7. Л. 2, 3; Д. 10. Л. 130, 250—280, 422—456, 588.

нистическую ошибку. Сухой закон в годы Первой мировой войны стал одной из причин падения империи (отказ от одурманивания людей повышал их социальную активность, отказ от манипулирования через алкоголь лишал государство доходов, сухой закон при демонстративном его игнорировании богатой элитой империи вызывал раздражение у населения, прежде всего у солдат). Большевики такой грубой ошибки не допустили.

Список источников

- Афанасьев А. Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907—1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ГУСУР, 2007. 195 с.
- Бородин Д. Н.* Значение чайных в борьбе с алкоголизмом. СПб.: [б. и.], 1903. 21 с.
- Булгаковский Д. Г.* Очерки деятельности попечительства о народной трезвости за все время их существования (1895—1909 гг.): в 2 ч. СПб.: Отечественная типография, 1910. 240 с.
- Девиантность и социальный контроль в России (XIX—XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.
- Жолобова Г. А.* Механизм правового регулирования частной торговли спиртными напитками в условиях казенной винной монополии в России на рубеже XIX—XX вв. // *Налоги и налогообложение.* 2015, № 9. С. 689—709.
- Зоткина Н. А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX—XX вв.: преступность, пьянство, проституция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 24 с.
- Кони А. Ф.* Попечение о народной трезвости // *Вестник Европы.* Т. III. Кн. 6. СПб., 1908. С. 773—795.
- Кони А. Ф.* По вопросу об упразднении попечительства о народной трезвости в их настоящем виде // *На жизненном пути.* Т. 2. СПб.: тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. С. 511—552.
- Кони А. Ф.* К истории нашей борьбы с пьянством // *Собр. соч.* в 8 т. Т. 4. / сост., коммент. М. М. Выдря. М.: Юрид. лит., 1967. С. 371—379.
- Мендельсон А.* Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг.: Издание Российского общества борьбы с алкоголизмом, 1916. 54 с.

- Николаев А. В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894—1932 гг.: опыт отечественной истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2002. 22 с.
- Пащикова П. В. Казенная винная монополия в России конца XIX — начала XX в. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. 2013. № 159. С. 13—22.
- Протьюко Т. С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск: Наука и техника, 1988. 165 с.
- Сафронов С. А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914—1925 годов: в 2 т. Т. 2. От казенной винной монополии С. Ю. Витте до «сухого закона». Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 544 с.
- Черных Е. В. А. Ф. Кони и проблема реформирования попечительств о народной трезвости // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX—XXI вв.: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Липецкой области. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т, 2019. С. 202—206.

References

- Afanasyv, A. L. (2007), *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiia. 1907—1914 gody: opyt ozdorovleniia obshchestva* [The sober movement in Russia during the period of peaceful development. 1907—1914: the experience of improving society], TUSUR, Tomsk, Russia.
- Borodin, D. N. (1903), *Znachenie chainykh v bor'be s alkogolizmom* [The importance of tea shops in the fight against alcoholism], bez izdatel'stva, St. Petersburg, Russia.
- Bulgakovskiy, D. G. (1910), *Ocherki deiatel'nosti popечitel'stva o narodnoi trezvosti za vse vremia ikh sushchestvovaniia (1895—1909 gg.)* [Essays on the activities of the guardianship of people's sobriety for the entire time of their existence (1895—1909)], v 2 chastiakh, Otechestvennaia tipografiia, St. Petersburg, Russia.
- Chernykh, E. V. (2019), 'Horses and the problem of reforming guardianship of people's sobriety', *Rossiiskaia gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidatelei: IX—XXI vv.: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 65-letiiu Lipetskoi oblasti* [Russian statehood in the Faces and Destinies of its creators: IX—XXI centuries: abstracts of the VI International Scientific Conference dedicated to the 65th anniversary of the Lipetsk region], Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Lipetsk, Russia: 202—206.

- Deviantnost' i sotsial'nyi kontrol' v Rossii (XIX—XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie* [Deviance and Social Control in Russia (XIX—XX centuries): trends and Sociological Understanding] (2000), Aleteiia, St. Petersburg, Russia.
- Koni, A. F. (1908), 'Taking care of people's sobriety', *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], vol. III, iss. 6, St. Petersburg, Russia: 773—795.
- Koni, A. F. (1912), 'On the issue of the abolition of guardianship of people's sobriety in their present form', in *Na zhiznennom puti* [On the path of life], vol. 2, Tipografiia St. Peterburgskogo tovarishchestva pečhati i izdatel'skogo dela "Trud", St. Petersburg, Russia: 511—552.
- Koni, A. F. (1967), K istorii nashei bor'by s p'ianstvom [To the history of our fight against drunkenness], in Vydrya, M. M. (comp.), *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh*, vol 4, Iuridicheskaiia literatura, Moscow, Russia: 371—379.
- Mendelson, A. (1916), *Itogi prinuditel'noi trezvosti i novye formy p'ianstva* [The results of forced sobriety and new forms of drunkenness], Izdanie Rossiiskogo obshchestva bor'by s alkogolizmom, Petrograd, Russia.
- Nikolaev, A. V. (2002), *Bor'ba s p'ianstvom i alkogolizmom v 1894—1932 gg.: opyt otechestvennoi istorii* [The fight against drunkenness and alcoholism in 1894—1932: the experience of national history], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Togliatti State University, Togliatti, Russia.
- Pashkova, P. V. (2013), 'State wine monopoly in Russia in the late XIX — early XX century', *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University], no. 159: 13—22.
- Protko, T. S. (1988), *V bor'be za trezvost': stranitsy istorii* [In the struggle for sobriety: pages of history], Nauka i tekhnika. Minsk, Belarus.
- Safronov, S. A. (2017), 'The "Drunken question" in Russia and the "dry law" of 1914—1925', in Safronov, S. A. (ed.), *Ot kazennoi vinnoi monopolii S. Iu. Vitte do "sukhogo zakona"* [From the state wine monopoly of S. Y. Witte to the "dry law"], vol. 2, Sibirskii federal'nyi univertitet, Krasnoiar'sk, Russia.
- Zholobova, G. A. (2015), 'The mechanism of legal regulation of private trade in alcoholic beverages under the state wine monopoly in Russia at the turn of the XIX — XX centuries', *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and taxation], no. 9: 689—709.
- Zotkina, N. A. (2002), *Fenomen deviantnogo povedeniia v povsednevnoi zhizni rossiiskogo obshchestva na rubezhe XIX—XX vv.: prestupnost', p'ianstvo, prostitutsiia* [The phenomenon of deviant behavior in the

everyday life of Russian society at the turn of the XIX—XX centuries: crime, drunkenness, prostitution], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Penzenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni V. G. Belinskogo, Penza, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Рыбин — кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста), Россия.

D. V. Rybin — Candidate of Science (History), Associate Professor, Director, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice), Russia.

Научная статья

УДК 821.161.1(1-87)

DOI: 10.46725/IW.2023.3.2

ТВОРЧЕСТВО ГАЙТО ГАЗДАНОВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЬВА ЗАХАРОВА

Зорислав Паункович

журнал «Русский альманах», Белград, Сербия,
zorislavp@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается творчество одного из самых ярких писателей Русского зарубежья Гайто Газданова. В контексте интерпретации творчества Газданова автор обращает особое внимание на публикации жившего в Сербии русского критика-эмигранта Льва Захарова, публиковавшегося некоторое время под псевдонимом Евгений Захаров. В статье анализируется целый ряд публикаций Захарова как в русской эмигрантской, так и в сербской периодике. Отмечается точность и адекватность многих оценок Захаровым творчества Гайто Газданова. В этой связи отмечается близость истолкования творчества Льва Захарова к соображениям Ивана Бунина о молодых писателях русской эмиграции межвоенной эпохи. Автор подчеркивает, что сербская тематика также нашла свое отражение в творчестве и биографии Гайто Газданова.

Ключевые слова: Гайто Газданов, русская эмиграция в Сербии, русская литература в зарубежье, Лев Захаров, Иван Бунин, Георгий Адамович

Для цитирования: Паункович З. Творчество Гайто Газданова в интерпретации Льва Захарова // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 33—44.

CREATIVITY OF GAITO GAZDANOV IN THE INTERPRETATION BY LEV ZAKHAROV

Zorislav Paunkovich

magazine “Russian almanac”, Belgrade, Serbia,
zorislavp@gmail.com

Abstract. The article deals with the work of one of the brightest writers of the Russian diaspora, Gaito Gazdanov. In the context of interpreting Gazdanov’s work, the author pays special attention to the publications of the Russian émigré critic Lev Zakharov, who lived in Serbia and published for some time under the pseudonym “Evgeny Zakharov”. The article analyzes a number of Zakharov’s publications both in Russian émigré and Serbian periodicals. The accuracy and adequacy of many of Zakharov’s assessments of Gaito Gazdanov’s work are noted. In this regard, the closeness of the interpretation of Lev Zakharov’s work to Ivan Bunin’s thoughts about young writers of the Russian emigration of the interwar era is noted. The author emphasizes that the Serbian theme is also reflected in the work and biography of Gaito Gazdanov.

Keywords: Gaito Gazdanov, Russian emigration in Serbia, Russian literature abroad, Lev Zakharov, Ivan Bunin, Georgy Adamovich

For citation: Paunkovich, Z. (2023), ‘Creativity of Gaito Gazdanov in the interpretation by Lev Zakharov’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 33—44 (in Russ.).

В литературе о Гайто Газданове (Георгии Ивановиче Газданове [1903—1971]) — одном из самых ярких писателей Русского зарубежья — до недавнего времени был неизвестен тот факт, что в межвоенный период его произведения привлекли к себе внимание в Югославии, прежде всего в Сербии [Паункович, 2005]. Между тем сербская тема присутствует как в творчестве этого писателя [Там же: 214], так и в его биографии [Переписка..., 2005]. По меньшей мере дважды. Первый раз, по-видимому, под впечатлением от поездки через Югославию в конце 1923 г., когда Газданов на знаменитом поезде «Восточный экспресс» выехал из Софии в Париж (через Сербию, Хорватию и Словению). Второй раз — в оккупиро-

ванном нацистами Париже, когда среди русских писателей (Нина Берберова, Владимир Вейдле, Гайто Газданов, Юрий Фельзен) обсуждалось движение Сопротивления в Югославии, о чем вспоминал Роман Гуль, ссылаясь на письмо Газданова [Гуль: 106—107].

На сербском языке о Газданове писал Бронислав (Владимир) Сосинский (1900—1987), друг и одноклассник Газданова по Шуменской гимназии в Болгарии [Гајто Газданов..., 2005; Известные рецензии..., 2006]. Он также был писателем, жил в Париже и публиковал свои статьи в «толстом» белградском журнале «Русский архив», с которым сотрудничал в 1928—1932 гг. Б. Сосинский обращается к творчеству Газданова в семи публикациях, оценивает его роман «Вечер у Клэр» (1929), повесть «Великий музыкант» (1931), а также рассказы «Мартын Расколинос» (1930), «Гавайские гитары» (1930) и «Мэтр Рай» (1931). Для Сосинского «Вечер у Клэр» — «событие не только в молодежной эмигрантской литературе, но и вообще в русской литературе» [Сосински, 1930b], а Газданов — на первом месте среди молодых сотрудников журнала «Воля России» [Сосински, 1930a]. Тексты Сосинского написаны на русском языке, а в сербском журнале напечатаны в переводе.

Еще один автор, который писал о Газданове в Сербии на сербском языке между двумя мировыми войнами, — Евгений Захаров (Евгеније Захаров). Это псевдоним Льва Горовича Захарова (1903—1975), возможно, самого плодовитого автора, писавшего в сербской эмиграции о русской литературе. В отличие от большинства русских эмигрантских авторов, он писал и публиковался в основном на сербском языке. Переводчик, журналист и литературовед Л. Захаров занимался прежде всего русской литературой и русскими темами в течение очень длительного периода времени — более пяти десятилетий. Его деятельность во многом связана с периодическими изданиями, в которых он очень компетентно комментировал современную ему эмигрантскую и советскую литературу. Наследие Захарова еще недостаточно изучено, но оно, несомненно, заслуживает внимания в своей совокупности как часть истории сербской русистики.

Творчество Захарова не только разножанрово и объемно по содержанию, но и чрезвычайно разнообразно, оно включает в себя критику большого количества произведений: от классиков

до современных авторов. Так, например, только библиография его текстов под псевдонимом Евгений Захаров в периодических изданиях до 1941 г. (после войны издавался в основном под своим именем Лев Захаров) насчитывает 230 единиц (всего 237 статей) [Bibliografija gasprava..., 1959], а в хорватской периодической печати после войны, не считая анонимных статей, он опубликовал не менее 101 текста [Lukšić I., Užarević J., 1992].

Захаров, являясь сверстником Газданова, писал о его произведениях в разных изданиях. О романе «Вечер у Клэр» — в лучшем сербском журнале межвоенной эпохи — «Сербский литературный гласник» [Захаров, 1930]. А о романах «История одного путешествия» [З. Е., 1939] и «Полет» [Захаров, 1939] — в ежедневной сербской газете «Правда», где как постоянный сотрудник внимательно отслеживал процессы в русской литературе и культуре. Имя Газданова также фигурирует в интервью, которое Захаров взял у Ивана Бунина, когда русский писатель посетил Белград в 1937 г. [З. Е., 1937; Бобан, 2002: 151]. В беседе с Л. Захаровым И. Бунин особо отметил молодых писателей русской эмиграции, выделив среди них прозаиков В. Набокова, Н. Берберову и Г. Газданова. Насколько нам известно, Захаров, не считая Адамовича, был единственным критиком, рассмотревшим роман «Полет» после его выхода. Также только он, наряду с Адамовичем, написал обо всех трех первых романах Газданова.

Гайто Газданов упоминается и в других статьях Льва Захарова. Только в 1931 г. Газданов появляется на страницах «Летописи Матицы сербской» в трех текстах этого критика. В статье «Русская литература 1930 года» Захаров констатирует, что «за истекший год летопись русской литературы зафиксировала много интересных и значительных событий», притом что «в русской зарубежной литературе были произведения, мимо которых нельзя пройти, излагая новейшие русские литературные события» [Захаров, 1931а: 96]. Как отмечал критик, 1930 г. был весьма плодотворным для русской литературы в эмиграции, так что Белград после основания издательства «Русская библиотека» можно рассматривать как крупный русский издательский центр за пределами исторической родины [Там же: 99]. Как утверждал Захаров, «Газданов — еще более значительный писатель, чем Набоков» [Там же: 106].

В 1930 г. Газданов представил читателям роман «Вечер у Клэр» и несколько рассказов, среди которых Захаров особенно выделил «Гавайские гитары» и «Черные лебеди». Как подчеркивал этот критик, Газданов «с успехом обращается к темам из жизни русской эмиграции» и «дает одну из самых прекрасных гарантий будущего русской литературы» [Там же].

В сентябрьском номере «Летописи Матицы сербской» за 1931 г. Захаров публикует статью о русских периодических изданиях. Критик, характеризуя «Современные записки», один из крупнейших и важнейших журналов русской эмиграции, отмечал, что «этот журнал предпочитает печатать писателей с уже сложившейся и надежной репутацией, принимая произведения молодых писателей в той мере, в какой эти писатели уже проложили себе путь через другие литературные журналы» [Захаров, 1931b: 283]. В качестве примера Захаровым упоминается «отличный молодой писатель Гайто Газданов», рассказы которого «вызывали живой интерес не только российских, но и зарубежных литературоведов» [Там же]. В этой же статье Захаров, говоря о журнале «Числа» (среди авторов которого был и Газданов), привел интересную информацию о том, что самое дорогое издание этого журнала с подписями авторов, публиковавшихся на его страницах, продавалось за 1000 франков.

В очередной раз к творчеству Газданова Захаров обратился в ноябрьском номере «Летописи Матицы сербской» за 1931 г. В разделе о новостях русской эмигрантской литературы он отметил, что «одаренный писатель Гайто Газданов», опубликовав повесть «Великий музыкант» и рассказ «Мэтр Рай», в очередной раз блестяще засвидетельствовал силу своего таланта. «Газданов, — утверждал Захаров, — одна из самых ярких возможностей русской литературы завтрашнего дня. Писатель глубокого психологического погружения, он сочетает в себе русскую теплую и мгновенную болезненность с галльской пронизательностью. Новые рассказы Газданова показывают, что он нашел свой верный литературный путь» [З. Е., 1931: 163]. Отметим также, что в статье о романе «Вечер у Клэр» Захаров выделил повесть «Водяная тюрьма», охарактеризовав ее наиболее выразительным образцом газдановского литературного процесса [Захаров, 1930].

У Захарова самый обстоятельный текст о Газданове связан с рассмотрением романа «Вечер у Клэр». Критик указывает, что Газданову совершенно чужда атмосфера традиционализма и «академизма», характерная для старых русских писателей в эмиграции, и «его произведения значительно отклоняются от этого духа». Они «оставляют впечатление чего-то смелого, самодостаточного, глубоко переживаемого и весьма оригинально выраженного» и «свидетельствуют о свежем и большом таланте». Газданов, по словам Захарова, «глубоко прочувствовал нервный и трепетный ритм военных и послевоенных лет». «Появление этого писателя — новый момент в литературе за пределами России», его творчество «имеет значение крупного литературного события» [Там же].

По Захарову, для рассказов Газданова характерна тщательная обработка психологических состояний героев. Эта психология пропитана эмоциями. Речь иронично-лирическая, с сильным акцентом на романтические настроения. При этом повествование идет о ментальном мире вполне современного человека. Согласно Захарову, «Вечер у Клэр» — самое известное и значительное произведение писателя (не случайно его заметили даже в советском литературоведении). Это работа спонтанного и мощного вдохновения. И Захаров после первого романа многого ожидал от писателя, тем более что его талант находится на подъеме. Более того, по словам Захарова и по мнению «самых компетентных критиков», на которых он ссылается, «Вечер у Клэр» не потерял своего значения и через восемь лет после публикации, оставаясь самым сильным произведением Газданова [З. Е., 1939].

Л. Захаров не обошел вниманием также романы Газданова «Полет» и «История одного путешествия». Последнее произведение, опубликованное в 1930 г., видится ему именно эмигрантским романом, хотя «в нем не ставятся какие-либо проблемы русской эмиграции, ее устремления, сомнения и обиды». По словам Захарова: «В “Истории одного путешествия” действие и фабула именно как бы сознательно пренебрегаются, и у читателя складывается мнение, что этот роман выходит за рамки своего жанра. События Газданов трактует и представляет как нечто случайное, произвольно навязанное. Ему нравится описывать людей статичных, вне со-

бытий и жизненной борьбы, зачастую лишенных — так, судя по всему, считает писатель — самых характерных черт их духовного облика. С таким подходом можно спорить, но и в этом плане Газданов, несомненно, дал нам замечательное произведение», которое является «новым ценным вкладом в русскую эмигрантскую литературу» [Захаров, 1939].

Роман «Полет» — третий роман Гайто Газданова при жизни писателя полностью опубликован не был. Большая часть произведения увидела свет в 1939 г. на страницах журнала «Русские записки» [Газданов, 1939], но публикация не была закончена, поскольку журнал перестал выходить. Только в 1992 г. Ласло Диенеш, опираясь на рукопись романа Г. Газданова, сохранившуюся в архиве Хоутонской библиотеки Гарвардского университета, осуществил полное издание произведения [Газданов, 1992].

Из-за стилистических различий последних глав и остальной части романа редакторы трехтомного Собрания сочинений Гайто Газданова на русском языке предполагают, что роман фактически не был закончен и что Газданов им не был удовлетворен [Газданов, 1999]. Доработать окончание романа, по их мнению, Газданову помешало начало Второй мировой войны. При этом комментаторы собрания сочинений Газданова Л. Сыроватко, С. Никоненко и Л. Диенеш высоко оценили роман как одно из его самых тонких произведений [Там же: 695].

В рамках биографии писателя и рецепции его творчества следует отметить, что роман «Полет» появился вскоре после публикации в конце 1938 г. отдельной книгой второго романа Газданова «История одного путешествия» [Газданов, 1938], который ранее был доступен читателям только в журнальном варианте [Газданов, 1934; 1935], и до завершения работы над следующим романом «Ночные дороги» (1941), который, кстати, из-за войны в полном объеме опубликовать не удалось (это будет сделано в Америке только в 1952 г.).

О Захарове как об истолкователе творчества Газданова можно сказать, что его суждения своевременны и адекватны. Он хорошо информирован и знаком с трудами других эмигрантских критиков, часто ссылается на них, причем не всегда с ними соглашается

(например, лишь условно и частично принимает суждение Марка Слонима о влиянии Марселя Пруста на Гайто Газданова). Его суждения и оценки во многом совпадают с выводами других эмигрантских критиков, но Захаров большей частью приходит к ним самостоятельно, и это совпадение свидетельствует об их точности. Есть у Захарова и интересные наблюдения, которых мы не находим у других авторов, писавших о Газданове. Кроме того, в статьях Захарова чувствуется его отношение к теме, о которой он пишет, его подход не лишен эмоциональности. Так, у Захарова наряду с высокой оценкой романа «Вечер у Клэр», характерной для эмигрантской критики того времени, отчетливо просматривается эмоциональная симпатия к этому произведению, тогда как в случае с «Историей одного путешествия» заметно недоумение, если не частичное разочарование в творческих экспериментах Газданова.

В текстах Захарова о Газданове есть и информация, подтверждение которой из других источников мы пока не имеем, но которую, учитывая, что Захаров обычно не пользовался непроверенными данными, мы полагаем верной. Например, Захаров упоминает, что «Вечер у Клэр» тоже был замечен советской критикой и что имелись экземпляры журнала «Числа» с подписями всех авторов, писавших в номере. Наконец, Захаров писал на сербском языке и учитывал потребности конкретной аудитории — сербской и югославской, на которую он ориентировался.

Статья Захарова о романе «Полет» не несет практически ничего нового по сравнению с тем, что было сказано ранее¹, разве что в очередной раз подтверждает высокую оценку критиком творчества автора произведения: «Газданов зрело и успешно продолжает линию своего творчества», а его проза «впечатляет» [Захаров, 1939]. Роман «Полет» «особенно заслуживает упоминания» среди материалов в трехтомнике журнала «Русские записки», и Захаров писал о нем в начале своей статьи, в рецензиях на новые номера журналов и книги. Но публикации Захарова знаменательны, помимо прочего, и тем, что подтверждают постоянный интерес этого критика к Газданову и его неизменно высокую оценку творчества этого писателя-эмигранта. На основании изучения статей Захарова и других

¹ Адамович Г. Литература в «Русских записках» // Последние новости. 1939. 29 июня; 3 авг.; 29 сент.

текстов в сербской периодике можно сделать вывод о том, что сербская аудитория была очень хорошо информирована о Газданове и произведениях этого писателя в 1920—1940-е гг. Весьма вероятно, что в межвоенной периодике есть и другие отклики о творчестве Газданова, которые до сих пор не обнаружены. Публикация «Новые произведения Гайто Газданова и Николая Оцупа» представляет собой образец творчества Льва Захарова как летописца русской зарубежной литературы и иллюстрирует уровень информированности сербской публики о русской литературе в межвоенный период, который следует оценить как весьма высокий.

Список источников

- Бобан Ђ.* Гостовања руских емигрантских писаца у Београду током 20-их и 30-их година XX века (на материјалу београдског дневног листа «Правда» // Зборник Матице српске за славистику. 2002. № 61. С. 119—153.
- Газданов Г.* История одного путешествия // Современные записки. 1934. № 56.
- Газданов Г.* История одного путешествия // Современные записки. 1935. № 58—59.
- Газданов Г.* История одного путешествия: роман. Париж: Дом книги, 1938. 150 с.
- Газданов Г.* Полет: роман // Русские записки. 1939. № 18. С. 3—60; № 19. С. 17—62; № 20/21. С. 3—62.
- Газданов Г.* Полет / First Complete Edition with an Introduction and Bibliographical Appendix by L. Dienes. The Hague: Leuxenhoff Publishing, 1992. 182 p.
- Газданов Г.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: Вечер у Клэр. История одного путешествия. Полет. Ночные дороги. М.: Согласие, 1999. 717 с.
- Гајто Газданов у српској периодици између два рата // Руски алманах. 2005. № 10. С. 187—192.
- Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции: в 3 т. Т. 3: Россия в Америке. Нью-Йорк: Мост, 1989. 400 с.
- З. Е.* Новости руске емигрантске књижевности // Летопис Матице српске. 1931. № 11. С. 163.
- З. Е.* Једини Рус — носилац Нобелове награде у Београду. Разговор са славним књижевником Иваном Буњином // Правда. 1937. 26. авг. С. 3.

- З. Е. Два романа // Правда. 1939. 3. јуна. 1939. С. 21.
- Захаров Е. Роман Гајта Газданова // Српски књижевни гласник. 1930. Књ. 30, бр. 4, 16. окт. С. 306—307.
- Захаров Е. Руска књижевност у 1930. години // Летопис Матице српске. 1931а. № 1—2. С. 96—106.
- Захаров Е. Руски часописи // Летопис Матице српске. 1931б. № 9. С. 283.
- Захаров Ј. Нова дела Гајта Газданова и Николаја Оцупа // Правда. 1939. 1. окт. С. 16.
- Неизвестные рецензии на произведения Гайто Газданова в сербской периодике 30-х годов XX века / публикация З. Паунковича и А. Арсеньева // Дарьял. 2006. № 4. С. 208—217.
- Паункович З. О восприятии творчества Газданова в Югославии. // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Н. Красавченко. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 214—225.
- Переписка Г. Газданова и Н. Николаевича / публикация Ф. Хадоновой // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Н. Красавченко. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 226—231.
- Сосински Б. «Воля России». Прага. 1929. № 1—12; 1930. № 1—2; «Современные записки». 1929—1930. № 38—41 // Руски архив (Београд). 1930а. № IX. С. 167—168.
- Сосински Б. Гајто Газданов «Вече код Клер». Париз: Изд. Ј. Поволоцки, 1930; Болдирев И. Дечаџи и девојчице. Париз: Москва. 1930 // Руски архив (Београд). 1930б. № IX. С. 168—169.
- Bibliografija rasprava, članaka i književnih radova. I. Nauka o književnosti. 1/3 Historija stranih književnosti. Zagreb: Izdanje i naklada Leksikografskog zavoda FNRJ, MCMLIX [1959]. С. 637.
- Lukić I., Užarević J. Ruska književnost u hrvatskim književnim časopisima 1945—1977: deskriptivna bibliografija. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1992. 381 с.

References

- Bibliografija rasprava, članaka i književnih radova. I. Nauka o književnosti. 1/3 Historija stranih književnosti* (1959) [Bibliography of discussions, articles and literary works. I. Science of literature. 1/3 History of foreign literature], Izdanje i naklada Lexikografski zavod FNRJ, Zagreb, Croatia: 637.

- Boban, Ć. (2002), 'Guest visits of Russian emigrant writers in Belgrade during the 20s and 30s of the XXth century (based on material from the Belgrade daily "Pravda" ', *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku* [Collection of Matica Srpska for Slavic studies], no. 61: 119—153.
- 'Gajto Gazdanov in Serbian periodicals between two wars' (2005), *Ruski almanakh* [Russian Almanac], no. 10: 187—192.
- Gazdanov, G. (1934), 'The history of one journey', *Sovremennye zapiski* [Modern notes], no. 56.
- Gazdanov, G. (1935), 'The history of one journey', *Sovremennye zapiski* [Modern notes], no. 58—59.
- Gazdanov, G. (1938), *Istoriia odnogo puteshestviia. Roman* [History of one journey. Novel], Dom knigi, Paris, France.
- Gazdanov G. (1939), 'Flight. Roman', *Russkie zapiski* [Russian Notes], no. 8: 3—60; no. 19: 17—62; no. 20/21: 3—62.
- Gazdanov, G. (1992), *Polet* [Flight], First Complete Edition with an Introduction and Bibliographical Appendix by Dienes, L., Leuxenhoff Publishing, The Hague, Holland.
- Gazdanov, G. (1999), *Sobranie sochinenii v 3 tomakh. Tom 1: Večer u Kler. Istoriia odnogo puteshestviia. Polet. Nochnye dorogi* [Collected works in 3 volumes. Vol. 1: Evening at Claire's. The story of a journey. Flight. Night roads], Soglasie, Moscow, Russia.
- Gul, R. (1989), *Ia unes Rossiiu. Apologiia emigratsii v 3 tomakh. Tom 3: Rossiia v Amerike* [I took Russia away. Apologia for emigration: in 3 volumes. Vol. 3: Russia in America], Most, NY, USA.
- Khadonova, F. (comp.) 2005, 'Correspondence of G. Gazdanov and N. Nikolaevich', in Krasavchenko, T. N. (ed.), *Gaito Gazdanov i "nezamechenoe pokolenie": pisatel' na peresechenii traditsii i kul'tur: sbornik nauchnykh trudov* [Gaito Gazdanov and the "unnoticed generation": a writer at the intersection of traditions and cultures: Collection of scientific papers], INION RAN, Moscow, Russia: 226—231.
- Lukšić, I. and Užarević, J. (1992), *Ruska književnost u hrvatskim književnim časopisima 1945—1977: deskriptivna bibliografija* [Russian literature in Croatian literary magazines 1945—1977: descriptive bibliography], Hrvatsko filološko društvo, Zagreb, Croatia.
- Paunkovich, Z and Arseniev, A. (comps) (2006), 'Unknown reviews of the works of Gaito Gazdanov in Serbian periodicals of the 30s of the twentieth century', *Dar 'ial* [Daryl], no. 4: 208—217.
- Paunkovich, Z. (2005), 'On the perception of Gazdanov's work in Yugoslavia', in Krasavchenko, T. N. (ed.), *Gaito Gazdanov i "nezamechenoe pokolenie": pisatel' na peresechenii traditsii i kul'tur: sbornik*

- nauchnykh trudov* [Gaito Gazdanov and the “unnoticed generation”: a writer at the intersection of traditions and cultures: Collection of scientific papers], INION RAN, Moscow, Russia: 214—225.
- Sosinski, B. (1930a), ‘“Volya Rossii”. Prague. 1929. № 1—12; 1930. № 1—2; “Contemporary notes”. 1929—1930. № 38—41’, *Ruski arkhiv (Beograd)* [Russian archive (Belgrade)], no. IX: 167—168.
- Sosinski, B. (1930b), ‘Gajto Gazdanov “Evening at Claire’s”. Paris: Ed. J. Povolocki, 1930; Boldirev I. Boys and girls. Paris: Moscow, 1930’, *Ruski arkhiv (Beograd)* [Russian archive (Belgrade)], no. IX: 168—169.
- Z., E. (1931), ‘News of Russian emigrant literature’, *Letopis Matitse srpske* [Annals of Matica Srpska], no. 11: 163.
- Z., E. (1937), ‘The only Russian — winner of the Nobel Prize in Belgrade. A conversation with the famous writer Ivan Bunin’, *Pravda* [Truth], 26 August: 3.
- Z., E. (1939), ‘Two novels’, *Pravda* [Truth], 3 June: 21.
- Zakharov, E. (1930), ‘A novel by Gaita Gazdanov’, *Srpski knjizhevni glasnik* [Serbian literary messenger], book: 30, no. 4, 16 October: 306—307.
- Zakharov, E. (1931a), ‘Russian literature in 1930’, *Letopis Matitse srpske* [Annals of Matica srpska], no. 1—2: 96.
- Zakharov, E. (1931b), ‘Russian magazines’, *Letopis Matitse srpske* [Annals of Matica srpska], no. 9: 283.
- Zakharov, E. (1939), ‘New works by Gajta Gazdanov and Nikolaj Opp’, *Pravda* [Truth], 1 October: 16.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

З. Паункович — литературовед, критик, переводчик-русист, главный редактор журнала «Русский альманах», Белград, Сербия.

Z. Paunkovich — literary critic, critic, Russian translator, Editor-in-Chief of the magazine “Russian Almanac”, Belgrade, Serbia.

Эссе

УДК 94(430).086

DOI: 10.46725/IW.2023.3.3

«КОГДА Я СЛЫШУ СЛОВО “КУЛЬТУРА”, Я ХВАТАЮСЬ ЗА ПИСТОЛЕТ»

Борис Львович Хавкин

Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
novistor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Аннотация. Рассказывая историю афоризма «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет», автор эссе размышляет над актуальными проблемами отношения германского национал-социализма к культуре и интеллигенции. Нацисты противопоставляли «здоровую» народную немецкую культуру антинародной, «выродившейся под влиянием евреев». Провозглашая ценностную иерархию мировой культуры, нацистская идеология отводила в ней ведущее место «здоровой» немецкой культуре. Политика Третьего рейха в области культуры была реализована в государственной системе, которая, с одной стороны, поощряла, вознаграждала и возвеличивала работников «правильной», «народной», «арийской» культуры и, с другой стороны, подавляла, наказывала, уничтожала произведения и представителей «антинародной», «еврейской», «дегенеративной» культуры. Примером этой политики была «Акция против негерманского духа». Эта акция была начата 12 апреля 1933 г. с опубликования «12 тезисов против негерманского духа» и закончилась 10 мая 1933 г. публичным сожжением «неправильных» книг в Берлине и во многих других городах Германии.

Ключевые слова: культура, интеллигенция, национал-социализм, «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет», «Акция против негерманского духа», сожжение книг, Йозеф Геббельс, Ганс Йост

Для цитирования: Хавкин Б. Л. «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет» // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 45—59.

“WHEN I HEAR THE WORD ‘CULTURE’, I GRAB THE GUN”

Boris L. Khavkin

Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
novistor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Abstract. Telling the story of the aphorism “When I hear the word ‘culture’, I grab a gun,” the author of the essay reflects on the current problems of the attitude of German National Socialism to culture and the intelligentsia. The Nazis contrasted the “healthy” German folk culture with the anti-national one, “degenerated under the influence of Jews”. Proclaiming the value hierarchy of world culture, Nazi ideology assigned a leading place in it to “healthy” German culture. The policy of the Third Reich in the field of culture was implemented in the state system, which, on the one hand, encouraged, rewarded and exalted workers of “correct”, “popular”, “Aryan” culture and, on the other hand, suppressed, punished, destroyed works and representatives of “anti-national”, “Jewish”, “degenerate” culture. An example of this policy was the “Action against the non-German Spirit”. This action was started on April 12, 1933 with the publication of “12 theses against the non-German spirit” and ended on May 10, 1933 with the public burning of “wrong” books in Berlin and in many other German cities.

Keywords: culture, intelligentsia, National Socialism, “When I hear the word ‘culture’, I grab a gun”, “Action against the non-German spirit”, book burning, Joseph Goebbels, Hans Johst

For citation: Khavkin, B. L. (2023), “When I hear the word ‘culture’, I grab a gun”, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 45—59 (in Russ.):

Проблема «нацизм и культура», «нацизм и интеллигенция» занимает умы историков и культурологов разных стран [Голомшток, 1994; Есипов, 1997; Ковригина, 2004; Корнева, 2012: 57—62; Моссе, 2010; Пленков, 2005]. Однозначного понимания этой проблемы нет и не может быть, хотя бы потому, что понятия «культура» и «интеллигенция» сложны и многозначны.

Как эти понятия трактовали германские нацисты?

Под «культурой» национал-социалистические теоретики понимали совокупность людей и организаций, занятых созданием произведений искусства, научной продукции и образования. В таком виде «культура», по их представлениям, являлась частью государственной идеологии.

Фундамент государственной идеологии Третьего рейха составляла система ложных «национальных единств». Эта система основывалась не на объективной реальности, а на политических мифах: о «высшей» («арийской») расе, «корпоративном государстве», «германском народном сообществе», «национальном социализме», «всемирном еврейском заговоре». На базе нацистских мифов формировалось архетипическое мышление немцев, необходимое для создания национальной идентичности [Хавкин, 2018: 19—77].

Нацистская идеология противопоставляла «здоровую» народную немецкую культуру антинародной, «выродившейся под влиянием евреев». Провозглашая ценностную иерархию мировой культуры, нацистская идеология отводила в ней ведущее место «здоровой» немецкой культуре.

Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс так выразил национал-социалистическое понимание культуры: «Культура — типично немецкое понятие, которое иностранцы только цитируют. Для нас, немцев, культура означает область духовных и художественных творений, ощущений, восприятий, благодаря которой мы все идем вперед к высшим достижениям цивилизации» [Есипов, 1998: 16—17].

Нацистские идеологи утверждали, что Германия творит новую культуру, используя все лучшее, что создано людьми. «Национал-социалистическое государство предпринимает беспрецедентную попытку дать немецким трудящимся радость в работе, красоту рабочего места и дать им в руки материальную плату за их деятельность в служении нации» [Eberlein, 1934: 67].

Определяемая нацистской идеологией политика Третьего рейха в области культуры была реализована в государственной системе, которая, с одной стороны, поощряла, вознаграждала и

возвеличивала работников «правильной», «народной», «арийской» культуры и, с другой стороны, подавляла, наказывала, уничтожала произведения и представителей «антинародной», «еврейской», «дегенеративной» культуры.

Исследование культурных архетипов и феноменов, возникших в Третьем рейхе, позволяет понять и оценить психологический аспект насилия, осуществляемого в нацистском государстве в отношении независимо мыслящей творческой интеллигенции, не поддающейся влиянию государственной идеологии.

Антиинтеллектуализм в сочетании с культом действия, то есть прокламированная ненависть к мысли, рефлексии, сомнению — при громогласном воспевании простых, монолитных, решительных людей с крепкими кулаками, был, по утверждению историка и писателя Умберто Эко, одним из признаков фашизма. «Действование прекрасно само по себе и поэтому осуществляется вне и без рефлексии. Думание — немужественное дело. Культура видится с подозрением, будучи потенциальной носительницей критического отношения. Тут все: и высказывание Геббельса «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет», и милые общие места насчет интеллектуальных размазней, яйцеголовых интеллигентов, радикал-снобизма и университетов — рассадников коммунистической заразы. Подозрительность по отношению к интеллектуальному миру всегда сигнализирует присутствие ур-фашизма. Официальные фашистские мыслители в основном занимались тем, что обвиняли современную им культуру и либеральную интеллигенцию в отходе от вековых ценностей» [Эко, 2003: 49].

Связь культуры и насилия в Третьем рейхе наглядно выражена в приводимой Умберто Эко формуле: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет». Эти слова во второй половине XX — начале XXI в. стали настолько популярны, что прочно вошли в современный культурологический дискурс; их приписывают разным деятелям Третьего рейха: Геббельсу, Герингу, Гиммлеру и Гейдриху.

Одно из первых упоминаний имени Геббельса в этом контексте содержится в информационном бюллетене советского по-

сольства в США в 1943 г.¹ В Советском Союзе / России считали Геббельса автором этого высказывания писатели Юлиан Семенов и Виктор Пелевин, кинорежиссер Татьяна Лиознова, культуролог Михаил Эпштейн, последний министр культуры СССР актер Николай Губенко. На Западе, наряду с Умберто Эко, считали Геббельса автором этого изречения историк Дэвид Старки и философ Славой Жижек.

Но есть и иные точки зрения на авторство этих слов: американский кинорежиссер Фрэнк Капра полагал, что это высказывание Геринга. Российский писатель Михаил Веллер приписывает авторство этих слов фюреру «Гитлерюгенда» Бальдуру фон Шираху. Якобы он произнес эти слова, когда был молодым драматургом. Однако Ширах эту фразу не сочинил, а лишь повторил в своей публичной речи в 1938 г. Речь, в которой Ширах произносит эти слова и вытаскивает свой пистолет, попала в документальный фильм.

О популярности фразы говорит тот факт, что она много десятилетий используется как шаблон для аналогичных высказываний. Британский математик Эрвинг Джон Гуд: «Когда я слышу слово “пистолет”, я хватаюсь за свою культуру»; русский писатель Виктор Пелевин: «Когда я слышу слово “дискурс”, я хватаюсь за свой симулякр» [Пелевин, 2005].

Кто же автор афоризма «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет»?

Автор этих слов — председатель имперской палаты литературы Третьего рейха поэт и драматург Ганс Йост. Это фраза из пьесы Йоста «Шлагетер», написанной в 1933 г.

Фраза Йоста, ставшая знаменитой, в пьесе «Шлагетер» звучит так: “Wenn ich Kultur höre... entsichere ich meinen Browning” — «Когда я слышу слово “культура”... я снимаю с предохранителя свой браунинг!» (многозначие в тексте пьесы) [Hans Johst's Nazi Drama Schlageter, 1984]. Эти слова произносит Фридрих Тиманн, боевой товарищ студента Лео Шлагетера. Во время подготовки к экзаменам персонажи пьесы рассуждают, стоит ли тратить время на учебу, когда страна несвободна. Тиманн заявляет, что

¹ USSR Information Bulletin. Washington D. C. August 24, 1943 // Veritas. Harvard Law School Library. 76G4410.

предпочитает сражаться, и произносит эти слова, ставшие символом отношения нацистов к культуре.

Шлагетер, бывший офицер кайзеровской армии и фрайкора, сражался против французов. В 1923 г. во время франко-бельгийской оккупации Рура он устроил крушения поездов на вокзале Хюгель в Эссене и на железнодорожном мосту у Калькума; был судим и расстрелян французами как террорист и диверсант. Нацистская пропаганда, не без участия Йоста, сделала из Шлагетера «мученика за идеалы национал-социализма». В Третьем рейхе Шлагетер стал культовой фигурой (при этом нацисты тщательно скрывали его разрыв с НСДАП в 1923 г.); именем Шлагетера были названы корабль и пехотная дивизия вермахта.

У пьесы Йоста «Шлагетер» было посвящение: «Написано для Адольфа Гитлера, с трепетным благоговением и неизменной преданностью». На премьере спектакля в 1933 г. в Берлине присутствовал Геббельс.

Йост играл видную роль в проведении национал-социалистической культурной политики. В 1928 г. он возглавил отдел поэзии в основанном Альфредом Розенбергом «Боевом союзе за германскую культуру», целью которого провозглашалась борьба с «еврейским влиянием» в немецкой культуре. Йост возглавлял партийную организацию поэтов-нацистов. В 1932 г. он вступил в НСДАП, объяснив свою поддержку Гитлера в сочинении «Точка зрения и прогресс» [Johst, 1933]. В 1933 г., после прихода Гитлера к власти, Йост сменил Генриха Манна на посту президента Академии немецкой культуры, а также возглавил Прусский государственный театр. С 1935 г. он был президентом имперской литературной палаты и имперской театральной палаты.

Академия немецкой культуры, литературная и театральная палаты во главе с Йостом установили идеологический контроль за всем литературным процессом в Третьем рейхе. Специальные инструкции предписывали литераторам работать в жанрах фронтовой, патриотической прозы, партийной и расовой литературы. От литераторов требовалось воспевать фронтовое братство, акцентировать внимание на германский фольклор, народничество и национализм, возвеличение нордической расы, биологическое превос-

ходство арийцев над «неполноценными народами». В литературе и искусстве насаждались нацистские идеалы, культ вождя, теория «крови и почвы», «вечные германские ценности». От искусства требовалось, чтобы оно было героическим, реалистическим, жизнерадостным, оптимистическим, воспитывающим в нацистском духе, тесно связанным с народом.

Йост получал в Третьем рейхе многочисленные награды и отличия: чин группенфюрера СС, большую премию НСДАП в области литературы и искусства, медаль Гёте. В 1949 г. Йост был признан причастным к преступлениям нацизма и приговорен к тюремному заключению с конфискацией имущества.

В 1933 г. немецкой словесности, по словам Йоста, требовалась «решительная чистка»: «Перековка, требуемая национал-социалистической революцией, не могла бы быть осуществлена просто за письменными столами. Молодой задор революции поступался и в храм Муз. Вот почему сразу после захвата власти так необходима была самая решительная чистка нашей словесности от чуждых элементов, которые одновременно являются и элементами подрывными» (цит. по: [Бухаров, 2018]).

Такая «чистка» получила название «Акция против негерманского духа». Она была начата 12 апреля 1933 г. с опубликования «12 тезисов против негерманского духа» и закончилась 10 мая 1933 г. публичным сожжением книг в Берлине и во многих других городах Германии.

Российский историк И. А. Женин рассматривает эту акцию как коммеморативный ритуал: «подобного рода действия преследовали, с одной стороны, практическую цель — подчинение академического сообщества в рамках политики унификации, а с другой — носили отчетливо выраженный символический характер и были призваны подкрепить легитимацию национал-социалистической диктатуры, а также продемонстрировать своего рода преемственность действий, направленных на “очищение” германского духа. Это нашло свое подтверждение в отсылке к Вартбургскому празднеству, устроенному немецким студенчеством в 1817 г., а через него к публичному сжиганию Мартином Лютером папской

буллы в 1520 г. Тем самым сожжение книг 10 мая 1933 г. встраивалось в нормативное поле немецкой историко-культурной традиции. Это действие рассматривалось в качестве ритуальной практики и закреплялось как символ, который обладал положительными коннотациями, для формирования необходимых идеологических коллективных представлений значительной части населения» [Женин, 2018: 143].

Тезисы «против негерманского духа», напечатанные красным готическим шрифтом, были расклеены в немецких университетах и опубликованы во многих газетах:

«1. Язык и письменность коренятся в народе. Немецкий народ несет ответственность за то, чтобы его язык и его письменность оставались бы чистым и нефальсифицированным выражением его народности.

2. Сегодня усилилось противоречие между литературой и немецкой народностью. Это состояние — позор.

3. Чистота языка и написанного зависит от тебя! Твой народ передал тебе язык для сохранения.

4. Наш опаснейший враг — еврей и тот, кто у него в кабале.

5. Еврей может думать только по-еврейски. Если он пишет по-немецки, он лжет. Но и немец, который пишет по-немецки, а думает не по-немецки, кроме того, бездумен и не знает своей задачи.

6. Мы хотим искоренить ложь, заклеить предательство. Вместо очагов бездумия мы хотим создать для студенчества очаги дисциплины и политического воспитания.

7. Мы хотим обращаться с евреем как с чужим, а нашу народность принимать всерьез. Поэтому мы требуем от цензуры:

— произведения евреев должны быть только на еврейском языке. Если они выходят на немецком языке, то их следует рассматривать как переводы.

— строжайше запретить евреям использовать готический шрифт. Готический шрифт только для немцев. Немецкий дух должен быть искоренен из немецкой книжной торговли.

8. Мы требуем от немецких студентов проявить волю и способность к самостоятельному мышлению и принятию решений.

9. Мы требуем от немецкой молодежи чистоты немецкого языка.

10. Мы требуем от немецких студентов проявить волю и способность преодолеть еврейский интеллектуализм и связанные с ним либеральные проявления, ведущие к упадку немецкой культурной жизни.

11. Мы требуем отбора студентов и профессоров по стойкости их приверженности мышлению в немецком духе.

12. Мы требуем, чтобы немецкая высшая школа стала оплотом немецкой народности и полем битвы за немецкий дух.

Немецкий студенческий союз»².

Нацистский антиинтеллектуализм был призван продемонстрировать подчинение образования, науки и культуры национал-социалистической идеологии. Оплотом национализма, антисемитизма и антиинтеллектуализма должны были стать немецкие университеты.

Активисты Немецкого студенческого союза требовали неуклонного выполнения в своих университетах закона о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля 1933 г., в соответствии с которым государственные служащие должны были иметь арийское происхождение. Этот закон затрагивал и профессорско-преподавательский состав университетов, так как ординарные профессора являлись чиновниками. Представители студенческого союза бойкотировали и срывали занятия преподавателям еврейского происхождения, требуя их увольнения [Женин, 2018: 147]. Так было положено начало расово-идеологической войне, которая стала характерной чертой нацистского управления страной вообще и системой образования в частности.

Начиная с 26 апреля 1933 г. в рейхе происходил повсеместный сбор книг для сожжения на основании «черных списков», составленных 29-летним берлинским библиотекарем, членом НСДАП Вольфгангом Херманом по заданию Немецкого студенческого союза. Тексты, «заслуживающие уничтожения», изымались

² См.: BArch NS 38/2415. Цит. по: URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0207_gei&object=translation&l=de (дата обращения: 27.01.2023).

из частных и публичных библиотек, конфисковывались из книжных магазинов.

Всего в «черные списки» нацистов попали труды более 300 авторов. В них были включены как произведения еврейских писателей, так и любые тексты, чуждые нацистской идеологии. 9 мая 1933 г. отдел прессы и пропаганды Немецкого студенческого союза выпустил новый циркуляр, в котором организаторам акций на местах позволялось произвольно расширять списки сжигаемых книг. Циркуляр также содержал «обязательный» список из пятнадцати авторов: Георг Бернгард, Теодор Вольф, Эрнст Глезер, Карл Каутский, Альфред Керр, Эрих Кестнер, Эмиль Людвиг, Генрих Манн, Карл Маркс, Карл фон Осецкий, Эрих Мария Ремарк, Курт Тухольский, Фридрих Вильгельм Ферстер, Зигмунд Фрейд и Вернер Хегеман.

В «расширенные» списки на сожжение вошли Генрих Гейне, Томас Манн, Бертольд Брехт, Стефан Цвейг, Лион Фейхтвангер, Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон, Ярослав Гашек, Владимир Маяковский, Исаак Бабель, Илья Ильф и Евгений Петров, Михаил Зощенко, Максим Горький, Илья Эренбург и другие писатели.

«Век извращенного еврейского интеллектуализма закончился. Новая революция открыла путь к торжеству германского духа. Прошлое сгорает в пламени, будущее нарождается в наших сердцах!» — вдохновлял юных варваров, сжигающих книги, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Геббельс. Ведомство Геббельса и Немецкий студенческий союз подготовили «огненные призывы», сопровождавшие сожжение книг:

«1. Против классовой борьбы и материализма! За народность и идеалистическое мировоззрение. Я предаю огню писания Маркса и Каутского.

2. Долой декадентство и моральное разложение! Упорядоченному государству — порядочную семью! Я предаю огню сочинения Генриха Манна, Эрнста Глезера и Эриха Кестнера.

3. Возвысим голос против уклонистов и политических предателей, отдадим все силы народу и государству! Я предаю огню сочинения Фридриха Ферстера.

4. Нет растлевающей душу половой распущенности! Да здравствует благородство человеческой души! Я предаю огню сочинения Зигмунда Фрейда.

5. Нет фальсификации отечественной истории и очернительству великих имен, будем свято чтить наше прошлое! Я предаю огню сочинения Эмиля Людвиг и Вернера Хегемана.

6. Нет — антинародной журналистике демократически-еврейского пошиба в годы национального восстановления! Я предаю огню сочинения Теодора Вольфа и Георга Бернгарда.

7. Нет — писакам, предающим героев мировой войны. Да здравствует воспитание молодежи в духе подлинного историзма! Я предаю огню сочинения Эриха Мария Ремарка.

8. Нет засорению и уродованию родного немецкого языка. Крепите заботу о языке — величайшем сокровище нашего народа. Пожри, огонь, сочинения Альфреда Керра.

9. Против наглости и высокомерия, за уважение и благоговение перед бессмертным немецким народным духом! Пожри, огонь, и сочинения Тухольского и Осецкого!» [10. Mai 1933, 1983: 115].

Профессор кафедры философии и политической педагогики Берлинского университета Альфред Боймлер, один из основателей национал-социалистического «Союза борьбы за немецкую культуру», в лекции 10 мая 1933 г. призвал присоединиться к демонстрации «нового народного духа» на Опернплац, где уже были заготовлены книги, которые предстояло сжечь: «Начинается новая эпоха. Эпоха Средневековья, эпоха душевной привязанности и духовного руководства осталась позади нас. Мы больше не признаем власти, которая является одновременно духовной и политической, у нас нет Папы, у нас есть фюрер...» (цит. по: [Женин, 2018: 148]).

Всего только в Берлине 10 мая 1933 г. было уничтожено более 20000 экземпляров книг. «Неправильные» книги сжигали в 18 университетских городах Германии. Единственным университетом, где на официальном уровне был заявлен отказ в проведении «Акция против негерманского духа», был Тюбинген.

Для большинства деятелей немецкой культуры, современников этих событий, жизнь была поделена на «до» и «после»

10 мая 1933 г. Томас и Генрих Манны, Эрих Мария Ремарк, Лион Фейхтвангер, Бертольт Брехт, Курт Тухольский, Арнольд Цвейг, Оскар Мария Граф, другие более чем 250 известных немецких писателей, эмигрировали из Германии. Погиб в нацистском концлагере Карл фон Осецкий. Многие перестали писать. Мария Ляйтнер, Иоахим Рингельнац, не имея источников к существованию, умерли от голода.

Были и немецкие интеллектуалы, поддерживавшие нацистский режим: писатель Ханс Гримм, чей роман «Народ без пространства» широко использовался нацистской пропагандой, крупнейший лирик Готфрид Бенн, лауреат Нобелевской премии писатель и драматург Герхард Гауптман, знаменитый философ Мартин Хайдеггер. Но это было скорее исключение, чем правило.

В современном Берлине на площади Опернплац, на которой 10 мая 1933 г. сжигали книги, сооружен памятник: через стеклянный квадрат брусчатки на середине площади под землей видна комната с белыми пустыми книжными полками. Рядом с этим окном в никуда — металлическая плита. На ней пророчество Генриха Гейне: «“Это было только прологом. Там, где сжигают книги, в конце концов сжигают также и людей”». Трагедия “Альманзор”, 1821 год».

Список источников

- Бухаров А.* Памятник сожженным душам. 2018. URL: <https://proza.ru/2018/04/19/1863> (дата обращения: 20.03.2023).
- Голомиток И. Н.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 294 с.
- Есипов В. В.* Германский фашизм и культура: культурно-политическая деятельность НСДАП в 1929—1939 гг. / под ред. И. А. Никитиной. М.: АО «Диалог-МГУ», 1997. 142 с.
- Есипов В. В.* Политика германского фашизма в области культуры в 1929—1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 38 с.
- Женин И. А.* «Акция против негерманского духа» 1933 г. как коммеморативный ритуал // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 10. С. 143—152.

- Ковригина И. А.* Культурная жизнь в Третьем рейхе на примере массовых культурных мероприятий, литературы и искусства (1933—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 22 с.
- Корнева Л. Н.* Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4. Т. 1. С. 57—62.
- Моссе Дж.* Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / пер. с англ. Ю. Д. Чупров. М.: Центрполиграф, 2010. 445 с.
- Пелевин В.* Шлем ужаса. Креатифф о Тесе и Минотавре. М.: Открытый мир, 2005. 224 с.
- Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Арийская культура. СПб.: Нева, 2005. 468 с.
- Хавкин Б. Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2018. 240 с.
- Эко У.* Вечный фашизм. Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2000. 157 с.
10. Mai 1933. Bücherverbrennung in Deutschland und die Folgen / Hrsg. U. Walberer. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1983. 317 S.
- Eberlein K.-K.* Was ist deutsch in der deutschen Kunst. Leipzig: Seemann, 1934. 68 S.
- Hans Johst's Nazi Drama Schlageter / translated with an introduction by Ford B. Parkes-Perret. Stuttgart: Akademischer Verlag H.-D. Heinz, 1984. 197 p.
- Johst H.* Standpunkt und Fortschritt. Reihe. Oldenburg: Stalling, 1933. 61 S.

References

10. Mai 1933 (1983), *Bücherverbrennung in Deutschland und die Folgen*, Walberer, U (Hrsg.), Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, Germany.
- Bukharov, A. (2018), *Pamiatnik sozhzhennym dusham* [Monument to Burnt Souls], available at: URL: <https://proza.ru/2018/04/19/1863> (Accessed 20 March 2023).
- Golomshtok, I. N. (1994), *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art], Galart, Moscow, Russia.
- Eberlein, K.-K. (1934), *Was ist deutsch in der deutschen Kunst*, Seemann, Leipzig, Germany.

- Eko, U. (2000), *Vechnyi fashizm. Piat' esse na temy etiki* [Eternal fascism. Five essays on ethics], Translated by Kostyukovich, E., Simpozium, St. Petersburg, Russia.
- Esipov, V. V. (1997), *Germanskii fashizm i kul'tura: kul'turno-politicheskaia deiatel'nost' NSDAP v 1929—1939 gg.* [German Fascism and Culture: Cultural and Political Activity of the NSDAP in 1929—1939], Nikitina, I. A. (ed.), AO “Dialog-MGU”, Moscow, Russia.
- Esipov, V. V. (1998), *Politika germanskogo fashizma v oblasti kul'tury v 1929—1945 gg.* [The policy of German fascism in the field of culture in 1929—1945], Abstract of D. Sc. (History) dissertation, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, Moscow, Russia.
- Hans Johst's Nazi Drama Schlageter* (1984), Translated by Parkes-Perret, Ford B., Akademischer Verlag H.-D. Heinz, Stuttgart, Germany.
- Johst, H. (1933), *Standpunkt und Fortschritt. Reihe*, Stalling, Oldenburg, Germany.
- Khavkin, B. L. (2018), *Rasizm i antisemitizm v gitlerovskoi Germanii. Antinatsistskoe Soprotivlenie nemetskikh evreev* [Racism and anti-Semitism in Hitler's Germany. Anti-Nazi Resistance of German Jews], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Korneva, L. N. (2012), ‘Science and culture in Nazi Germany in the assessment of German historians’, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 1, no. 4: 57—62.
- Kovrigina, I. A. (2004), *Kul'turnaia zhizn' v Tret'em reikhe na primere massovykh kul'turnykh meropriatii, literatury i iskusstva (1933—1945 gg.)* [Cultural life in the Third reich on the example of mass cultural events, literature and art (1933—1945)], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Irkutsk State Technical University, Ulan-Ude, Russia.
- Mosse, G. (2010), *Natsizm i kul'tura. Ideologiya i kul'tura natsional-sotsializma* [Nazism and culture. Ideology and culture of National Socialism], Translated by Chuprov, Yu. D., Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Pelevin, V. (2005), *Shlem uzhasa. Kreatiff o Tesei i Minotavre* [The Helmet of terror. Kreatiff about Theseus and the Minotaur], Otkryti mir, Moscow, Russia.
- Plenkov, O. Yu. (2005), *Tretii Reikh. Ariiskaia kul'tura* [The Third Reich. Aryan culture], Neva, St. Petersburg, Russia.
- Zhenin, I. A. (2018), ‘“Action against the non-German spirit” in 1933 as a commemorative ritual’, *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriia. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series], no. 10: 143—152.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 27.04.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Б. Л. Хавкин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

B. L. Khavkin — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 60—91.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 3. P. 60—91.

Научная статья

УДК 94(3):930.2

DOI: 10.46725/IW.2023.3.4

«БУДЬ СЧАСТЛИВЕЕ АВГУСТА И ЛУЧШЕ ТРАЯНА»: ИМПЕРАТОР ТРАЯН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛАТИНСКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ И БИОГРАФОВ IV В.

Дмитрий Валериевич Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть образ императора Траяна, сложившийся в латинской языческой историографии IV в. Вместе с тем мы также попытаемся ответить на вопрос о том, какие задачи ставили для себя языческие историки и биографы, всесторонне разрабатывая биографию этого правителя в своих исторических трудах. Для реализации этой цели мы обратимся к анализу текстов произведений Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Феста, безымянного автора «Эпитом из Цезарей», Аммиана Марцеллина и сборника биографий «Scriptores Historiae Augustae». Стоит отметить, что при всей обширности историографии, как отечественной, так и зарубежной, посвященной Траяну, специальных исследований о влиянии образа этого императора на историческую литературу IV в. практически нет. Однако для всех проана-

© Кареев Д. В., 2023

лизированных нами исторических трудов образ Траяна стал во многом структурообразующим. Вся внешняя и внутренняя политика, моральные качества императоров явно или неявно оцениваются и сравниваются с Траяном. Также стоит подчеркнуть, что образ Траяна у историков IV в. нес и пропагандистскую составляющую. Стремление отомстить за неудачи третьего века и установить полное господство на Востоке является лейтмотивом, проходящим через всю историю четвертого века. Именно для этого и привлекался образ Траяна, как наиболее удачливого полководца, который «расширил по всем направлениям» границы Римского государства, показывая тем самым наиболее актуальные задачи для внешней политики того времени. Историки и биографы достоверно воспроизводят главные завоевания императора, хотя жанр, выбираемый каждым из них, диктует и соответствующий набор фактов.

Ключевые слова: Марк Ульпий Траян, Секст Аврелий Виктор, Евтропий, Фест, Плиний, бревиарии, поздняя Римская империя, Парфия, Персия

Для цитирования. *Кареев Д. В.* «Будь счастливее Августа и лучше Траяна»: император Траян в произведениях латинских языческих историков и биографов IV в. // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 60—91.

Original article

“BE HAPPIER THAN AUGUSTUS AND BETTER THAN TRAJAN”: EMPEROR TRAJAN IN THE WORKS OF LATIN PAGAN HISTORIANS AND BIOGRAPHERS OF THE IV CENTURY

Dmitrij V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
dima75ru@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4911-0633>

Abstract. The article attempts to examine the image of the Emperor Trajan, which developed in the Latin pagan historiography of the IV century. At the same time, we will also try to answer the question of what tasks pagan historians and biographers set for themselves, comprehensively developing the biography of this ruler in their historical works. To achieve this goal, we will turn to the analysis of the texts of the works of Sextus Aurelius Victor,

Eutropius, Festus, the unnamed author of the “Epitomes from Caesars”, Ammianus Marcellinus and the collection of biographies “Scriptores Historiae Augustae”. It is worth noting that with all the vastness of historiography, both domestic and foreign, dedicated to Trajan, there are practically no special studies on the influence of the image of this emperor on the historical literature of the IV century. However, for almost all of the historical works analyzed by us, the image of Trajan has become largely structure-forming. The entire foreign and domestic policy, the moral qualities of the emperors are explicitly or implicitly evaluated and compared with Trajan. It is also worth emphasizing that the image of Trajan among historians of the IV century also carried a propaganda component. The desire to avenge the failures of the third century and establish complete domination in the East is a leitmotif that runs through the entire history of the fourth century. It was for this purpose that the image of Trajan was attracted, as the most successful commander who “expanded in all directions” the borders of the Roman state, thereby showing the most urgent tasks for the foreign policy of that time. Historians and biographers reliably reproduce the main conquests of the emperor, although the genre chosen by each of them dictates the corresponding set of facts.

Keywords: Marcus Ulpius Traianus, Sextus Aurelius Victor, Eutropius, Festus, Pliny, Breviary, late Roman Empire, Parthia, Persia

For citation: Kareev, D. V. (2023), ‘ “Be happier than Augustus and better than Trajan”: Emperor Trajan in the works of Latin pagan historians and biographers of the IV century’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 60—91 (in Russ).

Введение

Актуальность. “*Felicio Augusto, melior Traiano*” — так написал римский историк IV в. Евтропий в VIII книге своего «Бревиария», одновременно обращаясь к будущим принцепсам и вместе с тем подводя итог правлению императора Марка Ульпия Траяна. Действительно, фигура этого императора для латинской языческой историографии поздней античности была весьма и весьма знаковой по нескольким причинам. Первая из них заключается в том, что мир языческих историков и биографов поздней Римской империи был во многом погружен в славное прошлое Рима, связанное

с чередой постоянных завоеваний и увеличения территории государства. Особенно это касалось внешнеполитических событий на Востоке, где Рим, начиная с III в., с переменным успехом вел войны с Персидским царством. В этом свете завоевательная политика Траяна всегда казалась неким образцом, почти пропагандистским идеалом для проведения всей внешней политики императорами IV в. Во-вторых, возрождение интереса со стороны языческих писателей к жанру морализаторской биографии подталкивало их рассматривать сквозь эту призму почти всю историю Рима, в которой Траян был одной из ключевых фигур. И, наконец, в-третьих, это постоянные «поиски» в античной историографии фигуры идеального императора. В рамках этого дискурса образ Траяна, созданный историками и биографами поздней античности, занимал особое, почетное место в ряду выдающихся правителей прошлого.

Таким образом, вышеперечисленные причины обуславливают актуальность нашей работы. Образ Траяна, фиксируемый у позднеантичных историков и биографов, в целом стал знаковым не только по причине поисков ими фигуры идеального правителя или в целях пропаганды для императоров IV в., но и поскольку этот образ во многом оказал влияние на концептуальные установки и структуру их произведений. Это дает возможность современному исследователю наиболее полно увидеть картину идеологических установок, господствовавших в среде латиноязычной языческой историографии того времени, так как именно она во многом была «ответственна» за весь нарратив сведений об этом императоре.

Историографический обзор. Стоит отметить, что до недавнего времени при всей обширности как отечественной, так и зарубежной историографии [Bennet, 2005], посвященной Траяну, специальных исследований о влиянии образа этого императора на историческую литературу IV в. практически не было. Из работ, до недавнего времени напрямую касающихся данной проблематики, особо стоит отметить три. Первая из них — статья К. Лайтфута, посвященная парфянским кампаниям Траяна и их отражению в исторической литературе IV в., которая в лице двух ее представителей, Евтропия и Феста, побуждала императора Валента к все более активной внешней политике на восточных границах

Римской империи [Lightfoot, 1990: 115—126]. Вторая — исследование Д. Бургерсдайка о влиянии «Панегирика императору Траяну» Плиния Младшего на образы императоров у авторов сборника биографий «*Scriptores Historiae Augustae*» [Burgersdijk, 2013: 289—312]. И третья — это работа К. Криста о формировании образа идеального императора в произведении Секста Аврелия Виктора «О Цезарях» [Christ, 2005: 177—200].

Однако в 2015 г. вышла диссертация Э. Тиенеса, посвященная собирательному образу Траяна в архитектуре, скульптуре и текстах IV в. [Thienes, 2005]. В связи с проблематикой нашей работы особый интерес представляет третья глава, где автор рассматривает образ этого императора, сложившийся в языческой и христианской историографии IV в. Но, преследуя общую цель показать память о Траяне в обществе IV в., автор, как нам кажется, выпускает из поля своего внимания ряд важных моментов. Среди них можно отметить следующие. Во-первых, все языческие историки и биографы рассматриваются Э. Тиенесом отдельно, каждый сам по себе, вне сравнения и сопоставления их произведений, что, по нашему мнению, не позволило дать исследователю в качестве развернутого вывода единое представление данных авторов о Траяне. Во-вторых, в диссертации Э. Тиенеса отсутствует понимание того, как образ Траяна, в свою очередь, повлиял на концептуальные установки языческих авторов IV в. И, в-третьих, недостаточно, на наш взгляд, выражено понимание проблемы трансформации образа идеального императора вообще, и, Траяна, в частности, в течении I—III вв.

Постановка вопроса. Цель нашей работы — комплексное представление об императоре Траяне, сложившееся в произведениях латинских языческих историков и биографов IV в. Вместе с тем, мы также попытаемся ответить на вопрос о том, какие задачи ставили для себя языческие историки и биографы, всесторонне разрабатывая биографию этого правителя в своих исторических трудах. Для реализации этой цели мы обратимся к анализу текстов произведений Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Феста, безымянного автора «Эпитом из Цезарей», Аммиана Марцеллина и сборника биографий «*Scriptores Historiae Augustae*».

Методология и методы исследования

Исходя из представленной актуальности и поставленной цели, в работе используются и сочетаются историко-компаративный и нарративный методы исторического анализа, которые направлены на выяснение того, какое место занимал Траян в произведениях языческих историков и биографов IV в.

Основная часть

Император Траян в исторической литературе IV в.

Все заявленные в нашем исследовании источники, в которых содержатся сведения о Траяне, условно можно разделить на две основные группы. К первой из них мы отнесем сочинения Секста Аврелия Виктора, Евтропия и безымянного автора «Эпитомы из Цезарей». Именно в их произведениях содержится, насколько это возможно, полная структурированная биография императора. Вторая группа — это сочинения Феста, Аммиана Марцеллина и сборник биографий “*Scriptores Historiae Augustae*” (далее: SHA). Здесь мы находим или подробности внешней политики Траяна (Фест), или отдельные отрывочные факты его биографии, разбросанные по всему тексту произведения (Аммиан Марцеллин и SHA). Рассмотрим эти две группы источников более подробно.

Первая группа источников:

1. Сочинения *Секста Аврелия Виктора*. Историческое сочинение Секста Аврелия Виктора, получившее в современной науке название «О Цезарях» (“*Liber de Caesaribus*”), было начато не ранее 358 г., и завершено между 9 сентября 359 г. и 8 сентября 360 г. [Aurelius Victor, 1975: XV]. Оно представляет собой сборник биографий императоров, начиная с Октавиана Августа и заканчивая концом правления Констанция II. Полное название труда Аврелия Виктора “*Aurelii Victoris Historiae Abbreviatae ab Augusto Octaviano id est a fine Titi Livii, usque ad consulatum decimum Constantii Augusti et Iuliani Caesaris tertium*” [Ibid.: VII—VIII]. Текст разбит на 42 главы. Биографии Траяна полностью посвящена XIII глава. В ней мы можем выделить следующие структурные элементы: 1) приход к

власти, 2) внешние военные успехи, 3) внутренние дела, 4) личные качества Траяна, 5) итоги правления Траяна.

2. Сочинения *Евтропия*. «Бревиарий от основания Города» (“*Breviarium ab Urbe condita*”) Евтропия, вероятнее всего, был создан после военной кампании императора Валента против готов в 369—370 гг. [Кареев, 2004: 17]. В «Бревиарии» изложена вся канва истории Римского государства, начиная с основания Рима Ромулом и вплоть до 364 г. включительно. В своем труде Евтропий попытался соединить два основных жанра римской историографии: анналы и биографии императоров. Текст разбит на 10 книг. Правлению Траяна посвящены отдельные параграфы VIII книги «Бревиария». Соответственно, вся информация о Траяне у Евтропия располагается следующим образом: 1) происхождение Траяна и обстоятельства прихода к власти, 2) внешние военные успехи, 3) характер правления Траяна, 4) место и обстоятельство смерти императора, его похороны, посмертные почести и продолжительность его правления.

3. «*Эпитома из Цезарей*». Вопрос об авторстве сочинения, которое обычно в науке именуется как «Эпитома из Цезарей» (“*Epitome de Caesaribus*”), до сих пор остается нерешенным [Там же: 13]. Предположительно, оно было создано в конце IV — начале V в., охватывает период времени от Октавиана Августа до Феодосия и структурно схоже с трудом Секста Аврелия Виктора. Полное название этого произведения “*Incerti Auctoris Epitome De Caesaribus libellus de vita et moribus imperatorum breviatus ex libris Sexti Aurelii Victoris a Caesare Augusto usque ad Theodosium*” [Epitome de Caesaribus, 1911: 133]. В отличие от «Цезарей» Виктора, текст «Эпитомы» разбит на 48 глав. Биографии императоров, вошедшие в этот сборник, обладают гораздо менее четкой структурой, чем те, которые мы находим в исторических трудах Секста Аврелия Виктора и Евтропия. Как и у Аврелия Виктора, Траяну посвящена XIII глава «Эпитомы». В ней мы, хотя и с трудом, можем выделить следующие структурные компоненты: 1) происхождение Траяна и его приход к власти, 2) личные качества Траяна и обстоятельства его погребения, 3) внутренняя политика Траяна.

Вторая группа источников:

1. Сочинения *Феста*. «Бревиарий деяний римского народа» (“*Breviarium rerum gestarum populi Romani*”) Феста был создан в 370 г. по поручению императора Валента [Festus Rufius, 1994: V—VI] (в это же время и Евтропий завершил свое произведение, также адресованное этому императору). Он представлял собой сжатый компендий, направленный, с одной стороны, на краткую, преимущественно военную, историю всего Римского государства, начиная с Ромула, а с другой стороны, — на описание войн, которые римляне вели на Востоке. Как и Евтропий, Фест довел свое повествование до 364 г., то есть до начала правления Валента. В «Бревиарии» Феста содержится наиболее полная информация о внешнеполитической деятельности Траяна, отчасти пересекающаяся с данными «Бревиария» Евтропия. Структурно она располагается в двух местах его исторического сочинения: 1) порядок образования провинций Римского государства, 2) история внешней политики Рима на Востоке.

2. Сочинения *Аммиана Марцеллина*. Аммиану Марцеллину принадлежит последнее крупное историческое произведение в латинской языческой историографии “*Res Gestae*”, за которым закрепился весьма приблизительный перевод — «Римская история». Повествование в нем доведено до 378 г., и, предположительно, Аммиан опубликовал свою работу в начале 390-х гг. [Rohrbacher, 2002: 16]. Первоначально “*Res Gestae*” включало в себя 31 книгу, однако до нас дошли только книги с 14 по 31, охватывающие события с 353 по 378 г. В силу этого повествование Аммиана о Траяне утеряно, однако упоминания императора присутствуют в разных частях дошедшего до нас текста. Поэтому структурно эти упоминания также целесообразно разбить на две группы: 1) упоминания о внешнеполитических успехах Траяна и 2) упоминания о личных качествах Траяна.

3. *Scriptores Historiae Augustae*. Этот источник представляет собой одно из самых загадочных исторических сочинений IV в. Полное его название, сохранившееся в одном из старейших кодексов, “*Vitae diversorum principum et tyrannorum a divo Hadriano usque ad Numerianum*” [Scriptores Historiae Augustae, 1971: XIII].

В настоящее время этот сборник биографий императоров чаще всего проходит под названием “Scriptores Historiae Augustae”. Он представляет собой биографии императоров и узурпаторов начиная с Адриана и заканчивая Карином и Нумерианом, т. е. охватывает период со 117 по 285 гг. Эти биографии написаны шестью разными, ранее нигде не упоминавшимися историками, Элием Спартианом, Элием Лампридием, Юлием Капитолином, Вулкацием Галликаном, Флавием Вописком и Требеллием Поллионом, которые утверждают, что сочинили свои произведения во время Первой Тетрархии и во время правления Константина I [Birley, 2003: 145]. Однако на сегодняшний день исследователи склоняются к тому, что эти биографии были созданы, скорее всего, в конце IV или в самом начале V в. одним автором [Ibid.: 144]. У автора или авторов SHA отсутствует отдельная биография Траяна, хотя она логически здесь напрашивается (к этому вопросу мы ниже еще вернемся), поэтому имя императора вновь, как и у всех остальных авторов второй группы, разбросано по всему тексту источника. Оно встречается в биографиях таких императоров, как Адриан («Элий Спартиан»), Антонин Пий («Юлий Капитолин»), Септимий Север («Элий Спартиан»), Опилий Макрин («Юлий Капитолин»), Александр Север («Элий Лампридий»), Гордианы («Юлий Капитолин»), Аврелиан («Флавий Вописк») и Тацит («Флавий Вописк»).

***Император Траян как идеальный правитель
в языческой латинской историографии IV в.***

В сборнике биографий “Scriptores Historiae Augustae” биограф императора Аврелиана, завершая историю жизни правителя, задается следующим риторическим вопросом: «*Чем мне объяснить то, что хороших государей было так мало, хотя Цезарей было большое количество? В государственном списке содержится последовательный ряд порфирноносцев, начиная с Августа и до государей Диоклетиана и Максимиана. Среди них лучшими являются сам Август, Флавий Веспасиан, Флавий Тит, Кокцей Нерва, божественный Траян, божественный Адриан, Антонины Пий и Марк, Север африканец, Александр, сын Маммеи, божественный Клавдий и божественный Аврелиан*» [Властелины Рима, 1992: 286]. Есть веские основания предполагать, что автор SHA фактически

основывал этот список правителей, предположительно опираясь на некий «официальный» документ, в котором перечислялись канонические императоры, «назначенные» божественными уже во времена автора и, следовательно, постоянно, а не только временно, признанные «хорошими» [Нааке, 2015: 275]. Одной из главных тем сборника SHA является чередование хороших, плохих и нейтральных императоров — с особым вниманием к узурпаторам и тиранам. В SHA есть также и несколько сквозных подтем, среди которых возможность того, что сын хорошего императора вполне может оказаться плохим преемником, как об этом эмоционально говорится от лица Септимия Севера в заключительных строках его биографии [Властелины Рима, 1992: 95]. Сама по себе идея о том, что за плохим правителем следует хороший и наоборот, далеко не уникальна в латинской литературе, но она набирала силу в течение первого века существования Римской империи вместе с накоплением примеров императоров в последующих династиях. Еще в своем «Панегирике императору Траяну», в то время когда память о правлении Домициана все еще была свежа в умах сенаторов, Плиний Младший сделал своей главной темой оппозицию между хорошими и плохими правителями [Burgersdijk, 2013: 92].

По сути, с таким почти что «хрестоматийным» перечнем хороших и дурных правителей мы сталкиваемся в любом из исторических произведений IV в. И образ императора Траяна оказывается в этих сочинениях одним из центральных, если не структурообразующим, для тех императоров, которые во всем должны были следовать подобному образцу.

К этому следует добавить и то, что еще в политической мысли раннего принципата все большее значение начинает приобретать проблема прав и обязанностей правителя. Эта проблема законности и морально-этических качеств, доблестей и добродетелей правителя как гражданина слилась воедино в совокупность требований и достоинств, обеспечивающих законное правление. Именно к IV в. накапливается достаточная информация для создания канона императора, отталкиваясь от которого можно вычленишь две линии правителей: образцовых, хороших, популярных и дурных, непопулярных [Кареев, 2004: 148]. Общественная идеология

придавала очень большое значение роли личности императора и ее влиянию в целом на жизнь всего общества. Как следствие, это выразилось в господстве биографического жанра в исторической литературе. Также можно говорить и о складывании к тому времени образа идеального правителя-императора, законно избранного, пользующегося своей властью по воле богов, правящего разумно, мужественно, справедливо [Там же: 149]. Значение единоличной власти как гаранта стабильности существующих порядков и общего блага обусловило постановку вопроса и о персональных качествах правителя. При этом разрабатывалась концепция не только императора-спасителя, но и императора-тирана, губителя и разрушителя, на формирование которой, по-видимому, оказала влияние политическая ситуация, сложившаяся в Риме в III в. н. э., прежде всего частая смена правителей, среди которых было множество узурпаторов. Но основы тех требований, которые политическая теория предъявляла монарху, начали формироваться еще в эпоху принципата. При этом подспудно шла борьба двух тенденций — императорской, «имперской», где прослеживалось стремление сделать императорскую власть абсолютной, теократической еще в большей мере, чем раньше; и сенаторской, согласно которой идеальный монарх был обязан править в согласии с сенатом, выражать его интересы, в своей деятельности не вмешиваться во внутренние дела, которые должны быть предоставлены в ведение сената и местной знати, и исполнять функцию главнокомандующего [Там же].

Именно такие, просенатские позиции, активно отстаивали в своих трудах большинство языческих интеллектуалов IV в. Эпоха т. н. «приемных» императоров, начатая Траяном, представляет собой кульминацию всего биографического сборника Секста Аврелия Виктора [Christ, 2005: 181]. Этому предшествует краткий рассказ об общих итогах правления императора Домициана, в котором Виктор приводит одно из своих самых важных риторических отступлений относительно самой сути власти в Римском государстве. Он указывает, что *«до сего времени Империей правили рожденные в Риме или в Италии; в дальнейшем же — чужеземцы и, может быть, даже намного лучше, как это было при Тарквинии*

Старшем. Я и сам убедился на основании прочтенной литературы и разнообразной молвы, что город Рим возрос главным образом благодаря доблести чужестранцев и заимствованным у других искусствам» [Секст Аврелий Виктор, 1997b: 88—89] (“*Hactenus Romae seu per Italiam orti imperium rexere, hinc advenae quoque; nescio an ut in Prisco Tarquinio longe meliores. Ac mihi quidem audienti multa legentique plane compertum urbem Romam externorum virtute atque insitivis artibus praecipue crevisse*”) [Aurelius Victor, 1975: 17]. В связи с этим представляется весьма справедливым тезис Е. М. Штаерман, которая полагает, что «новая, начавшаяся с прихода к власти Нервы политика, обуславливалась главным образом неким компромиссом между принцепсом и сенатом, что стало возможно благодаря значительному изменению состава последнего, пополнению его людьми из италийских городов, затем из провинций; людьми, гораздо менее связанными с традициями римской аристократии и высоко оценивавшими преимущества единоличного правления. Для них основной интерес сосредоточивался уже не на воспоминаниях о прошлом, которое не было их прошлым, а на настоящем, на фигуре некоего идеального принцепса, способного их удовлетворить» [Штаерман, 1985: 69]. Эту мысль, продолжает Ю. Б. Циркин: «новые сенаторы, пришедшие из Италии и, особенно из провинций, зависели от императора и требовали от него только уважения, безопасности и прислушивания к их требованиям, пожеланиям и высказываниям. Такого мудрого господина они и нашли в Траяне, поэтому сенат совершенно искренне присвоил ему титул “лучшего принцепса”» [Циркин, 2018: 295].

Во многом своеобразные стандарты образа идеального принцепса установил еще Плиний. Год четырех императоров и последовавшая гражданская война еще были живы во времена Плиния и в памяти членов римского сената, вследствие чего и принцепс должен быть возвысившимся «не в пылу гражданской войны и не в момент стеснения государства оружием, но данный внявшими молениями земли богами-покровителями, в момент глубокого мира, через усыновление» [Панегирик императору Траяну, 1983: 215] (“*Talem esse oportuit, quem non bella ciuilia nec armis oppressa respublica, sed pax, et adopto, et tandem exorata terris*

numina, dedissent”) [Plini Caecili Secundi, 1873: 241]. «*Вот новый и неслыханный путь к принципату*» (“*O nouum atque inauditum ad principatum iter!*”) [Plini Caecili Secundi, 1873: 243], — восклицает Плиний в самом начале своего «Панегирика» [Панегирик императору Траяну, 1983: 216], и поэтому тема усыновления для него так исключительно важна, тем более что приход к власти Траяна был, действительно, неординарным событием для всего Римского государства [Данилова, 2015: 65]. Для IV в., как и для начала II в., все еще актуальна была фраза автора «Панегирика», что «*для государя, почившего мирно, избрав себе преемника, единственный и притом надлежащий залог божественности — добрый преемник*» [Панегирик императору Траяну, 1983: 219] (“*In principe enim, qui electo successore fato concessit, una itemque certissima diuinitatis fides et bonus successor*”) [Plini Caecili Secundi, 1873: 246].

Как мы видим, в идеологических конструкциях принципата конца I — начала II в. важнейшую, если не одну из главных, ролей играл сенат. Данное обстоятельство нашло свое дальнейшее отражение и в исторических сочинениях IV в., где во многом образ добродетельного, идеального правителя зависел от того, как последний относится к этому старейшему институту власти Рима. Естественно, что Траян воспринимался именно как тот император, который восстановил пошатнувшуюся роль сената, на фоне тирании Домициана, и, по сути, вернул государство к его республиканским истокам, к его изначальной свободе [Циркин, 2018: 295—296]. Этот факт стал определяющим и для пропаганды историков IV в., хотя сам сенат к тому времени в центральном треугольнике власти имперской эпохи (император—сенат—армия) занимал наиболее слабое и невыгодное положение, играя, по большей части, пассивную роль в структуре власти [Christ, 2005: 190].

Как заметил В. дэн Боэр, больше всех в латинской языческой историографии IV в. ценит правление Траяна Евтропий. Согласимся с этой позицией, тем более, что если в IV в. и был историк, защищавший честь сенаторов, то это был именно автор «Бревиария от основания Города» [Boer W. den, 1972: 40]. Евтропий даже считает нужным особо упомянуть, что «*никому из сенаторов он не причинил вреда... так что за все время его правления только один*

сенатор был признан виновным и то самим сенатом и по неведению Траяна» [Евтропий, 2001: 114] (“*adeo ut omni eius aetate unus senator damnatus sit atque is tamen per senatum, ignorante Traiano*”) [Там же: 62]. Также Евтропий приводит одно из высказываний Траяна, которое в его изложении выглядит следующим образом: “*Amicis enim culpantibus, quod nimium circa omnes communis esset, respondit talem se imperatorem esse privatis, quales esse sibi imperatores privatus optasset*” [Там же]. Эти слова, подразумевают для историка своеобразный идеал сотрудничества между сенатом и императором. Эта комплиментарность во многом происходит от менталитета самого Евтропия, менталитета придворного, сенатора [Boer W. den, 1972: 40]. Начиная свою восьмую книгу с восшествия на престол Нервы, Евтропий, по сути, постулирует своеобразную «новую эру» в римской истории. Он пишет: “*Anno octingentesimo et quinquagesimo ab urbe condita, Vetere et Valente consulibus, res publica ad prosperrimum statum rediit, bonis principibus ingenti felicitate commissa*” [Евтропий, 2001: 61]. В этом контексте упоминание о консульстве Валента является далеко не беспричинным. Только в одном случае в имперский период упоминается консульство: в заключительной главе «Бревиария», как бы хронологически обрамляя всю императорскую историю [Там же: 114]. Как и в случае с Нервой и Траяном, «новая эра» для Империи также должна начаться с Валента, но уже с императора. Вскоре из текста становится очевидным, что Траян был самым почитаемым императором у Евтропия. Ни одному другому человеку не дано такого обширного и хвалебного описания в «Бревиарии».

Одновременно историк глубоко и искренне восхищается значительным расширением Империи и посвящает два абзаца описанию внешнеполитических достижений Траяна. Евтропия не мучают сомнения в правильности этой политики экспансии. Напротив, его критика преемников Августа сосредоточена на том факте, что хотя они и обороняли границы Империи, но не «*со славою ее увеличивали*» [Там же] (“*Romani imperii, quod post Augustum defensum magis fuerat quam nobiliter ampliaturum*”) [Там же: 61]. Страх Евтропия перед вторжением, проистекающий из его акцента на внешних, наступательных войнах, составляет фон, на котором

развертывается его сравнительно подробный рассказ о завоеваниях Траяна. И это вполне согласуется с тем, что его прекрасная картина не омрачена никаким упоминанием о неудаче экспедиции Траяна на Востоке. Как считает В. дэн Боэр, можно задаться вопросом, почему и здесь страх перед внешним вторжением не побудил Евтропия сделать предупреждение для своих современников, вдохновленное истинным ходом событий. Вероятно, историк чувствовал, что ничто не должно омрачать совершенство этого вдохновляющего примера. Описание этого периода не должно было закончиться на пессимистичной ноте, чтобы подтвердить истинность известного высказывания, провозглашаемого при последующем императорском престолонаследии: «[будь] счастливее Августа и лучше Траяна». Евтропию совсем не нужно умалчивать о возвращении Траяна с востока, где события развивались не столь оптимистично, как хотелось бы автору «Бревиария». Ему нужен был своеобразный контраст с описанием внешнеполитической деятельности на восточных границах Рима преемника Траяна Адриана, репутация которого в сенаторских кругах была не так хороша, а в некоторых отношениях даже сомнительна [Boer W. den, 2003: 41—42].

Для Секста Аврелия Виктора историческая эпоха, начавшаяся с правления Нервы, представляет собой, как и для Евтропия, особый этап римской истории, по сути, кульминацию всего произведения. Как и в «Бревиарии» Евтропия, Виктор хвалит Траяна с самого начала и повсюду. Биограф был явно недостаточно информирован о деталях усыновления Траяна, однако поведение отрешившегося от престола Нервы вызывает у него восхищение, выразившееся в традиционном для него риторическом отступлении о судьбах императорской власти: “*Qui cum extrerna aetate apud Sequanos, quo tyranni decessit metu, imperium arbitrio legionum cepisset, ubi perspexit nisi a superioribus robustioribusque corpore animoque geri non posse, mense sexto ac decimo semet eo abdicavit*” [Aurelius Victor, 1975: 17]. Далее он пишет: “*Id cum semper egregium sit metiri, quantum queas, neque ambitione praeceps agi, tum in imperio, cuius adeo cupidi mortales sunt, ut id vel ultima senectus avide petat*” [Ibid.: 17]. Все эти отступления являются риторическим переходом Аврелия Виктора, своеобразной «подготовкой» читателя к жизнео-

писанию Траяна. Само собой разумеется, что на первом плане традиционные для историографии IV в. военные успехи императора против даков и парфян; якобы Траян вел войну против всех племен между Евфратом и Индом [Ibid.: 18]. Но подробное описание военных действий — это не то, что мог поставить себе в заслугу Аврелий Виктор. Как отметил К. Крист, «Виктор мало интересовался самими военными операциями, будь то театры военных действий на Рейне, Дунае и Ближнем Востоке, или деталями ведения войны. Единственное исключение — боевые действия в Северной Африке» [Christ, 2005: 190—191]. Из других видов внешней, пограничной и внутренней политической деятельности особое внимание уделяется усовершенствованию и общественной пользе *cursus publicus*, которая вновь дает ему повод для общего размышления о влиянии моральных принципов на государство [Секст Аврелий Виктор, 1997b: 90].

В целом, можно присоединиться к мнению К. Криста, что нравы правителей часто занимают у Аврелия Виктора больше места, чем факты, связанные с их внешнеполитической деятельностью [Christ, 2005: 188]. Поэтому история морали римских императоров составляет основу всего исторического произведения Аврелия Виктора, как уже неоднократно отмечалось в зарубежной и в отечественной историографии. Однако, в отличие от Евтропия, он не столь красноречив в отношении положительных эпитетов для императора. Если в «Бревиарии» мы видим целый абзац, специально отведенный Евтропием для восхваления императора, то Аврелий Виктор ограничивается весьма скромной фразой, что Траян «был справедлив, милостив, долготерпелив, весьма верен друзьям» [Секст Аврелий Виктор, 1997b: 19] (*“Aequus clemens patientissimus atque in amicos perfidelis”*) [Aurelius Victor, 1975: 19].

В этом отношении должен быть близок к оценке Аврелия Виктора его анонимный последователь, автор «Эпитомы из Цезарей». Однако этого мы не наблюдаем. Так, если Виктор справедливо обращает внимание на внешнюю политику Траяна, то в «Эпитоме» военные успехи принцепса полностью отсутствуют, за исключением одного очень общего наблюдения, что «он был вынослив в труде, внимателен к каждому деятельному и пригодному

для войны человеку» [Секст Аврелий Виктор, 1997а: 137] (“*Fuit enim patiens laboris, studiosus optimi cuiusque ac bellicosus*”) [Epitome de Caesaribus, 1911: 148]. Виктор также уделяет больше внимания общественным работам Траяна в Риме, в то время как автор «Эпитомы» говорит только о термах Суры в связи с дружбой императора с его ближайшим сподвижником Лицинием Сурой. Эти неизбежные личные анекдоты также ограничиваются у Аврелия Виктора двумя примерами, которые иллюстрируют дружбу Траяна с высокопоставленными Лицинием Сурой и Секстом Аттием Субураном Эмилианом. И эта дружба должна быть образцом и для современников Виктора. Неудивительно, что поведение Траяна казалось «образцовым» в противоположность многим императорам I в. Выбор Виктора из богатства анекдотов по существу показателен и, насколько нам известно, оригинален. С другой стороны, автор «Эпитомы» мало что может предложить своему читателю. Так, он объясняет отношения императора с его друзьями, в частности, с Лицинием Сурой тем, что тот был не более чем фаворитом, который ему помог достигнуть власти (“*Hic ob honorem Surae, cuius studio imperium arripuerat, lavacra condidit*”) [Epitome de Caesaribus, 1911: 148]. Далее следует большое риторическое отступление, сродни тому, которые мы видим в «Бревиарии» Евтропия, посвященное высоким моральным достоинствам императора. По мнению В. дэн Бозра, эта риторическая пауза нужна, чтобы скрыть пробелы в элементарном незнании материала [Boer W. den, 1972: 37]. Голландский историк полагает, что вместо того, чтобы подробно описывать действия императора, он произносит стандартную хвалебную речь о его жизни и характере, которая занимает большую часть его скудного повествования и включает (как бы педантичен он ни был) замечание о плохом образовании императора и посредственном ораторском искусстве [Ibid.: 37]. Но автор «Эпитомы» указывает на некоторые детали, упущенные Виктором, прежде всего на законодательную деятельность Траяна, а также стихийные бедствия, строительные нормы и уникальную церемонию погребения. Возможно, для него характерно и то, что он считает необходимым упомянуть о чудесах, истолкованных как божественные знамения в пользу восшествия на престол им-

ператора. Почему же Аврелий Виктор не считал нужным указать на, казалось бы, очевидную связь между божественными предзнаменованиями и императорской властью? В. дэн Боэр считает, что это было «ниже его достоинства», хотя историк и был далек от скептицизма в отношении различного рода предзнаменований [Ibid.: 37—38]. Виктора волновало то, что современные исследователи до сих пор считают историческими проблемами: война с парфянами и преемственность власти. Нигде разница в качестве представления своего исторического материала между этими двумя биографами не проявляется более отчетливо. Автор «Эпитомы» полностью обходит молчанием эти темы. Аврелий Виктор дает обоснованную версию, особенно о Парфянской войне, но текст, к сожалению, решительно загадочен [Ibid.: 38]. Но одно несомненно: Траян по поручению сенаторов вновь отправился в поход, в котором и умер от болезни [Aurelius Victor, 1975: 19]. Точка зрения Виктора, безусловно, основана на сенаторской традиции, традиции взаимоотношения Сената и идеализированного принцепса.

Теперь обратимся к источнику, в котором полностью отсутствует жизнеописание Траяна, хотя образ именно этого императора, по всей видимости, оказал существенное влияние на весь текст этого исторического произведения. Речь идет о сборнике биографий “*Scriptores Historiae Augustae*”. Как мы уже отметили, упоминание о Траяне разбросано по всему тексту этого произведения.

По мнению Д. Бургерсдайка, непосредственное влияние на концептуальные установки SNA оказал «Панегирик Траяна» Плиния. Он использовал его, чтобы представить основную тему своей серии биографий — противопоставление *boni malique imperatores* — и сформировать тем самым, на закате языческой эпохи, свое, оригинальное представление об идеальном принцепсе. Тот факт, что автор никогда не упоминает Плиния Младшего по имени, не является чем-то необычным в его образе действий: было обнаружено еще несколько параллелей с неназванными авторами, такими как Корнелий Непот, Плиний Старший и Ювенал [Burgersdijk, 2013: 311]. Следует отметить, что, панегирический тон биографий Клавдия, Аврелиана, Тацита и Проба, вероятнее всего, был вдохновлен похвалой Плиния Траяну.

Автора SHA прежде всего интересует вопрос о том, как хорошего императора может сменить другой хороший император. Эта тема, которая является одной из важных уже в биографии Адриана, возникает тогда, когда Адриан искал себе хорошего преемника, после того как он сам был успешно усыновлен своим предшественником Траяном. Вполне возможно, приходит к выводу Д. Бургерсдайка, что именно Плиний дал начало этой теме в исторической литературе, когда описывал, как Нерва ввел адаптивную систему правления с учетом того, что назначение собственного сына так же безопасно для империи, как и случайный выбор [Ibid.: 310]. Так, в жизнеописании Септимия Севера вставлено длинное рассуждение о естественных сыновьях императоров, которые, как правило, оказываются дурными (например, Коммод, Каракалла, Гелиогабал) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 153]. Однако автор этой биографии гораздо более пессимистичен в своих оценках той системы усыновления будущих принцев, которую предложил Плиний. Он считает, что «почти никто из великих мужей не оставил после себя ни одного прекрасного и полезного для государства сына. В сущности, эти мужи либо умирали бездетными, либо в большинстве случаев имели таких детей, что для человечества было бы лучше, если бы они умерли без потомства» [Властелины Рима, 1992: 95] (“*neminem facile magnorum virorum optimum et utilem filium reliquisse satis claret*”) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 152]. Эта система усыновлений оказалась нежизнеспособной, поскольку «даже сам Траян ошибся в своем соотечественнике и племяннике, выбрав его своим преемником» [Властелины Рима, 1992: 95] (“*falsus est etiam ipse Traianus in suo municipe ac nepote diligendo*”) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 153]. Ответ на вопрос, откуда берется хороший правитель, дан биографом Александра Севера, который считает, что «хорошим государем можно быть от природы, которая повсюду является единой матерью», или «под влиянием страха, так как весьма дурной был убит» [Властелины Рима, 1992: 180] (“*iam primum possum de bonorum virorum respondere sententia potuisse natura, quae ubique una mater est, bonum principem nasci, deinde timore, quod pessimus esset occisus, hunc optimum factum*”) [Scriptores Historiae Augustae, 1971: 302].

И вновь мы можем наблюдать схожие мотивы с «Панегириком» Плиния. У Плиния также правитель должен быть дан «внешними молениями земли богами-покровителями, в момент глубокого мира, через усыновление» [Панегирик императору Траяну, 1983: 215].

В конце концов, империей управляет судьба. Как выразился Плиний в «Панегирике»: “*Habet has vices conditio mortalium, ut adversa ex secundis, ex adversis secunda nascantur. Occultat utrorumque semina deus, et plerumque bonorum malorumque caussae sub diversa specie latent*” [Plini Caecili Secundi, 1873: 242]. Эта концепция причинно-следственной связи в истории, уже встречающаяся у республиканских авторов, таких как Саллюстий, полностью соответствует настрою автора США, как он описал ее в пространном предисловии к биографиям императоров Кара, Карина и Нумериана [Burgersdijk, 2013: 310].

Вероятно то, что мы уже никогда не узнаем, почему в сборнике биографий США отсутствует жизнеописание Траяна, однако можно присоединиться к гипотезе Д. Бургерсдайка, утверждавшего, что жизнеописание Траяна никогда не было написано, поскольку в нем не было необходимости [Burgersdijk, 2013: 311]. Уже был панегирик Плиния, который потенциально располагался перед жизнеописанием Адриана и не мог быть превзойден бледной биографией лучшего римского принцепса. Эта версия также может дать нам возможность лучше понять, почему жизнеописание Адриана является началом США.

Внешняя политика Траяна и ее отражение в исторической литературе IV в.

Из многочисленных источников широко известен тот факт, что Траяну в 114—117 гг. удалось успешно продолжить борьбу римлян против Парфии, привести римские войска в Армению и Месопотамию и приобрести территории на этих землях с целью их аннексии, чего раньше всерьез не предпринималось. Впоследствии, после катастроф III в. и потери Римом большей части прошлых территориальных приобретений, победа императора Галерия над персидским царем Нарсе в 298 г. н. э., по справедливому замечанию К. Лайтфута, «восстановила римский боевой дух и

гарантировала, что восточная граница должна была оставаться центром военной деятельности на протяжении всего четвертого века. Следовательно, существует прямая причинно-следственная связь между агрессивными действиями Траяна и событиями, сыгравшими важную роль в истории поздней Римской империи. Этот факт, по-видимому, не ускользнул от внимания современных наблюдателей четвертого века» [Lightfoot, 1990: 115].

Также не надо забывать, что, по крайней мере, два историка, Евтропий и Аммиан Марцеллин принимали непосредственное участие в римско-персидских военных кампаниях императоров Констанция II и Юлиана, что и нашло заметное отражение в их произведениях. Поэтому вполне естественен и пристальный интерес наших историков, прежде всего к восточному направлению внешней политики Траяна, его взаимоотношениям с Парфянским царством.

Наибольшее количество фактов о парфянских кампаниях Траяна мы находим у Евтропия и Феста. Евтропий посвящает отдельный абзац восточной политике императора [Евтропий, 2001: 114], а Фест излагает итоги внешней политики Траяна в двух местах своего «Бревиария». В первом случае историк пишет об этом, когда повествует о порядке образования каждой провинции Римского государства. Во втором случае Фест возвращается к этому вопросу уже более подробно, при описании внешней политики Рима на Востоке [Festus Rufius, 1994: 21, 28].

В силу жанра, выбранного Евтропием и Фестом, мы не находим каких-либо подробностей восточных кампаний Траяна. Историки предпочитают ограничиваться только итогами, даже без указаний каких-либо хронологических ориентиров. К этому следует добавить, что не сохранилось и ни одного современного рассказа о Парфянских войнах Траяна и не было установлено никаких памятников о его подвигах на Востоке [Lightfoot, 1990: 115]. Мы почти полностью полагаемся только на выдержки из истории Диона Кассия, вместе с несколькими фрагментами «Парфики» Арриана, чтобы реконструировать причины, цели и стратегию этих кампаний.

К. Лайтфут полагает, что «одним из наиболее запутанных и противоречивых аспектов событий, произошедших во время Пар-

фянской войны, является образование римской провинции под названием Ассирия» [Ibid.: 121]. Создание Траяном ассирийской провинции, упомянутой Евтропием и Фестом, обычно рассматривалось как исторический факт, хотя оказалось невозможным найти какие-либо убедительные доказательства ее организации или достичь консенсуса относительно ее точного местоположения и масштабов. Были выдвинуты веские аргументы в пользу отождествления провинции с территорией, завоеванной во время Ктесифонской кампании 116 г. н. э.; то есть провинция Ассирия соответствует Вавилонии и должна располагаться между реками Евфрат и Тигр в центральном Ираке [Ibid.]. По всей видимости, оба историка имели в виду один и тот же географический регион.

Также сообщения Евтропия и Феста косвенно подтверждаются и Аммианом Марцеллином, когда тот описывает восемнадцать провинций Персидского царства в XXIII книге *Res Gestae* и географически располагает Ассирию в нижней Месопотамии [Ammianus Marcellinus, 1940: 356—357]. Несомненно, что познания Аммиана основывались на знаниях, полученных им во время его участия в персидской экспедиции Юлиана в 363 г. н. э.

Однако если провинция Ассирия и была основана Траяном, то следует признать, что она была настолько временной, что не оставила никаких следов в современных записях. Восстание, охватившее новоприобретенные территории в 116—117 гг. н. э., вынудило римлян немедленно покинуть эту провинцию [Циркин, 2018: 304]. Никаких дальнейших упоминаний о римской провинции Ассирия не содержится ни во время восточных кампаний Луция Вера (163—166 гг. н. э.), ни во время кампаний Септимия Севера и его преемников в первой половине третьего века. К. Лайтфут считает, что «лучше всего вообще не принимать во внимание историчность ассирийской провинции Траяна и искать другое объяснение утверждениям двух авторов четвертого века» [Lightfoot, 1990: 124].

Еще в начале III в. внешняя политика Траяна подвергалась заметной критике и мнение о новых территориальных приобретениях было не особо благоприятным. В частности, Дион Кассий, рассказывая о грандиозном строительстве Траяном моста через

Истр в ходе Дакийских войн, все же отмечает, что этот мост *«не приносит нам никакой пользы»* [Кассий Дион Коккейан, 2011: 100]. Итог всех восточных кампаний Траяна также неутешителен, по мнению Диона, поскольку *«римляне, покорив Армению и большую часть Месопотамии, а также парфян, впустили прилагали усилия и превозмогали опасности, ибо даже парфяне отвергли Парфамаспата и вновь вернулись к прежнему образу правления»* [Там же: 121]. В дальнейшем завоевания на Востоке других императоров, в частности территориальные захваты Септимия Севера, также критиковались, считались неоправданными и воспринимались как источник *«постоянных войн и больших расходов, ибо прибыль... приносит совсем ничтожную, а суммы поглощает огромные»* [Там же: 246]. Однако в IV в. акценты в историографии начинают смещаться в сторону гораздо более положительных оценок. Этого во многом требовала сложившаяся внешнеполитическая ситуация того времени на восточных границах Империи. Стремление отомстить за внешнеполитические неудачи III в. и установить полное господство на Востоке является тем лейтмотивом, который проходит практически через все исторические произведения IV в. Разворот во внешней политике Рима в отношении Персии начался еще с конца III в., с побед Максимиана Галерия и установления сорокалетнего нисибисского мира. Вслед за этим, после череды гражданских войн IV в., уже Константин Великий вновь возвращается к теме «глобального» персидского похода, однако смерть императора помешала в реализации его замыслов. Один из его сыновей, Констанций II, по сути, попытался продолжить, хотя и не в планировавшемся Константином масштабе, завоевательную политику на Востоке, что привело к целой серии приграничных войн Рима и Персии. Эти столкновения носили, главным образом, оборонительный характер для Римской империи и позволили, по крайней мере, сохранить статус-кво на восточных границах. Однако идея масштабного восточного похода, даже спустя тридцать лет после смерти Константина, продолжала оставаться одной из главенствующих и определяющих всю восточную политику Рима. Ее попытался реализовать преемник Констанция Юлиан в 363 г., что привело к полному разгрому римской армии и гибели самого

императора. Результатом этого разгрома стал мир, заключенный императором Иовианом с Шапуром II по которому римляне отказывались от части территории Армении и Месопотамии, включая Нисибис. По сути, Рим вновь получал риск вернуться к ситуации середины III в. Поэтому вполне естественно, что и Евтропий, и Фест, находясь среди чиновничества императорской канцелярии, связывали в своих произведениях приход к власти нового правителя Валента с возобновлением завоевательной восточной политики и утверждением главенства Рима над Персией.

Именно в свете таких настроений и следует рассматривать ссылку наших историков на три новые провинции Траяна [Lightfoot, 1990: 125]. Вполне возможно, что и Евтропий, и Фест использовали Траяна в качестве образца, чтобы побудить Валента (или отразить императорские пожелания) не только восстановить провинцию Месопотамия в ее прежних границах, но и предпринять аннексию Армении и Ассирии [Ibid.]. И такой поход вновь начал планироваться правительством Валента в 374—375 гг., о чем напрямую заявляет Аммиан Марцеллин [Аммиан Марцеллин, 1935: 513]. При этом подготовка к персидской кампании включала три отдельные армии. Возможно, что Валент намеревался следовать стратегии, аналогичной той, которую успешно реализовали полководцы Луция Вера двумя столетиями ранее [Lightfoot, 1990: 125]. Несомненно, что Евтропий и Фест учитывали все эти обстоятельства и своим описанием многочисленных завоеваний Траяна приглашали Валента к более агрессивной внешней политике на Востоке.

Однако реальность, с которой пришлось столкнуться Риму в IV в., разительно отличалась от той, какая сложилась во II в. Парфянское царство, с которым воевал Траян, было уже на излете своей истории и децентрализованным (*«Парфянская держава истощена внутренними распрями и тогда все еще была охвачена мятежами»*) [Кассий Дион Коккейан, 2011: 115]), в отличие от сильного Персидского царства Шапура II, находящегося тогда на своем подъеме. Это во многом объясняет своеобразные «взлеты и падения» римской внешней политики на этом направлении, когда за, казалось бы, успешными действиями следовала полоса стагнации или откровенного провала.

Возвращаясь к теме смены акцентов при описании восточной политики в историографии IV в., следует упомянуть и Аммиана Марцеллина, у которого, по крайней мере, в сохранившейся части его труда нет и намека на пессимизм Диона Кассия. Так, историк при описании восточных провинций Рима не забывает упомянуть «славную войну с парфянами» [Аммиан Марцеллин, 2005: 27] (“*cum glorioso Marte Mediam urget et Parthos*”) [Ammianus Marcellinus, 1935: 70]. В дальнейшем имя Траяна упоминается исключительно в комплиментарном ключе. Траян — это тот пример и тот правитель, которому следует главный персонаж Аммиана император Юлиан и который, в свою очередь, «славою военных дел уподобился Траяну» [Аммиан Марцеллин, 2005: 72] (“*bellorum gloriosis cursibus Traiani simillimus*”) [Ammianus Marcellinus, 1935: 202].

В «Бревиарии» Евтропия описание внешней политики Траяна, по сути, превращается в энкомий императору. Историк вслед за Луцием Аннем Флором видит в правлении Траяна своеобразную «вторую молодость» Римского государства: “*Romani imperii, quod post Augustum defensum magis fuerat quam nobiliter ampliatum, fines longe lateque diffudit*” [Евтропий, 2001: 61]. При этом Евтропий не только восхвалял завоевательную политику Траяна, особенно его действия на Востоке, но также стремился показать своей аудитории пример полководца, способного утвердить окончательное главенство Рима в восточных провинциях, что было, как мы уже сказали выше, весьма актуально для IV в. Траян, без сомнения, был преувеличенно почитаем и у других историков того времени (Аврелий Виктор, Фест), но именно Евтропий делает его основным образцом для императоров-современников своего труда и, прежде всего, для Валента. Очевидное желание историка повлиять на Валента — это главный повод для столь подробного описания внешней политики Траяна. Валент только что завершил успешную кампанию на нижнем Дунае (как и Траян). Теперь, когда это достижение осталось позади, Евтропий призывает Валента последовать примеру лучшего из императоров и вернуть себе те римские владения на Востоке, которые когда-то завоевал Траян и которые с позором сдал Иовиан [Bird, 1986: 14]. Валент (и Евтропий) понимали, что персидский поход придется начинать, как только будет решена вестготская проблема.

Заключение

Таким образом, рассмотренные нами источники и содержащиеся в них сведения позволяют нам сделать ряд выводов относительно понимания образа императора Траяна в поздней античности, в среде языческой историографии и биографии того времени.

Уже Плиний в своем «Панегирике» [Панегирик императору Траяну, 1983: 213] перечисляет качества императора, которые должны были обеспечить харизматическое оправдание его власти, представляя его обладающим тем, что считалось необходимым для его положения. То есть, начиная с правления Марка Аврелия, императорские добродетели стали клишированными. Во многом именно этими обстоятельствами диктовался образ для Траяна для языческой исторической литературы IV в.

Первый вывод, который нам необходимо сделать, это вывод о наличии единого структурированного образа императора Траяна в среде языческих интеллектуалов IV в. Как мы убедились, образ Траяна действительно стал во многом структурообразующим для всех наших авторов. Так или иначе, вся внешняя и внутренняя политика, моральные качества императоров явно или неявно оцениваются и сравниваются с Траяном. Аристократическая точка зрения преобладала в тех источниках, из которых историки и биографы черпали свои знания о прошлом; и во многих случаях они повторяют сенаторское одобрение или неприятие императоров, основанное на отношении этих правителей к этому высшему классу империи. В целом можно сказать, что нравы правителей часто занимают больше места, чем реальные исторические факты. Между тем, нравы имеют решающее значение не только для стиля и атмосферы правления, но и в значительной степени для всей истории империи. Таким образом, можно сказать, что моральная история римских императоров составляет основу для труда Секста Аврелия Виктора, безымянного автора «Эпитомы из Цезарей», сборника биографий SHA и отчасти Евтропия и Аммиана Марцеллина.

Второй вывод — это вывод о том, в какой степени внешняя политика Траяна в исторической литературе IV в. была одним из

элементов идеологических конструкций того времени. Как мы смогли убедиться, завоевательная политика Траяна, начиная с III в., претерпела существенную трансформацию в исторической литературе. Если первоначально внешнюю политику императора было принято критиковать с позиций ненужности и практической бесполезности некоторых его завоеваний, то с наступлением IV в. ситуация радикальным образом поменялась. Отныне об императорах стали судить во многом по их военным достижениям. Евтропий и Фест старательно перечисляют все завоевания и союзы Траяна со значительным акцентом на те территориальные приобретения, которые были сделаны на Востоке и которые были в два раза более обширны, чем на других границах, несмотря на то что завоевание Дакии было более продолжительным и гораздо более выгодным. Очевидно, что одна из причин такого акцента — это явное желание повлиять на императора Валента. Поэтому вполне естественно, что они хотели увидеть, как Валент вернет утраченные территории, что в 369 г., на момент написания брeвиариев Евтропием и Фестом, было предметом серьезной озабоченности. Аммиан Марцеллин, который также принимал участие в персидской кампании Юлиана и стал свидетелем тех же прискорбных сцен, что и Евтропий, был также разгневан тем, что он считал позорным миром, заключенным Иовианом [Аммиан Марцеллин, 2005: 375].

Стремление отомстить за неудачи третьего века и установить полное господство на Востоке является лейтмотивом, проходящим через всю историю четвертого века. Евтропий, Фест и Аммиан Марцеллин с нетерпением ждали возобновления военных действий с Персией. Именно для этого и привлекался образ Траяна как наиболее удачливого полководца, который «расширил по всем направлениям» границы Римского государства, показывая, тем самым, наиболее актуальные задачи для внешней политики IV в. Историки и биографы достоверно воспроизводят главные завоевания императора, хотя жанр, выбираемый каждым из них, диктует и соответствующий набор фактов. В биографиях мы почти не видим этой деятельности. И, наоборот, в трудах, в которых совмещается жанр анналов и биографии (Евтропий и, отчасти, Аммиан Мар-

целлин) или в которых историк придерживается исключительно событийного подхода (Фест), мы видим подробнейшие перечисления тех земель, народов и провинций, завоеванных или созданных Траяном. И именно такой фактологический подход дает историкам свободу формировать «свой», особый образ Траяна для современной им аудитории.

Список источников

- Аммиан Марцеллин* Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М.: АСТ, 2005. 631 с.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / под ред. А. И. Доватура, пер. С. Н. Кондратьева. М.: Наука, 1992. 384 с.
- Данилова В. Ю.* Особенности прихода к власти императора Траяна // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4. С. 63—67.
- Евтропий.* Бревиарий от основания Города / пер. с лат. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной. СПб.: Алетей, 2001. 305 с.
- Кареев Д. В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб.: Алетей, 2004. 250 с.
- Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV—LXXX / пер. с древнегр. под ред. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.
- Панегирик императору Траяну // Письма Плиния Младшего / отв. ред. А. И. Доватур, пер. В. С. Соколова. М.: Наука, 1983. 408 с.
- Секст Аврелий Виктор.* Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки IV века / пер. В. С. Соколова М.: РОССПЭН, 1997а. 414 с.
- Секст Аврелий Виктор.* О Цезарях // Римские историки IV века / пер. В. С. Соколова М.: РОССПЭН, 1997б. 414 с.
- Циркин Ю. Б.* Политическая история Римской империи: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 464 с.
- Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима: в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова. Т. 1. М.: Наука, 1985. 432 с.
- Ammianus Marcellinus* / with an English translation J. S. Rolfe: in 3 vols. Vol. I. L.: Harvard University Press, 1935. 589 p.

- Aurelius Victor*. Livre des Césars / Texte établi et traduit par P. Dufraigne. Paris: Société D'Édition "Les Belles Lettres", 1975. 216 p.
- Bennet J.* Trajan: Optimus Princeps. L.; N. Y.: Routledge, 2005. 312 p.
- Bird H. W.* Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial policy in A. D. 369/370 // *Florilegium*. 1986. № 8. P. 11—22.
- Birley A. R.* The *Historia Augusta* and Pagan Historiography / Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A. D. / ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 127—151.
- Boer W. den* Some minor Roman Historians. Leiden: Brill, 1972. 241 p.
- Burgersdijk D.* Pliny's Panegyricus and the *Historia Augusta* // *Arethusa*. 2013. Vol. 46, no 2. P. 289—312.
- Christ K.* Kaiserideal und Geschichtsbild bei Sextus Aurelius Victor // *Klio*. 2005. Vol. 87. P. 177—200.
- Epitome de Caesaribus*. Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus / rec. F. Pichlmayr. Lipsiae [Leipzig]: in aedibus B. G. Teubneri, 1911. P. 133—176.
- Festus Rufius*. Abrege des hauts faits du peuple romain / Texte établi et trad. par M.-P. Arnaud-Lindet. P.: Société D'Édition "Les Belles Lettres", 1994. 81 p.
- Haake M.* "In Search of Good Emperors". Emperors, Caesars, and Usurpers in the Mirror of Antimonarchic Patterns in the *Historia Augusta* — Some Considerations / Antimonarchic Discourse in Antiquity / ed. by H. Borm. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. P. 269—305.
- Lightfoot C. S.* Trajan's Parthian war and the fourth-century perspective // *The Journal of Roman Studies*. 1990. Vol. 80. P. 115—126.
- Plini Caecili Secundi*. Epistularum libri novem. Panegyricus / rec. H. Keil. Lipsiae [Leipzig]: sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1873. 314 p.
- Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. L.; N. Y.: Routledge, 2002. 324 p.
- Scriptores Historiae Augustae* / ed. E. Hohl: in 2 vols. Vol. 1. Leipzig: Teubner, 1971. 312 p.
- Thienes E. M.* Remembering Trajan in fourth-century Rome: Memory and identity in spatial, artistic, and textual narratives. 2015. URL: <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/bitstream/handle/10355/46902/Research.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).

References

- Ammian Martsellin (2005), *Rimskaia istoriia* [Roman history], Translated by Kulakovskiy, Yu. A. and Sonni, A. I., AST, Moscow, Russia.
- Ammianus Marcellinus* (1935), with an English translation J. S. Rolfe, vol. I. Harvard University Press, London, England.
- Aurelius Victor (1975), *Livre des Césars*, Texte établi et traduit par P. Dufraigne, Société D'Édition "Les Belles Lettres", Paris, France.
- Bennet, J. (2005), *Trajan: Optimus Princeps*, Routledge, London; New York, UK, US, N. Y.
- Bird, H. W. (1986), Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial policy in A. D. 369/370, *Florilegium*, no. 8: 11—22.
- Birley, A. R. (2003), The Historia Augusta and Pagan Historiography, in Marasco G. (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A. D.*, Brill, Leiden; Boston: 127—151, US, Mass.
- Boer, W. den (1972), *Some minor Roman Historians*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Burgersdijk, D. (2013), 'Pliny's Panegyricus and the Historia Augusta', *Arctusa*, vol. 46, no. 2: 289—312.
- Christ, K. (2005), 'Kaiserideal und Geschichtsbild bei Sextus Aurelius Victor', *Klio*, vol. 87: 177—200.
- Danilova, V. Yu. (2015), 'Features of the coming to power of Emperor Trajan', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of Tomsk State University. History], no. 4: 63—67.
- Epitome de Caesaribus (1911), in Sexti Aurelii Victoris (ed.), *Liber de Caesaribus*, Translated by Pichlmayr, F., in aedibus B. G. Teubneri, Lipsiae [Leipzig], Germany: 133—176.
- Eutropius (2001), *Breviarii ot osnovaniia Goroda* [Breviary from the founding of the City], Translated by Kareev, D. V. and Samutkina, L. A., Aleteia, St. Petersburg, Russia.
- Festus Rufius (1994), *Abrege des hauts faits du peuple romain*, Translated by par Arnaud-Lindet, M.-P., Société D'Édition "Les Belles Lettres", Paris, France.
- Haake, M. (2015), "'In Search of Good Emperors". Emperors, Caesars, and Usurpers in the Mirror of Antimonarchic Patterns in the Historia Augusta — Some Considerations', in Borm, H. (ed.), *Antimonarchic Discourse in Antiquity*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, Germany: 269—305.

- Kareev, D. V. (2004), *Pozdnerimskaia istoriografiia pered vyzovom vremeni: Evtropii i ego "Breviarii ot osnovanii Goroda"* [Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his "Breviary from the founding of the city"], Aleteiia, St. Petersburg, Russia.
- Kassii Dion Kokkeian (2011), *Rimaskaia istoriia. Knigi LXIV—LXXX* [Roman history. Books LXIV—LXXX], Translated by Makhlayuk, A. V., Nestor-Istoriia, St. Petersburg, Russia.
- Lightfoot, C. S. (1990), 'Trajan's Parthian war and the fourth-century perspective', *The Journal of Roman Studies*, vol. 80: 115—126.
- 'Panegyric to Emperor Trajan' (1983), in Dovatur, A. I. (ed.), *Pis'ma Plinii Mladshogo* [Letters from Pliny the Younger], Translated by Sokolov, V. S., Nauka, Moscow, Russia.
- Plini Caecili Secundi (1873), *Epistularum libri novem. Panegyricus* in Keil, H. (ed.), *sumptibus et typis B. G. Teubneri, Lipsiae* [Leipzig], Germany.
- Rohrbacher, D. (2002), *The Historians of Late Antiquity*, Routledge, London; New York, UK, US, N. Y.
- Scriptores Historiae Augustae* (1971), E. Hohl (ed.), in 2 vols, vol. 1, Teubner, Leipzig, Germany.
- Sekst Avrelii Viktor (1997b), 'About the Caesars', *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], Translated by Sokolov, V. S., Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Sekst Avrelii Viktor (1997a), 'Extracts on the life and manners of the Roman emperors', *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], Translated by Sokolov, V. S., Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Shtaerman, E. M. (1985), 'From citizen to subject', in Golubtsova, E. S. (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [Culture of ancient Rome], vol. 1, Nauka, Moscow, Russia.
- Thienes, E. M. (2015), *Remembering Trajan in fourth-century Rome: Memory and identity in spatial, artistic, and textual narratives*, available at: URL: <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/bitstream/handle/10355/46902/Research.pdf> (Accessed 11 April 2023).
- Tsirkin, Yu. B. (2018), *Politicheskaia istoriia Rimskoi imperii* [Political history of the Roman Empire], vol. 1, Izdatel'stvo RGPU imeni A. I. Gertsen, St. Petersburg, Russia.
- Vlasteliny Rima. Biografii rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana* (1992), [Rulers of Rome. Biographies of Roman Emperors from Hadrian to Diocletian], Dovatur, A. I. (ed.), Translated by Kondratev, S. N., Nauka, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Кареев — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, Россия.

D. V. Kareev — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Научная статья

УДК 75.03

DOI: 10.46725/IW.2023.3.5

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Н. ЖУКОВА
В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ
(вторая половина XIX — начало XX в.)**

Виталий Викторович Ткачев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
vitaliy.tkachev.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Аннотация. Восстанавливая сюжеты из истории художественной интеллигенции Сибири, необходимо понимать и представлять работу первых деятелей искусства, которые являлись инициаторами в создании общедоступных, творческих площадок. Благодаря организации художественного пространства, у начинающих художников появилась возможность реализовывать выставочные проекты, развиваться и пополнять свои знания об истории региона. Забайкальские художники в период преобразования городской среды участвовали в создании музеев, галерей и других выставочных пространств, которые знакомили посетителей с отечественным искусством и культурой. Значимость исследования заключается в том, что в архивах были выявлены исторические материалы, которые представляют просветительскую работу И. Н. Жукова по формированию художественной интеллигенции в Забайкальской области во второй половине XIX — начале XX в. Иннокентий Николаевич являлся выдающимся художником, скульптором, педагогом Забайкалья, просветителем истории искусства, занимался издательской работой, создавал повести, статьи по вопросам воспитания детей, созданию скульптур, развитию художественного образования в регионе. Исследование подтвердило то, что И. Н. Жуков проявлял интерес к развитию творческого пространства, соз-

© Ткачев В. В., 2023

данию собраний произведений искусства. Культурно-просветительская деятельность художника дает возможность понять основные принципы взаимодействия деятелей искусства с коллекционерами в городах Байкальского региона. Представлению основных подходов в деятельности И. Н. Жукова по формированию художественной интеллигенции и распространению знаний об искусстве в Забайкальской области во второй половине XIX — начале XX в. и посвящено настоящее исследование. В процессе написания статьи автор использовал общеисторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективный, а также принцип историзма.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. И. Н. Жуков участвовал в формировании художественной интеллигенции Забайкальской области во второй половине XIX — начале XX в. Просветительская работа Иннокентия Николаевича была направлена на создание общедоступных, творческих пространств. Постепенное проявление интереса жителей к произведениям искусства способствовало организации художественных мероприятий в Забайкалье.

Многие проекты, которые предлагал и поддерживал И. Н. Жуков, были направлены на развитие образовательных, творческих возможностей представителей художественной интеллигенции. Площадкой для их реализации были музеи и образовательные учреждения Забайкальской области.

Ключевые слова: И. Н. Жуков, история Сибири, Байкальская Сибирь, Иркутская губерния, Забайкальская область, городская культура, художественная жизнь, общественное мнение, художественная интеллигенция, творческие организации, художественные галереи

Для цитирования: Ткачев В. В. Культурно-просветительская деятельность И. Н. Жукова в Забайкальской Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 92—115.

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF I. N. ZHUKOV IN TRANSBAIKAL SIBERIA (second half of the XIX — early XX century)

Vitaliy V. Tkachev

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
vitaliy.tkachev.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Abstract. Restoring plots from the history of the artistic intelligentsia of Siberia, it is necessary to understand and present the work of the first artists who were the initiators in the creation of public, creative platforms. Thanks to the arrangement of the art space, novice artists got the opportunity to implement exhibition projects, develop and replenish their knowledge of the history of the region. During the transformation of the urban environment, Transbaikal artists participated in the creation of museums, galleries and other exhibition spaces that introduced visitors to Russian art and culture. The significance of the study lies in the fact that historical materials, which present the educational work of I. N. Zhukov on the formation of the artistic intelligentsia in the Trans-Baikal region in the second half of the XIX — early XX century, were identified in the archives. Innokenty Nikolayevich was an outstanding artist, sculptor, teacher of Transbaikalia, educator of art history; he engaged in publishing work, created stories, articles on the upbringing of children, the creation of sculptures, and the development of art education in the region. The study confirmed that I. N. Zhukov showed interest in the development of creative space, the creation of collections of works of art. The cultural and educational activity of the artist makes it possible to understand the basic principles of interaction between artists and collectors in the cities of the Baikal region. Presentation of the main approaches in the activities of I. N. Zhukov on the formation of artistic intelligentsia and the dissemination of knowledge about art in the Trans-Baikal region in the second half of the XIX — early XX century is the subject of this study. In the process of writing the article, the author used general historical methods: historical-genetic, historical-comparative, problem-chronological, retrospective, as well as the principle of historicism.

As a result of the study, the following conclusions were drawn. I. N. Zhukov participated in the formation of the artistic intelligentsia of the Transbaikal region in the second half of the XIX — early XX century.

The educational work of Innokenty Nikolayevich was aimed at creating public, creative spaces. The gradual manifestation of the interest of residents in works of art contributed to the organization of artistic events in Transbaikalia.

Many projects proposed and supported by I. N. Zhukov were aimed at developing the educational and creative capabilities of representatives of the artistic intelligentsia. Museums and educational institutions of the Trans-Baikal region were the platform for their implementation.

Keywords: I. N. Zhukov, history of Siberia, Baikal Siberia, Irkutsk province, Trans-Baikal region, urban culture, artistic life, public opinion, artistic intelligentsia, creative organizations, art galleries

For citation: Tkachev, V. V. (2023), ‘Cultural and educational activities of I. N. Zhukov in Transbaikal Siberia (second half of the XIX — early XX century)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 92—115 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В настоящее время многие представители художественной интеллигенции отмечают, что в собраниях музеев Иркутска с начала создания и далее постепенно появлялись уникальные предметы искусства, которые включались в выставочные пространства благодаря исследовательской и просветительской деятельности известных деятелей искусства: Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова, Н. И. Верхотурова, И. Н. Жукова и многих других. Художники участвовали в работе научных организаций, которые проводили комплексные исследования окраинных территорий Российской империи, Забайкальской области и в общем Байкальской Сибири. Документальные свидетельства, которые сохранились в архивах, подтверждают, что художники из Забайкалья поддерживали связь с интеллектуальным сообществом, создавали и развивали учреждения культуры, науки, образования, деятельность творческих и научных объединений во второй половине XIX — начале XX в.: Забайкальское отделение Императорского Русского географического общества, Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества,

Читинская художественно-промышленная школа, кружок любителей музыки и литературы в Нерчинске, Общество любителей музыки и литературы в Иркутске, Иркутское общество художников и др.

В Забайкальской области на рубеже двух столетий формируются благоприятные условия для появления первых представителей региональной художественной интеллигенции, которая сосредотачивалась на работе по приобщению горожан к произведениям искусства. Особенность данного периода заключается в том, что, благодаря созданию художественной интеллигенцией, музейными специалистами и коллекционерами центров объединения творческих сообществ, у начинающих художников появляются возможности для получения образования в своем населенном пункте, появляются возможности развивать местные живописные школы, обмениваться опытом, участвовать в важных событиях настоящего времени, поддерживать связь с общественностью и другими местными интеллектуальными организациями. Данный процесс сопровождался появлением талантливых художников и исследователей искусства. Одним из них был И. Н. Жуков. Иннокентий Николаевич Жуков — известный забайкальский скульптор, общественный деятель, автор художественных произведений и статей по истории искусства и вопросам художественного образования. Он постоянно участвовал в работе общественных организаций, выступал на конференциях, тематических встречах и лекциях. В результате общения со зрителями Иннокентий Николаевич учитывал их мнения о включении предметов искусства в повседневную жизнь горожан. Художник отмечал, что многие представители городского общества, с одной стороны, не понимали значимости городов для развития единой культуры в Российской империи, а с другой — не проявляли интереса к искусству и живописным школам. У жителей было недостаточно знаний о том, как понимать художественную значимость представляемых на выставках предметов искусства.

И. Н. Жуков является автором известных исследовательских работ в области искусства, педагогики, истории культуры Забайкалья, таких как поэма «Замок души моей» (1913 г.), очерк «Мое творчество. Моя жизнь» в № 2 издания «Журнал журналов» (1915 г.), учебно-воспитательная книга «Русский скаутизм» (1916 г.), статья

«Игра в труд в педагогике (на правах дискуссии)» (1921 г.) и др.¹ Анализируя работы Иннокентия Николаевича, можно отметить, что художник обращается к восстановлению истории поддерживания общественностью художественных центров, которые являлись местами сосредоточения интеллектуально близких людей в период модернизации городской среды. Для данного процесса важно понять основные принципы и подходы в воспитании молодежи при формировании основ для будущих посетителей музеев и галерей.

Таким образом, значимость изучения деятельности И. Н. Жукова по созданию городских пространств и привлечения к участию в этом жителей заключается в том, что в процессе продолжительной работы в общественных организациях он выявлял талантливых учеников, начинающих художников. В результате педагогической работы Иннокентию Николаевичу удалось в процессе развития интереса у художников и коллекционеров включить новые приемы к созданию выставочных пространств, формированию художественной среды. В ключевых мероприятиях принимали участие многие представители Забайкальской художественной интеллигенции. Среди них и И. Н. Жуков. Благодаря его просветительской работе жители постепенно узнавали о музеях и живописных школах, истории их возникновения, культурных и образовательных инициативах, в рамках которых происходил процесс знакомства жителей с произведениями художников. Сибирский мастер создавал уникальные предметы искусства, скульптуры, которые постепенно включались в состав фондов научных, общественных, частных музеев и галерей Сибири и других регионов Российской империи. Произведения сибирских художников демонстрировались на общедоступных выставках, которые раскрывали основные этапы экономического, культурного освоения Забайкальской области. Сохранившиеся до настоящего времени в архивах Иркутска материалы о деятельности И. Н. Жукова в музеях и творческих объединениях дают возможность понять, как формировалась художественная интеллигенция Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в., какова роль художников в процессе

¹ Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Личное дело И. Н. Жукова. Л. 9 (далее: АИОХМ).

передачи знаний, каково значение их деятельности по созданию выставочных пространств и появлению условий для улучшения эффективности мероприятий, в рамках которых жители знакомились с произведениями отечественных живописных школ. Выступая на общедоступных пространствах, И. Н. Жуков рассказывал новому поколению о многогранном наследии русского искусства прошедших веков.

Данное исследование включает два основных периода в истории России: вторая половина XIX в. (1875—1900) и начало XX в. (1900—1917), так как именно в этот период художественная интеллигенция активно участвовала в процессе приобщения жителей Забайкальской области к искусству, отечественному художественному наследию. Эти временные рамки включают жизнь и деятельность И. Н. Жукова. В этот период Иннокентий Николаевич принимает активное участие в работе музеев Иркутска, Верхнеудинска, Читы, создает общедоступные площадки, пополняет собрания картин и скульптур в музеях в рамках организации художественных мероприятий. Таким образом, период с 1875 по 1917 гг. можно определить как самостоятельный временной отрезок исследования, в который происходит процесс формирования художественной интеллигенции Забайкальской области.

Историографический обзор. Жизнь и деятельность И. Н. Жукова изучали многие сибирские историки, специалисты музейного дела, искусствоведы. Основные сведения о том, как появились произведения скульптора в музеях Иркутска, Читы и Улан-Удэ, особенности его творческого пути, отражены в статьях газет, сборниках, журналах, монографиях иркутских и забайкальских ученых. Так, творчество скульптора подробно представлено в работах К. В. Дубровского [Дубровский, 1916: 24—27], Л. В. Горбуновой [Горбунова, 1977: 11—18], Е. Г. Иманаковой [Иманакова, 2001], А. Д. Фатьянова [Фатьянов, 1995: 10—16] и др. Также вопросы участия мастера из Забайкалья в формировании художественной интеллигенции прослеживались в трудах исследователей, описывающих развитие коллекционирования и особенности сбора произведений искусства для общественных пространств. Выпущенные монографии такого содержания ориентировались на

просветительскую роль художественных центров и делали акцент на то, что творческие личности, такие как И. Н. Жуков, приобщались к искусству в местах сосредоточения уникальных и ценных произведений отечественных и мировых живописных школ [Ушакова, 2006: 46—49].

В исследованиях, которые подробно описывают художественные события в Забайкалье, отмечается, что на протяжении изучаемого периода можно проследить важные изменения в отношении мастеров к художественным событиям. Так, историками Улан-Удэ была определена музейная работа и общественная инициатива в сборе ценных предметов искусства. Эту деятельность можно обозначить как один из методов привлечения внимания мастеров к расширению экспозиций и организации выставок [Паликова, 2009: 130—136; Свиридова, Паликова, 2022: 22—29]. Сюжеты из истории формирования художественной интеллигенции, ее влияние на разные направления деятельности в Сибири рассматривает на протяжении многих лет Т. В. Грязнухина [Грязнухина, 2002: 373—383]. Основные этапы включения произведений мастеров Забайкалья в отдельные собрания музеев, значимость деятельности И. Н. Жукова в рамках работы общественных и творческих организаций по распространению знаний о художественных школах были изложены в исследованиях таких известных отечественных историков, как В. Ф. Чирков [Чирков, 2014: 81—82], Л. В. Кошман [Кошман, 2008: 332—338], Е. С. Манзырева [Манзырева, 2014: 18—22; Манзырева, 2018: 59—64], В. П. Токарев [Токарев, 1973: 11—14], Т. Г. Ларева [Ларева, 2015: 17—29] и др.

Отдельные сюжеты, которые были связаны с творчеством И. Н. Жукова, созданием образов жителей Забайкалья, возможностями передачи существующих на рубеже веков изменений в отношении к происходящим событиям, рассматривал иркутский историк Ю. П. Лыхин. В своих работах ему удалось собрать материал о том, как забайкальский мастер получил первое образование, познакомился с собраниями произведений искусства, участвовал в общедоступных выставках в разных городах Сибири, в том числе и в Иркутске. Исследователь подтвердил, что художественные центры дали возможность реализовать свои творческие способности

И. Н. Жукову, а многим жителям познакомиться с его первыми работами, отметить достоинства и выделить недостатки в процессе передачи портретных образов [Лыхин, Крючкова, 2000: 122—126; Лыхин, 2002: 35—38].

Отдельные сюжеты просветительской деятельности были представлены в изданиях, которые описывали историю научных организаций, в работе которых участвовал И. Н. Жуков [Известия, 1926: 17—22]. Историки продолжали разбирать выставочную деятельность и последовательность появления первых работ Иннокентия Николаевича на выставочных площадках центральной России и Байкальской Сибири: Иркутска, Читы, Верхнеудинска, Москвы, Петербурга. Работы иркутских исследователей, которые описывают особенности формирования художественной интеллигенции, издания, посвященные истории музейного дела и коллекционирования, представляют, как деятелю искусства удалось составить концепцию по реализации планов в творческой среде Забайкальской области [Фатьянов, 1967: 18—24; Фатьянов, 1995: 31—33]. Вводятся в научный оборот документы, которые прослеживают историю пополнения фондов художественного музея Иркутска скульптурами Иннокентия Николаевича, описываются каталоги выставок с участием мастера. Специалисты в музейной сфере собрали подробный материал о творчестве И. Н. Жукова [Фатьянов, 1990: 41—46].

Особенности создания первых художественных центров в Сибири, привлечение художников к организации музейных пространств и поддержания культурных связей с представителями купеческих династий были обозначены в трудах современных историков [Шахеров, 2006: 11—18; Шахеров, 2019: 132—181]. Из большого разнообразия исторической литературы можно выделить коллективный труд иркутских историков под руководством Л. М. Дамешека, посвященный научной деятельности и сбору материалов для музея при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества. В монографии отмечается, что И. Н. Жуков поддерживал процесс поиска документов, предметов народного искусства для понимания повседневной жизни горожан Забайкалья, сохранения историко-культурного на-

следования региона [Дамешек и др., 2012: 8—14]. Роль деятелей искусства Забайкальской области в развитии городов продолжает изучать и автор данной статьи. В данной работе на основе собранных и проанализированных документальных свидетельств из архивов г. Иркутска описываются события рубежа XIX и XX вв., рассматриваются особенности взаимодействия и сосредоточения внимания мастеров на просветительскую деятельность как основное направление деятельности общественных и научных организаций. Полученные результаты были ранее представлены в журнале «Интеллигенция и мир» [Ткачев, 2022: 73—92].

Таким образом, жизнь и творчество И. Н. Жукова изучали многие сибирские исследователи. Работы историков отмечали, что деятельность мастера была направлена на создание подробных портретов жителей Забайкалья, передачу знаний об известных живописных направлениях и изучение отношения горожан, художественной интеллигенции к созданию центров для объединения мастеров. Также работа сибирского художника предполагала и использование полученных материалов для построения музейных экспозиций, выставок, на основе которых происходил процесс подробного описания истории региона, выявления особенностей развития Забайкальской области. Так, забайкальский мастер считал, что сохранение и изучение художественных ценностей региона и включение их в программу развития Сибири поможет сохранить его уникальность. В архиве художественного музея Иркутска находятся уникальные материалы о музейной, просветительской работе представителей художественной интеллигенции таких, как забайкальский скульптор, художник И. Н. Жуков. Всё дает возможность рассмотреть жизнь и деятельность данного художника в отдельном исследовании.

Исторические работы не раскрывают в полной степени просветительскую, музейную работу деятеля искусства. Выявленные в архивах Иркутска неопубликованные материалы представляют работу И. Н. Жукова по формированию художественной интеллигенции в Забайкалье во второй половине XIX — начале XX в.

Постановка вопроса. Цель работы: используя вновь выявленные материалы архивов Иркутска, восстановить работу

И. Н. Жукова по формированию художественной интеллигенции в Забайкальской области и развитию интереса жителей к искусству во второй половине XIX — начале XX в.

В результате появилась возможность обозначить следующие исследовательские задачи:

— представить просветительскую, образовательную, музейную деятельность И. Н. Жукова по распространению знаний о живописных произведениях художественной интеллигенции Забайкальской области;

— определить и проанализировать документы, которые подтверждают значимость культурно-просветительской деятельности И. Н. Жукова в период развития городов Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в.;

— проследить процесс включения в художественные собрания музеев произведений И. Н. Жукова, которые влияли на развитие интереса жителей к искусству Забайкалья, созданию общедоступных выставочных пространств.

Источниковедческий обзор. В работе используются документы фонда Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), Государственного архива Иркутской области и личное дело И. Н. Жукова, которое находится в собрании архива Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Проводится анализ дневников и писем мастера, источников периодической печати о его творчестве, каталогов по юбилейным и отчетным выставкам второй половины XIX — начала XX в.

При подготовке статьи были использованы материалы фонда Н. С. Романова, который входит в состав Государственного архива Иркутской области. Отдельные фрагменты из истории художественных событий с участием И. Н. Жукова можно встретить в летописях города Иркутска. Н. С. Романов собирал их на протяжении длительного периода [Романов, 1993: 90—121; Романов, 1994: 65—107].

В коллекции документов Н. С. Романова, которые раскрывают разные стороны работы художественной интеллигенции Забайкалья, были обнаружены источники о творчестве И. Н. Жукова, его

выставках и лекциях в Иркутске. В этом случае стоит обозначить содержательные стороны статей из периодической печати конца XIX и начала XX в., на страницах которых были размещены первые впечатления искусствоведов, коллекционеров о представленных на выставочных площадках скульптурах. Отдельные разделы собрания документов Н. С. Романова были сосредоточены на работе деятеля искусства в учреждениях культуры, образования и музеях [Токарев, 1993: 4—6].

Методология и методы исследования

В процессе написания статьи были использованы общие методы исторического исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективный, а также принцип историзма.

Основная часть

Становление художественной интеллигенции Забайкалья — это важный процесс в развитии художественной жизни региона. Известные события, которые происходили в городах, в общедоступных пространствах (административных зданиях, учебных заведениях, выставочных павильонах), музеях и галереях, влияли на формирование интересов жителей к живописи. В разных мероприятиях принимали участие деятели искусства Забайкалья: Н. И. Верхотуров, Ц. С. Сампилов, И. Н. Жуков и др. Они не только выставляли свои живописные полотна, скульптуры, но и участвовали в реализации значимых для общественности городских проектах (общеобразовательных программах, лекциях, мастер-классах, тематических встречах и т. д.), которые были направлены на создание творческих площадок для мастеров. Особое значение в становлении художественной интеллигенции Забайкалья имела деятельность известного скульптора И. Н. Жукова. В собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева

находятся скульптурные произведения Иннокентия Николаевича. Также в архиве музея собраны ценные материалы о жизни и творчестве мастера: дневники и письма, воспоминания современников, отзывы о юбилейных и отчетных выставках и многое другое. Сохранившиеся документы дали возможность изучить подробно, как И. Н. Жуков участвовал в формировании художественной интеллигенции Забайкалья².

Стоит отметить, что, для того чтобы изучить историю знакомства посетителей с работами И. Н. Жукова, изучить процесс включения произведений в состав фондов музеев и галерей, особенности представления скульптур на международных конкурсах, исследователям необходимо знать и специфику музейной работы.

Рассматривая деятельность И. Н. Жукова, можно заметить, что в процессе выстраивания плана работы музейные сотрудники при ВСОИРГО обозначили количество необходимых произведений искусства, которые размещались в отдельных разделах экспозиций. В отчетах сообщается, что с 1854 по 1889 г. музей приобрел 9048 новых экспонатов³. Постепенно налаживалась и научно-популярная деятельность ВСОИРГО и его музея. Устраивались воскресные лекции, на которых пояснялось содержание коллекций. В работе музея участвовал и И. Н. Жуков. Мастер создавал скульптурные изображения, портреты жителей. В результате его деятельности было создано большое количество работ, которые вошли в состав фондов музея при ВСОИРГО. Скульптуры послужили основой для создания образов, которые передавали настоящее мнение горожан о происходящих событиях в Забайкалье.

Жители городов Забайкальской области участвовали в разных выставочных проектах: художественных, научно-промышленных, сельскохозяйственных. Для обсуждения новых мероприятий приглашали представителя художественной интеллигенции — И. Н. Жукова. При написании правил по сбору предметов для выставки специалисты вносили свои предложения по финансированию, сбору необходимых средств для поддержания проектов.

² Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 (далее: ГАИО).

³ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Указанные положения давали возможность представить собрания не только музеев, но и многих других сибирских коллекционеров.

Сибирский ученый, исследователь Байкальского региона, общественный деятель Н. М. Ядринцев в своих записях отразил впечатления об изменении отношения жителей Забайкалья к музеям и художественному пространству: «Интерес к науке, пробуждающийся в обществе, есть первый признак сознательно-культурной жизни. Такое пробуждение в сибирском обществе началось недавно. Признаки его появления выразились, однако, не в главных торгово-промышленных и административных центрах, не в больших городах, хотя эти города и обладают многими образовательными учреждениями и даже учеными обществами»⁴.

Позднее Николай Михайлович обратил внимание на то, что общественность стремилась открывать такие культурные центры, как музеи. Повышенный интерес к истории региона, значимость происходящих событий он объяснил так: «Создание таких учреждений, как местные музеи, должно иметь питание и ростки в самом обществе, они должны объединять и учить людей; это не одни кладовые для ученых специалистов. Эти научные склады имеют свое научное значение. Закинутый на окраины ученый, скиталец-путешественник, не имеющий пристанища, угла, знакомых, найдет, правда, здесь свой очаг, нечто близкое, любимое, и местные коллекции дадут ему возможность ориентироваться, познакомиться с тем, что есть в стране, и направить исследования куда нужно, но общеобразовательное значение таких музеев еще больше»⁵.

На протяжении всего периода реформации городской среды, появления новых культурных, художественных центров в Забайкалье, которые произошли во второй половине XIX — начале XX в., можно наблюдать появление талантливых, интеллектуальных, образованных представителей художественной интеллигенции. Работа таких художников, как И. Н. Жуков, становилась предметом интереса в Российской империи и мире. О своем детстве И.Н. Жуков писал в дневнике: «Я родился 5 октября 1875 г. на Дальнем Востоке, в Забайкалье, на одном из золотых приисков, где

⁴ Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 60. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 61. Л. 22.

служил мой отец. Скульптурные наклонности у меня проявились рано, еще до поступления в школу. Я разыскивал в лесу необычные корни и сучья деревьев, обрабатывал их перочинным ножиком и превращал в фигуры животных, птиц и людей»⁶.

История становления Иннокентия Николаевича как мастера, определение его индивидуального художественного направления, сохранилась в воспоминаниях и письмах современников, художников. Эти документы находятся в личном деле И. Н. Жукова в архиве художественного музея Иркутска: «Детство будущего скульптора, до поступления его в гимназию, протекало в специфической обстановке сибирской жизни, в притаежной глуши, вблизи каменных рудников. Следуя какому-то природному влечению, И. Н. Жуков уже в раннем детстве проявил большую склонность к занятиям вырезанием и лепкой. Еще школьником он составлял у себя маленький музей различных фигур, вырезанных им из корней дерева, демонстрируя эти фигурки своим товарищам — сверстникам. Потом он стал лепить такие же фигурки из простой глины, раздаривая свои работы местным крестьянам. Нередко плоды его детского творчества служили мишенью для деревенских ребятишек, разбивавших их камнями»⁷.

Иннокентий Николаевич окончил Читинскую мужскую гимназию (1895 г.), затем историко-филологический факультет Петербургского университета (1902 г.). Будучи студентом, посещал частные художественные классы, зиму 1901—1902 гг. занимался в скульптурном классе ректора Академии художеств В. А. Беклемишева. С 1906 г. начал выставлять свои работы на Осенних выставках в Петербурге. В 1911 г. выполнил заказанный ему иркутянами портрет-барельеф для памятника М. В. Загоскину. В 1912—1914 гг. учился в Париже, в мастерской Э. А. Бурделя. По возвращении жил в Петрограде, занимаясь преподаванием во многих учебных заведениях. В 1915 г. посылал свои работы в Иркутск на 7-ю художественную выставку в музее ВСОИРГО. В 1917 г. переехал в Читу, где оставался до 1922 г. В это время неоднократно бывал в Иркутске, преподавая скульптуру в художественной студии

⁶ АИОХМ. Личное дело И. Н. Жукова. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 16.

при Поарме-5. В Чите занимался педагогической деятельностью в разных учебных заведениях, преподавал в организованной им художественной студии. Автор первого революционного памятника в Чите — монумента погибшим красногвардейцам (1918 г.), участник и организатор художественных выставок. Председатель Читинского литературно-художественного общества (1920 г.). Входил в группу «Творчество» при издававшемся в Чите одноименном журнале, писал статьи по вопросам искусства. На протяжении всей своей жизни проводил многочисленные исследования художественной жизни в Байкальской Сибири, читал открытые лекции, поддерживал художественную интеллигенцию Забайкалья в получении образования в период представления живописных полотен на отчетных выставках. Произведения И. Н. Жукова входят в собрания известных российских музеев: Читинского областного краеведческого музея и Читинского художественного музея, Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург), Пермской художественной галереи, Ивановского художественного музея (скульптура «С кем это она там?») Начало XX в. Глина тонированная), художественного музея в г. Грозный, Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева (скульптуры «Девушка с завязанной щекой», «Поздравьте, не вычистили», «Лицо ребенка», «Старуха», «Улыбающаяся девочка»). Начало XX в.)⁸.

Источники региональной периодической печати сообщали важные сведения о работе Иннокентия Николаевича в Забайкальской области: «Сибирский край, давший России целый ряд выдающихся деятелей в области науки, литературы и живописи, выдвинул одного, несомненно, крупного, художника и в области скульптуры. Этот художник — Иннокентий Николаевич Жуков. На сером и скучном фоне современной русской скульптуры И. Н. Жуков, в числе немногих других, ярко выделяется оригинальностью своего творчества. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что самобытный характер творчества и художественный талант И. Н. Жукова нашли себе более достойную оценку за границей, нежели в России, на родине скульптора. Величайший из современных скульпторов Франсуа Огюст Рене Родэн, ознакомившись

⁸ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 809. Л. 7.

с работами И. Н. Жукова, нашел, что последний в них также глубок, как Ф. М. Достоевский в своих романах. При этом Огюст Родэн высказал Иннокентию Николаевичу, что ему нечему учиться у кого бы то ни было, что его учителем может быть только природа, настолько он субъективен и самобытен. Оригинальный характер работ И. Н. Жукова отмечает и известный французский художественный критик Lacaze Duthiers в посвященной нашему скульптору статье “La Revue” за 1913 г.⁹

В письме к А. Д. Фатьянову от 1962 г. И. И. Жукова-Плотникова сообщает подробные сведения о том, как ее отец стал известным скульптором. Также из переписки можно узнать о том, в каких номерах газет писали о работах Иннокентия Николаевича, каким образом современники оценивали творчество скульптора: «Многоуважаемый Алексей Дементьевич! Получила Ваше письмо, за которое очень благодарна. Очень приятно и радостно, что разные статьи, появившиеся в разных городах Сибири и Дальнего Востока, помогли найти добрых друзей нашего дорогого отца и признание его творчества. В редакцию газеты “Труд” продолжали приходить письма и даже целые статьи с воспоминаниями о нем. Мы, родные, приносим большую благодарность за внимание к творчеству И. Н. Жукова редакции “Восточно-Сибирской правды” и всем сибирякам за интерес к статьям об И. Н. в газете “Восточно-Сибирская правда”. Эти статьи мы имеем, редакция газеты прислала их нам, за что мы очень признательны»¹⁰.

Таким образом, педагогическая и просветительская деятельность И. Н. Жукова влияла на формирование художественной интеллигенции Забайкалья. В результате активной работы Иннокентия Николаевича жители узнавали об искусстве. Многие мастера становятся его учениками, продолжают работать в регионе и поддерживают связь с творческим сообществом, школой скульптора. Также они постоянно взаимодействуют с коллекционерами в процессе создания собраний предметов искусства в музеях и галереях.

⁹ АИОХМ. Личное дело И. Н. Жукова. Л. 32.

¹⁰ ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 459. Л. 5.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что И. Н. Жуков создавал скульптуры, которые изображали жителей Забайкалья. В своих работах Иннокентий Николаевич описывал необходимые условия для привлечения горожан к участию в выставках, на которых можно было познакомиться с произведениями отечественных и мировых живописных школ. Скульптуры И. Н. Жукова были включены в состав музеев России в таких городах, как Иркутск, Иваново, Санкт-Петербург, Москва, Чита, Улан-Удэ. Его работы высоко оценивали искусствоведы и известные мастера, когда просматривали отдельные сюжеты, которые были связаны с историей всего региона. Они отмечали, что Иннокентий Николаевич принимал активное участие в исследовательской работе научных и общественных организаций, деятельность которых влияла на формирование художественной интеллигенции в Забайкалье, на развитие городского пространства, интеллектуального сообщества, на развитие представлений жителей о предметах отечественного и мирового искусства, которые можно было встретить на выставках на рубеже XIX — XX вв. Благодаря выявлению новых исторических материалов из архивов Иркутска, была представлена деятельность И. Н. Жукова по созданию произведений искусства, участию в региональных, всероссийских и международных выставках. Было определено и систематизировано эпистолярное наследие Иннокентия Николаевича, письма и переписка А. Д. Фатьянова и И. И. Жуковой-Плотниковой. В документах прослеживается отношение мастера к развитию городской культурной среды, приобщению жителей к выставкам, предметам искусства. Собрания документов содержат уникальные фотографии с работами скульптора, размещения их в мастерских и на выставочных площадках. Записи современников отражают отношение искусствоведов, музейных специалистов к творчеству И. Н. Жукова. Включение новых источников позволило подтвердить, что Иннокентий Николаевич поддерживал просветительскую работу многих общественных и творческих организаций, в работе которых принимал участие: Читинского литературно-художественного общества, ВСОИРГО, Иркутского общества

художников, забайкальских музеев при учебных заведениях, Читинского отделения Императорского Русского географического общества. Собрания писем и переписки музейных сотрудников с родственниками Иннокентия Николаевича описывают художественные события второй половины XIX — начала XX в., раскрывают сложности в выборе и создании выставочных пространств. Исследование необходимо продолжить, так как документальные свидетельства подробно восстанавливают историю становления художественной интеллигенции в Забайкальской области.

Список источников

- Горбунова Л. В.* Скульптор Иннокентий Жуков. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 127 с.
- Грязнухина Т. В.* Роль и значение местной творческой интеллигенции в развитии культуры Сибири рубежа XIX—XX веков // Духовно-исторические чтения: тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф., Красноярск, 6—7 декабря 2002 г. Красноярск: РИО СибГАУ, 2002. Вып. VII. С. 373—383.
- Дамешек Л. М., Гимельштейн А. В., Левченко В. А., Пушкина Т. Л.* Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО (1851—1931 гг.). Иркутск: Востсибкнига, 2012. 240 с.
- Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества / Обзор деятельности ВСОРГО за 75 лет. 1851—1926 гг.: юбил. сб. Иркутск: Власть Труда, 1926. Т. 50. Вып. 1. 142 с.
- Иманакова Е. Г.* «Тема детства» в творчестве Иннокентия Жукова (постановка вопроса) // Забайкалье: судьба провинции: сб. ст. / сост. Н. Н. Закаблуконская. Чита: Поиск, 2001. Вып. 3. С. 118—128.
- Кошман Л. В.* Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
- Ларева Т. Г.* История изобразительного искусства Прибайкалья XX — начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 616 с.
- Лыхин Ю. П.* Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. 336 с.
- Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А.* Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век — 1917 год). Библиографический словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.

- Манзырева Е. С.* Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX — начало XX в.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2. С. 18—22.
- Манзырева Е. С.* История зарождения художественных выставок и музейных коллекций в городах Восточной Сибири (XIX — нач. XX в.) // Научное наследие И. И. Соктовой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ., посвящ. 90-летию со дня рождения И. И. Соктовой, Улан-Удэ, 26—30 июня 2018 г. / отв. ред. Б. Ц. Гомбоев. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2018. С. 59—64.
- Паликова Т. В.* Гражданские инициативы в сфере просвещения в Забайкальских городах второй половины XIX — начала XX в. // Государство и развитие образования в России XVIII—XX вв.: политика, институты, личности: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 14—15 мая 2009 г. / отв. ред. В. М. Козьменко, В. В. Керов. М.: РУДН, 2009. С. 130—136.
- Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1881—1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 542 с.
- Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.
- Свиридова Н. Б., Паликова Т. В.* Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX — начале XX в.: монография. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2022. 186 с.
- Ткачев В. В.* Интерес М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 73—92. doi: 10.46725/IW.2022.3.4.
- Токарев В. П.* Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука, 1993. 117 с.
- Ушакова О. В.* Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX — начало XX в.). Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2006. 300 с.
- Фатьянов А. Д.* Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.
- Фатьянов А. Д.* Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 352 с.
- Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

- Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII — начала XXI в.: словарь-указатель в 2 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. 815 с.
- Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
- Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX — начала XX в.: коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132—181.

References

- Chirkov, V. F. (2014), *Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII — nachala XXI veka. Slovar'-ukazatel' v 2 tomah* [The Fine Arts of Siberia in the XVII — early XXI century: Dictionary-indicator in 2 volumes], Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", Tobol'sk, Russia.
- Dameshek, L. M., Gimelshtein, A. V., Levchenko, V. A. and Pushkina, T. L. (2012), *Vystavki i kraevedcheskaia deiatel'nost' VSORGO (1851—1931 gg.)* [Exhibitions and local history activities of the VSORGO (1851—1931)], Vostochno-sibirskaya kniga, Irkutsk, Russia.
- Fatyantov, A. D. (1967), *Sud'ba sokrovishch* [The fate of the treasure], Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Russia.
- Fatyantov, A. D. (1990), *Vladimir Sukachev* [Vladimir Sukachev], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fatyantov, A. D. (1995), *Khudozhniki, vystavki, kollektionery Irkutskoi gubernii* [Artists, exhibitions, collectors from Irkutsk province], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Gorbunova, L. V. (1977), *Skul'ptor Innokentiy Zhukov* [Sculptor Innokenty Zhukov], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Gryaznukhina, T. V. (2002), 'The role and significance of the local creative intelligentsia in the development of Siberian culture at the turn of the XIX — XX centuries', *Dukhovno-istoricheskie chteniia: tezisy dokladov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Spiritual and historical readings: abstracts of reports of the interuniversity scientific and practical conference], Krasnoyarsk, Russia, 6—7 December 2002, iss. VII, RIO SibGAU, Krasnoyarsk: 373—383.

- Imanakova, E. G. (2001), ‘“The theme of childhood” in the work of Innokenty Zhukov (raising the question)’, in Zakablukovskaya, N. N. (comps.), *Zabaikal’e: sud’ba provintsii: sbornik statei* [Transbaikalia: the fate of the province: a collection of articles], iss. 3, Poisk, Chita: 118—128.
- Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society] (1926), in *Obzor deiatel’nosti VSORGO za 75 let. 1851—1926 gg.: iubileinyi sbornik* [Overview of the activities of the VSORGO for 75 years. 1851—1926: anniversary collection], vol. 50, iss. 1, izdatel’stvo “Vlast’ Truda”, Irkutsk, Russia.
- Koshman, L. V. (2008), *Gorod i gorodskaiia zhizn’ XIX stoletiiia: sotsial’nye i kul’turnye aspekty* [The city and urban life in the 19th century: social and cultural aspects], Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Lareva, T. G. (2015), *Istoriia izobrazitel’nogo iskusstva Pribaikal’ia XX — nachala XXI veka* [The history of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century], Print Lain, Irkutsk, Russia.
- Lykhin, Yu. P. (2002), *Khudozhestvennaia zhizn’ Irkutsk (pervaia chetvert’ XX veka)* [Irkutsk Art Life (first quarter of the XX century)], Arkhitekturno-etnograficheskii muzei “Tal’tsy”, Irkutsk, Russia.
- Lykhin, Yu. P. and Kryuchkova, T. A. (2000), *Ikonopistsy, мастера i khudozhniki Irkutsk (XVII vek — 1917 god). Biobibliograficheskii slovar’* [Icon painters, craftsmen and artists of Irkutsk (XVII century — 1917): Biobibliographical dictionary], Arkhitekturno-etnograficheskii muzei “Tal’tsy”, Irkutsk, Russia.
- Manzyreva, E. S. (2014), ‘Development of artistic culture in the cities of Eastern Siberia (XIX — early XX century)’, *Vestnik Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii kul’tury i iskusstv* [Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts], no. 2: 18—22.
- Manzyreva, E. S. (2018), ‘The history of the origin of art exhibitions and museum collections in the cities of Eastern Siberia (XIX — early XX century)’, in Gomboev, B. Ts. (ed.), *Nauchnoe nasledie I. I. Soktoevoi v svete aktual’nykh problem sovremennogo izobrazitel’nogo iskusstva: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Soktoevoi* [Scientific heritage of I. I. Soktoeva in the light of current problems of contemporary fine arts: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the birth of I. I. Soktoeva] Ulan-Ude, Russia, 26—30 June 2018, Buriatskii gosudarstvennyi universitet, Ulan-Ude: 59—64.

- Palikova, T. V. (2009), 'Civil initiatives in the field of education in the Trans-Baikal cities of the second half of the XIX — early XX century', in Kozmenko, V. M. and Kerov, V. V. (eds), *Gosudarstvo i razvitie obrazovaniia v Rossii XVIII—XX vv.: politika, instituty, lichnosti: materialy XIII Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The State and the Development of Education in Russia in the XVIII—XX centuries: Politics, Institutions, Personalities: Proceedings of the XIII Russian Scientific and Practical Conference], Moscow, Russia, 14—15 May 2009, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow: 130—136.
- Romanov, N. S. (1993), *Letopis' goroda Irkutsk za 1881—1901 gody* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1881—1901], Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Romanov, N. S. (1994), *Letopis' goroda Irkutsk za 1902—1924 gody* [Annals of the city of Irkutsk, 1902—1924], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Shakherov, V. P. (2006), *Irkutsk kupecheskii: istoriia goroda v litsakh i sud'bakh* [Merchant Irkutsk: History of the City in Persons and Fates], Izdatel'skii dom "Priamurskie vedomosti", Khabarovsk, Russia.
- Shakherov, V. P. (2019), Social and demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province, in Dameshek, L. M. (ed.), *Gosudarstvennaia vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX — nachala XX v.: kollektivnaia monografiia* [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX — early XX century: a collective monograph], Ottisk, Irkutsk, Russia: 132—181.
- Sviridova, N. B. and Palikova, T. V. (2022), *Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabaikal'skoi oblasti v poslednei treti XIX — nachale XX v.* [Urban public administration in the Trans-Baikal region in the last third of the XIX — early XX century], Buriatskii gosudarstvennyi universitet, Ulan-Ude, Russia.
- Tkachev, V. V. (2022), 'M. D. Butin's interest in the development of socio-cultural ties among the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX century', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 73—92, doi: 10.46725/IW.2022.3.4.
- Tokarev, V. P. (1993), *Khudozhniki Sibiri XIX veka* [Artists of Siberia of the XIX century], Sibirskaiia izdatel'skaia firma "Nauka", Novosibirsk, Russia.
- Ushakova, O. V. (2006), *Mikhail Dmitrievich Butin. Predprinimatel' i met-senat Zabaikal'ia (60-e gody XIX — nachalo XX veka)* [Mikhail Dmitrievich Butin. Entrepreneur and philanthropist of Transbaikalia (60s of

the XIX — early XX century)], Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 27.04.2023.

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Ткачев — аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

V. V. Tkachev — Postgraduate Student, Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Научная статья

УДК 37.015

DOI: 10.46725/IW.2023.3.6

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ЧИКАГСКОГО И КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ ДЖОНА ДЬЮИ И ФИЛИПА ДЖЕКСОНА

Елена Юрьевна Рогачева

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Россия, erogacheva@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена педагогическому вкладу выдающихся американских ученых Джона Дьюи и Филипа Джексона в реформирование школы и университета в логике педоцентристской модели. Обе персоналии сумели проявить профессионализм во время их плодотворной деятельности в рамках крупнейших университетов США — Колумбийского и Чикагского. Доказывается, что Ф. Джексон стал продолжателем и защитником идей своего предшественника Джона Дьюи, которого считают одним из четырех великих педагогов XX в. Утверждается: и Дьюи, и Джексон считали, что любая реформа школы будет обречена на неудачу, если не будет учителя, обладающего рефлексивными способностями, хорошей психологической подготовкой, организаторскими способностями, учителя, умеющего стимулировать творчество и самостоятельность ученика. Оба педагога стремились опираться на интересы и потребности учеников и студентов. В основу статьи положены материалы, полученные в результате научной стажировки автора в США, в Чикагский университет, в рамках научного гранта корпорации Карнеги в 2003 г., использованы архивные материалы библиотеки Регенштайн (Чикагский университет) и Центра исследований Дьюи в Карбондейле

© Рогачева Е. Ю., 2023

(Южно-Иллинойский университет), данные личной беседы с профессором Ф. Джексоном.

Ключевые слова: Джон Дьюи, Филип Джексон, философско-педагогический дискурс, философия и педагогика прагматизма, Чикагский университет, Колумбийский университет, реформы, педоцентристская модель школы, учитель-исследователь, рефлексивные способности

Для цитирования: *Рогачева Е. Ю.* Философско-педагогические новации интеллектуалов Чикагского и Колумбийского университетов Джона Дьюи и Филипа Джексона // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 116—135.

Original article

PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL INNOVATIONS BY THE INTELLECTUALS OF THE UNIVERSITIES OF CHICAGO AND COLUMBIA JOHN DEWEY AND PHILIP JACKSON

Yelena Yu. Rogacheva

Vladimir State University named after Alexandr and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia, erogacheva@hotmail.com

Abstract. The paper is devoted to educational contribution of outstanding American scientists John Dewey and Philip Jackson in school and university reforming in the context of child-centered model. Both personalities managed to show their professionalism during their fruitful activity in the biggest universities of the USA — Chicago University and the University of Columbia. It is proved that Jackson has become John Dewey's follower, who was named one of the four greatest educators of the XX century. It is stated that both Dewey and Jackson were sure that any school reform would fail if there were no teacher with reflective capacities, a good psychological training and organizing skills, capable of stimulating student's creativity and independence. Both educators tried to meet the interests and needs of school and university students. The materials of the paper are based on the results of the author's scientific trip to the USA, to the university of Chicago on Carnegie Foundation Scientific Grant in 2003 and studies of Archives of Regenstein Library and Dewey Studies Centre in Carbondale (South Illinois University), as well as personal discussions with professor Ph. Jackson.

Keywords: John Dewey, Philip Jackson, philosophical-pedagogical discourse, Chicago University, University of Columbia, reforms, child-centered model of school, a teacher-researcher, reflective capacities

For citation: Rogacheva, E. Yu. (2023), ‘Philosophical and pedagogical innovations by the intellectuals of the universities of Chicago and Columbia John Dewey and Philip Jackson’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 116—135 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Нет сомнения, что международная репутация выдающегося ученого, реформатора школы XX в., «человека мира» Джона Дьюи (1859—1952) несколько выше, чем у его последователя и бережного хранителя идей своего предшественника почетного профессора Чикагского университета Филипа Джексона. Но, следует признать, что и Джон Дьюи, и Филип Джексон верой и правдой служили как Чикагскому университету, так и Колумбийскому университету Нью-Йорка. Последний из упомянутых университетов является кузницей мировой интеллектуальной элиты, так как там обучаются студенты из самых разных стран. Педагогический колледж этого университета также славится своими традициями. Он подготовил огромное количество педагогов экспериментаторов, которые заняли ведущие посты в крупнейших вузах разных стран Востока и Запада, открыли свои экспериментальные школы. Джон Дьюи был признан ЮНЕСКО одним из четырех величайших педагогов XX столетия. И Джона Дьюи, и Филипа Джексона объединяло желание реформировать традиционную философию образования, школу книжной учебы, желание усилить исследовательскую компоненту университетского образования, превратить школу в сообщество исследователей и коренным образом изменить подготовку учителя. И сегодня, в XXI в. идеи этих выдающихся ученых сохраняют актуальность.

Постановка вопроса. Представленные в статье персоналии являются важными участниками американского философско-педагогического дискурса XX—XXI вв., а также знаковыми фигурами

как Колумбийского, так и Чикагского университетов. Этим ученых разделяет время, но объединяет их причастность к прагматизму как философии образования, практике высшей школы США, реформированию общеобразовательной школы и движению Лабораторных школ. Правда, карьера Джона Дьюи сначала разворачивалась в Чикагском университете, а затем в Педагогическом колледже Колумбийского университета Нью-Йорка, а Филип Джексон, наоборот, начинал в Колумбийском университете, а затем уже после смерти Джона Дьюи переехал в Чикаго в 1955 г. и стал профессором университета.

То, что сегодня Чикагский университет, датой основания которого считается 1890 г., является одним из престижных университетов не только штата Иллинойс, но и США — неоспоримый факт. Это университет с мировым именем. Сегодня этот университет имеет целую сеть исследовательских лабораторий. Он включает много колледжей и факультетов, профессиональных школ в области медицины, теологии, юриспруденции, общественно-политических наук, бизнеса, социального администрирования. Его библиотеки оборудованы по последнему слову техники. Грандиозный проект Рокфеллера, вложившего в университет 250 миллионов долларов, стал гордостью его президента Уильяма Рейни Харпера и Джона Дьюи. Сам Рокфеллер никогда не сомневался в правильности своего решения создать на базе старого учреждения — Баптистской теологической семинарии — университет по образцу Оксфорда, но с помощью новых строительных материалов. Дьюи всячески мотивировал его реализовать этот проект. Появился великолепный кампус, в котором имеется даже прекрасная часовня Рокфеллера. Университет гордится своими 74 нобелевскими лауреатами. В этом, безусловно, огромная заслуга многих людей, не только Дьюи. Однако именно Дьюи старался усилить исследовательскую компоненту в подготовке учителя, ратовал за качество преподавания курсов в системе профессиональной подготовки, коренным образом изменил модель организации педагогической практики будущих учителей, организовывал летние школы для педагогов. Его традиции продолжал и Филип Джексон.

Методология и методы исследования

В данном исследовании автор стремился руководствоваться принципами историзма и научной объективности. Конечно, в статье предпринята попытка использовать биографический метод как некий объяснительный инструмент, помогающий лучше понять сущность реформаторских проектов Джона Дьюи и Филипа Джексона. Очень важно, что у автора статьи была возможность лично пообщаться с профессором Ф. Джексонном в ходе научной стажировки в Чикаго. Огромной радостью было познакомиться с ученицей Ф. Джексона Катариной Белл, прекрасным учителем Лабораторной школы Дьюи. В ходе нашего общения на предмет многогранного философско-педагогического наследия Джона Дьюи в дискуссию включился ряд известных американских ученых, в проблемном поле которых американский реформатор занимает важное место. Это Джим Гаррисон и Крис Айлз. Удалось посетить Центр исследований Дьюи в Карбондейле (Dewey Studies'Centre). Профессор Джексон обладал удивительным магнетизмом и пользовался огромным уважением среди коллег и учеников, заражал своей жизненной энергией. Хотя уже 70 лет, как нет Джона Дьюи и 7 лет, как ушел из жизни Ф. Джексон, в свете осмысления миссии школы и учителя XXI в. их идеи остаются актуальными и в XXI в.

Основная часть

Для конца XIX в. в университетской культуре был характерен соревновательный дух. Президенты университетов становились поистине фигурами национального масштаба. Умный и предприимчивый Уильям Рейни Харпер занял пост первого президента Чикагского университета. «Детище Рокфеллера» выдержал соревнование с такими университетами, как Йельский, Гарвардский и университет Джона Хопкинса. Не случайно Чикагский университет был назван Рокфеллером лучшим вложением своих капиталов.

Лабораторная школа при Чикагском университете, получившая в дальнейшем название «Школа Дьюи», была основана в

1896 г. На тот момент Дьюи уже накопил определенный опыт преподавания в Мичиганском университете. В этом университете он разработал курс «Философия красоты», в рамках которого его внимание сосредоточилось на исследовании условий природы и общества, из которых исходит эстетическое удовлетворение; природу эстетической способности, включая психологию эстетического опыта; а также объективные результаты эстетической активности индивидуального характера в обществе, природе и в искусстве. Статьи по эстетике Дьюи начал писать еще в 1880-е гг. Философские взгляды Дьюи, сформировавшиеся во многом под влиянием идей И. Канта, его «инструментализм» стали теми важными моментами, которые позволили Дьюи создать оригинальную концепцию школы нового типа. Известность Дьюи начинает выходить за философские рамки, его педагогический эксперимент начинают признавать и в педагогическом мире.

Ученый «сумел проверить свои идеи на практике в Лабораторной школе, продемонстрировав тем самым преданность идее, веру в то, что заботы об образовании заслуживают самого серьезного университетского исследования» [Lauderdale, 1981: 27]. Эта экспериментальная школа стала толчком к появлению целого движения лабораторных школ как в США, так и за пределами. Подобного рода школы стали появляться в Европе, странах Востока и в Израиле [Rogacheva, 2011: 147—171]. К Дьюи приезжали педагоги разных стран, для того чтобы увидеть его школу воочию и убедиться в эффективности его инновационных методов.

Несмотря на вынужденный переезд Дьюи в Нью-Йорк в Педагогический колледж Колумбийского университета в 1905 г., его педагогические идеи, а также созданная им Лабораторная школа продолжали жить в стенах Чикагского университета. В университете остались те, кто был сторонниками идей великого реформатора. Одним из таких людей и следует считать Филипа Джексона — почетного профессора Чикагского университета.

Он был не только признанным в мире почитателем и экспертом философско-педагогического наследия Джона Дьюи, автором предисловий к работе Дьюи «Школа и общество» и «Ребенок и учебный план» [Dewey, 1974: 339—359], но и активным

исследователем американской школы как естественной среды. Ему принадлежит ряд книг о философии образования Дьюи, включая «Джон Дьюи и уроки искусства» (1998) и «Джон Дьюи и задачи философа» (2002). Ф. Джексон был президентом Общества Джона Дьюи в период с 1996 по 1998 г. Благодаря ему, добрые традиции, заложенные великим ученым и «учителем учителей» Джоном Дьюи в Чикагском университете, бережно сохранялись долгое время. Ведь карьера Джексона началась в Чикагском университете уже после смерти Джона Дьюи в 1952 г.

К сожалению, в XXI в. Чикагский университет по причине реорганизаций уже лишился возможности иметь кафедру педагогики. Об этом сообщил мне профессор Джексон во время нашей беседы. Судьба подарила мне встречу с этим ученым в 2003 г., во время 4-х месячной стажировки в Чикаго по гранту Корпорации Карнеги. Узнав, что я работаю в Центре Дьюи в Карбондейле и Библиотеке Регенштайн в Чикагском университете над докторской диссертацией, связанной с педагогикой Джона Дьюи и ее восприятием в разных странах мира в XX в., он пригласил меня на ланч в известный Квадроуб-клуб — место, где академическая элита Чикаго имеет возможность спокойно пообщаться в приятном окружении на территории Чикагского кампуса. Нам удалось не только познакомиться и поговорить, но и побывать вместе на уроках в экспериментальной школе Дьюи, так как Ф. Джексон был тесно связан с движением Лабораторных школ в США. Он некоторое время возглавлял Американскую ассоциацию педагогического образования и пригласил меня поучаствовать в работе сессии Дьюистского общества в дни работы конференции этой Ассоциации в Чикаго в 2003 г.

Джексон высоко ценил своего учителя, отмечая, что Дьюи сумел создать принципиально новую концепцию школы и модель подготовки учителя. Для него важен триумvirат — «ребенок», «школа» и «общество». Однако успешное взаимодействие этих трех составляющих невозможно еще без трех других — «демократия», «рост», «опыт». По мнению ученого, воспитание происходит в ходе передачи опыта в процессе общения. Индивид должен активно участвовать в какой-либо «общественного вида» деятельно-

сти, знакомиться с ее целями, овладевать способами ее осуществления. Дьюи выступил за «преобразование школы в специально организованную среду, общество в миниатюре, своеобразный его слепок, обладающий еще большей воспитывающей и обучающей силой, чем естественная среда» [Dewey, 1972: 84—95]. Тогда воспитательный эффект будет ощутим. Педагогическая модель школы Дьюи противопоставляла «навязыванию извне — свободную активность; обучению посредством учителя и учебника — учение посредством опыта; приобретению навыков и умений путем механического заучивания и тренировки — приобретение их как средств достижения целей, имеющих жизненно важный смысл; подготовке к будущему — активную жизнедеятельность в настоящем, знакомство с окружающим миром» [Dewey, 1963: 20].

Считая учителя ключом любой школьной реформы, Дьюи полагал, что именно учитель должен довести до сознания и воли личности ценности, которыми дорожит социальная группа [Dewey, 1936: 463—477].

Коренным образом менялась роль учителя; из ментора он превращался в консультанта, организатора практически значимой для ученика деятельности. Хорошая психологическая подготовка становилась важнейшим компонентом профессиональной подготовки учителя американской школы, его основная задача состояла в том, чтобы «помочь учащимся познать себя, создать для этого условия и устранить ситуации, мешающие росту личности учащихся» [Рогачева, 2016: 46—53]. Дьюи считал, что усилить мотивацию учения можно, если будет учитываться личный интерес ребенка. Ученик сам в определенной степени должен определять как количество, так и качество обучения. Ведь он должен осознавать, что это его образование. Не следует навязывать «уму, который борется, чтобы понять, то, что уже понято учителем». Разработав проблемный метод в оппозицию «формальным ступеням» Гербарта, Дьюи предложил следующую схему: «Спроси, исследуй, создай, обсуди, отрефлексируй». Ступенями его проблемного метода стали следующие: постановка проблемы; анализ данных; выдвижение гипотезы; проверка гипотезы; выводы. В работе «Как мы думаем» (“How we think”, 1910) ученый четко обосновал свою позицию. Как

и его соратник по прагматизму У. Джемс, Дьюи считал, что идеальный школьный учитель должен продумывать свои занятия таким образом, чтобы они соприкасались с насущными интересами учащихся, пытаться провести параллели между изучаемой темой и жизненной практикой индивидуума. Эти подходы были созвучны и Ф. Джексону. Чтобы поддерживать мотивацию к обучению следует, по мнению Джемса, «постоянно обновлять содержание дисциплины, вносить яркую, интересную информацию, приводить аналогии и запоминающие примеры из истории» [Джемс, 2011].

Об этом реформатор пишет в документе «План организации университетской начальной школы». Этот архивный документ содержит четкую целевую установку школы, а также требования к учителю нового типа. Считая важнейшей задачей образования «координацию психологических и социальных факторов», ученый требовал создать условия, для того чтобы ребенок мог «выразить себя», однако таким образом, чтобы реализовать общественные цели. Для Дьюи было важным, чтобы ребенок приобщился к общественной жизни и стал ее активным участником. Ребенок — это, прежде всего, действующее, самовыражающееся существо. И, как правило, знание и чувства связаны действием. Дьюи считал, что активность ребенка нельзя считать чисто психической или же чисто физической, она включает в себя мысленные образы, представления посредством движения. Ребенок, как существо социальное, соответственно, и социально выражен.

Джон Дьюи защищал позиции педагогики как самостоятельной дисциплины, уделял внимание взаимосвязи педагогики и психологии. Он стремился совершенствовать систему подготовки учителя-исследователя, развивал его рефлексивную культуру. Для Дьюи догматизм учителя — это препятствие к прогрессу. Безусловно, не все деятели в образовании США принимали идеи американского реформатора. После выхода в свет работы Д. Дьюи «Опыт и воспитание» (1938), по мнению некоторых педагогов, Д. Дьюи попытался отмежеваться как от всех пороков старой школы, которую реформатор называет традиционной, так и от прогрессивизма. Когда уже был накоплен достаточный опыт прогрессивных школ, в свете критики прогрессивизма Дьюи писал, что педагогам следо-

вало бы думать скорее на языке воспитания, чем на языке каких-то «измов» о воспитании, даже таких «измов», как прогрессивизм. Д. Дьюи заявил, что «философия воспитания, претендующая на то, чтобы быть основанной на идее свободы, может стать такой же догматичной, как и традиционная педагогика, направленная против нее» [Dewey J, 1963: 22].

Именно тогда и возникло замешательство: можно ли ассоциировать имя Д. Дьюи с движением прогрессивизма в педагогике? Прогрессивизм верит в способность каждого индивида решать сложные мировые вопросы и быть активным участником в решении проблем, с которыми сталкивается общество. Дьюи также твердо верил в прогресс, в действительный и в возможный. В то, что образование должно быть состыковано с индивидуальными возможностями каждого члена общества и должно развивать их настолько, чтобы каждый смог принять активное участие в принятии решений общественной значимости. Он верил, что наш мир — мир реального риска, но благодаря напряженной работе своего ума человек может улучшить самого себя. Рост, развитие, эволюция, прогресс, улучшение — вот что постоянно занимало и вдохновляло ученого. Дьюи отвергал статическую концепцию того, что достойно изучения, был заинтересован в продолжении процесса естественного «роста», акцентировал раннюю взаимосвязь ручного и умственного труда, защищал положение о том, что образование вне интереса не является образованием в истинном смысле слова. Но как только то, что называли «прогрессивным воспитанием», провозглашало лозунг «руки прочь, пусть почки распускаются сами по себе», пыталось смешать воедино развлечение и воспитание или становилось догмой, Дьюи уже не подписывался под этим. После того как под влиянием проектной методики в американской школе снизился уровень знаний, поскольку нарушался принцип систематичности и последовательности в обучении, имело место «лоскутное обучение», Дьюи подвергся критике со стороны эссенциалистов во главе с У. Бэгли за снижение теоретических знаний учащихся. И, хотя Дьюи не был разработчиком проектного метода, его обвинили во всех недостатках проектной методики. Эти обвинения должны были касаться У. Килпатрика, ученика и

коллеги Дьюи, за которым и закреплено авторское право в методе проектов. Дьюи как раз был тем критиком, который считал, что Килпатрик слишком занизил требования к учителю в проектной методике, переложил все на ученика. На самом деле роль учителя менялась и усложнялась. Он должен был быть активным участником в организации проектной деятельности, помощником и консультантом. Об этом Дьюи не раз говорил своему ученику.

Нельзя не согласиться с мнением Н. С. Юлиной о том, что российские философы часто ассоциируют прагматизм Дьюи с вульгарным утилитаризмом, пониманием истины как практической полезности и вообще с чем-то меркантильным. Признавая этот образ прагматизма ложным, исследовательница считает, что «...ключевыми понятиями в философии Дьюи являются не “полезность” и “выгода”, а “intelligence” и “образование”, т. е. разумность и возможность совершенствования рассуждающей и критической способности интеллекта через обучение и просвещение» [Юлина, 1997: 174—175].

Что касается последователя Дьюи Ф. Джексона, то он появился в Чикагском университете в 1955 г. после получения степени доктора психологии на базе Педагогического колледжа Колумбийского университета, где трудился и сам Джон Дьюи вплоть до 1930 г. В течение ряда лет он был директором дошкольного блока (Nursery) в рамках Лабораторной школы Дьюи (1967—1970), затем он возглавил эту школу в период с 1970 по 1975 г. Джексон был деканом Выпускной Педагогической школы (Graduate School of Education) и заведующим кафедрой педагогики с 1973 по 1975 г. Когда обе структуры соединились в одну, он продолжал руководить общим подразделением вплоть до 1978 г. Его первый труд, подготовленный в соавторстве с Якобом (Джейкобом) Гетцелсом (Jacob Getzels) под названием «Креативность и интеллект: исследования с одаренными студентами» (“Creativity and Intelligence: Explorations with Gifted Students”), увидевший своих читателей в 1962 г., имел успех. В этой работе Джексон попытался доказать, что существует связь между креативностью и академическим интеллектом. Профессор Джексон был сторонником педагогической антропологии, на его философию образования во многом оказали

взгляды Стэнли Холла, выступления которого Джон Дьюи внимательно слушал на заседаниях Метафизического клуба университета Джона Хопкинса до приезда в Чикаго. Это объясняет интерес ученого к изучению моральных качеств учащихся. Результатом его деятельности стала книга «Моральная жизнь школ» (1993 г.). Являясь экспертом лабораторных школ в США, Джексон активно посещал школу, изучал деятельность участников образовательного процесса, беседовал с учениками, организовывал встречи с учителями в период с 1955 г. до 2014 г. Практически вплоть до конца своей жизни Ф. Джексон сотрудничал с учителями и давал им много полезных советов. Накопленные материалы позволили ему сделать глубокие выводы о том, что в действительности происходит в классе, как складываются отношения между всеми участниками образовательного процесса и каким образом можно улучшить качество преподавания. После издания в 1968 г. его книга «Жизнь в классе» явила собой образец многоаспектного исследования образовательного процесса. На протяжении своей карьеры ученый участвовал в критических исследованиях в области психометрии и традиционных количественных исследовательских методов. Ф. Джексон покинул Чикагский университет и ушел на пенсию в 1998 г., но и после этого тесно сотрудничал со своими коллегами, имея звание почетного профессора. Как отмечала его бывшая ученица Катарина Белл, получившая ученую степень PhD в 2007 г., ее учитель «верил, что дети обладают способностью видеть чудесное в обычном». Цель книги «Жизнь в классе» была достигнута. Джексон помог учителям обратить внимание на важнейшую проблему школы — мотивацию учения, а также динамику обучения. Ф. Джексон изучал школьную практику как естественную среду. Он пытался увидеть в обучающемся объект исследования. Его метод отличался от лабораторного наблюдения или тестирования. Для него, как ученого, школа была естественной средой, системой, которая эволюционирует в результате исходной организации и взаимодействия людей разных возрастов. Школа рассматривалась им как натуральная среда воспитания и взросления. Для Ф. Джексона важным было восприятие образовательного процесса как целого, поиск интерпретаций собранных фактов. Интересным является

предположение ученого, что за привычным можно увидеть экстраординарное. Этот опыт стал для него интерпретацией. Понятно, что, для того чтобы собрать данные, сделать объективные выводы, ученому потребовались годы систематических наблюдений. Его книга появилась в 1968 г., была переведена с английского на 10 языков. На русском языке труд Ф. Джексона «Жизнь в классе» появился лишь в 2016 г.

Полагаем, что многие выводы Ф. Джексона актуальны и сейчас. В этом труде Ф. Джексон заметил, что «преподаватели, как и родители, редко задумываются о значимости тысяч событий, которые в совокупности образуют рутину жизни в классе» [Джексон, 2016: 26]. Им выделены и проанализированы три основные характеристики школы — «толпа, похвала и власть». Эти категории, определяющие с точки зрения Ф. Джексона процесс пребывания ребенка в школе, позволили ему выйти на проблему оценивания учащихся. Говоря о толпе, ученый вышел на проблему роли ребенка в коллективе, проблему одиночества. Соседствующие в школе власть и безвластие, подчинение ломают личность ученика. Анализируя школу в пространстве трех категорий, Джексон сконструировал важные теоретические положения.

Выводы Джексона о «неявном» учебном плане в школе, который нельзя проигнорировать, очень значимы. Выделяя несколько слоев школьной реальности, он говорил о «скрытой» учебной программе, о нескольких слоях. На философию образования Ф. Джексона во многом повлияли взгляды Л. С. Выготского. Джексон считал Л. С. Выготского выдающимся теоретиком, создавшим конструкцию «зона ближайшего развития». Он сожалел, что поздно познакомился с ключевыми аспектами теории Л. С. Выготского, что не знал о его трактовке понятия «социальная ситуация развития», когда приступил к педагогической работе в школе.

Как и Дьюи, Джексон считал, что общение — очень важный аспект школьной жизни. Ведь с самого раннего возраста, еще с детского сада, а потом и в школе «ребенок учится тому, что жизнь по большей части связана с принадлежностью к корпорации» [Джексон, 2016: 69]. Но Джексон считал, что учиться «жить в толпе» не очень просто. Это требует терпения от ребенка, ведь он должен

учиться ладить с разными людьми, приспосабливаться к условиям, находить свое место в обществе. Кроме того, детей в школе постоянно оценивают. Поэтому каждый ребенок желает получить похвалу. В книге достаточно внимания уделено проблеме адаптации к школьной атмосфере. По мере адаптации ребенок начинает понимать, что любая его деятельность будет на виду у учителей, одноклассников. Его поступки, высказывания будут подвержены оцениванию. «Власть в школе действительно принадлежит учителям, в том смысле, что от них в большей степени зависит происходящее в классе. И такое резкое различие в статусах — еще одна особенность школьной жизни, с которой школьники должны научиться справляться» [Там же: 35].

Ф. Джексон пришел к выводу, что «четырьмя непризнанными особенностями школьной жизни являются ожидание, отказ от желаемого, прерывание интереса и социальная деструкция» [Там же: 43]. Это совсем не соответствовало демократическим идеалам, которые стремился реализовывать Дьюи. Ученик в редких случаях способен высказать свое мнение, отличное от мнений большинства и взрослых. Учитель довлеет над учеником. Дьюи всегда призывал студентов «не жить в тени чужих мыслей». А получается, что часто ученики чувствуют себя в классе дискомфортно, так как им приходится подчиняться приказам взрослых. Ученому удалось проанализировать среднестатистические ответы детей по поводу их отношения к школе. Многие отвечали, что им в школе скучно. Некоторые были равнодушны. Некоторые учащиеся говорили, что школа скорее нравится, чем не нравится; школа необходима, потому что школьное образование поможет им в будущем. Девочки, в отличие от мальчиков, высказывали большее удовлетворение школьной жизнью. Мальчики не проявляют энтузиазма при ответах на вопросы о школе. Отношение детей к учителям, в целом, оказалось удовлетворительным. То есть напрашивается вывод о том, что учащимся хотелось бы чувствовать себя в школе более комфортно, чтобы в ней царила демократическая обстановка. Из ответов многих учеников было ясно, что они боятся итогового тестирования. Джексон, как и Дьюи, считал, что такие виды оценивания, как экзамены и тесты не только не могут дать объективную

оценку достижений учеников, но вселяют неуверенность и страх. Таким образом, Ф. Джексон отметил, что многие надежды Дьюи на то, что школа станет увлекательным местом для ученика, не сумели реализоваться в американской школе. То, что Дьюи сумел воплотить в своей Лабораторной школе, было сложно реализовать в обычных школах США. Ф. Джексон приложил максимум сил, чтобы начатое Дьюи в экспериментальной школе развивалось в логике создателя этого уникального учебного заведения, привлек к этому своих учеников-аспирантов.

По мнению Ф. Джексона, в школе учитель занят порой совершенно ненужными видами деятельности, которые абсолютно лишают учителя возможности отдохнуть, посвятить себя работе в читальном зале. Ф. Джексон отмечал, что учитель начальных классов ежедневно вступает в более чем 1000 межличностных взаимодействий. Вместо того чтобы сосредоточиться на вовлечении ребенка в учебу, имеет место «высокая скорость действий педагога и, как правило, высокая скорость реакции на множество раздражителей». Ф. Джексон сравнивает учителя с «диспетчером, который управляет диалогом в классе». «Учитель — не конферансье, заинтересованный в том, чтобы заморозить аудиторию, но и не надзиратель. У учителя более достойная цель — обучение ради улучшения качества жизни своих учеников» [Там же: 149].

Учитель тратит много сил и энергии на удержание внимания учеников, на поддержание дисциплины в классе, выполнение рутинных видов деятельности. Уделяет большое внимание ритуалам, вместо того чтобы сосредоточиться на поддержании мотивации детей к учебе. Ф. Джексон, как и Дьюи, предъявлял высокие требования к педагогу. Он уверял, что такие моменты, как масштаб личности педагога, стиль его преподавания, знание психологии, умение подать материал в интересной форме, коммуникативная культура являются очень значимыми элементами, для того чтобы педагог мог считаться хорошим. Главная задача учителей начальных классов заключается в том, чтобы научить маленьких детей получать удовольствие от учебы. Импровизация, разумные неформальные беседы и творчество, по мнению Ф. Джексона, должны обяза-

тельно присутствовать у хорошего учителя. Школьный учитель должен стать наставником своих младших коллег, помощником в адаптации в школьном коллективе. Опрос учителей об их мнении относительно идеальной модели отношений «учитель—ученик», составленный Джексонем, показал, что наилучшим количеством учеников в классе признавалось 20—25, но не больше. Слишком малое количество учеников тоже не приветствовалось. Ф. Джексон считал, что учитель XXI в. должен обладать толерантностью, быть энергичным и эмоциональным. Он выделял в работе учителя «интерактивный» (interactive) и «преактивный» (preactive) аспекты. Сравнивая их, он делал вывод о том, что интерактивное обучение в заполненном классе характеризуется повышенной активностью учителя, которому присущи спонтанность, иррациональность, непредсказуемость вкупе с четкими запланированными действиями. Преактивное обучение, происходящее в пустом классе, когда учитель сидит за своим столом и занимается анализом, планированием своих уроков, на которое уходит определенное время, необходимо для дальнейшей эффективной педагогической деятельности. Ф. Джексон сравнивает и личностные характеристики учителей. Рациональные педагоги с их отличным умением ставить педагогические задачи и отбирать адекватные методы их реализации, казалось бы, должны подходить школе больше, чем их иррациональные эмоциональные коллеги. А получается, что именно эти иррациональные учителя с их «вязкой сентиментальностью» могут сделать свою работу лучше, чем армия специалистов по так называемой человеческой инженерии [Там же: 207]. «Человечность учителя, чье поведение изменчиво и зависит от настроения, а также напоминает чем-то идеализм бойскаута, контрастна миру расписаний, задач, тестов и рутинной работы. Уникальность задачи учителя состоит в том, чтобы научить своих подопечных взаимодействовать с их социальным, идеологическим и физическим окружением. Соответственно он в большей степени, чем психиатр озабочен навыками человеческого общения» [Там же: 207, 227].

Призывы Джексона «смягчить воздействие безличного учреждения звучат и сегодня очень актуально» [Там же: 207].

Заключение

Обращение к философско-педагогическому наследию двух выдающихся американских ученых-единомышленников Джона Дьюи и Филипа Джексона оказалось очень значимым, так как еще раз убедило в том, что учитель является ключевой фигурой в реализации любой образовательной реформы, а общение — фундамент, на котором должна строиться школьная жизнь. Дьюи был прав, считая, что догматизм учителя — это огромное препятствие к развитию как его самого, так и ученика. Главное в фокусе настоящего учителя — ученик, его развитие, «рост», как говорил Дьюи. Для такого учителя сам процесс обучения ценнее, чем результат, поскольку именно в процессе ученик может продемонстрировать свою уникальность, он активный, настоящий. Вопросы целеполагания, адекватного отбора методов обучения, четкие критерии оценки деятельности ученика, педагогическая интуиция — всё это важно, по мнению Джексона, для продуктивной педагогической деятельности.

До конца своих дней Филип Джексон защищал, как мог, идеи Джона Дьюи, развивал его традиции в университете Чикаго, стремился сохранить кафедру педагогики как самостоятельную и целостную структуру, но не всё у него получалось. Время выдвигало новые вызовы высшей школе, менялись форматы обучения, цифровизация меняла ситуацию. Однако ясно одно, педагогическое наследие Джона Дьюи и его последователя и почитателя Филипа Джексона должно быть включено в современную философско-педагогическую дискуссию, их выводы пополнят содержание курса истории образования в университетах, тематическое поле проектной работы.

Список источников

- Джесксон Ф. Жизнь в классе / пер. с англ. Р. Устьянцева, Т. Соколовой; под науч. ред. А. Сидоркина, Т. Соколовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 248 с.
- Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии / пер. с англ., закл. статья П. С. Юшкевича. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 240 с.
- Рогачева Е. Ю. Джон Дьюи: учитель учителей // Теория образования и подготовка профессиональных кадров: история и современность / под ред. Г. Б. Корнетова, А. И. Салова. М.: АСОУ, 2016. С. 46—53.
- Юлина Н. С. Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти: «Уход» и «приход» Дж. Дьюи на американскую сцену // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст: сб. / отв. ред. А. Рубцов. М.: Фонд «Традиция», 1997. С. 174—180.
- Dewey J. The Theory of the Chicago Experiment // K. C. Mayhew. The Dewey school: the laboratory school of the University of Chicago, 1896—1903. N. Y.: D. Appleton — Century Company, 1936, p. 463—477.
- Dewey J. Experience and Education. N. Y.; L.: Macmillan Publishing Company, 1963 [copyright 1938 by Kappa Delta Pi]. 92 p.
- Dewey J. My Pedagogic Creed (1897) // The Early Works of John Dewey 1882—1898: in 5 vol. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1972. Vol. 5: 1895—1898, p. 84—95.
- Dewey J. The Child and the Curriculum. John Dewey on Education. Selected Writings / ed. and introduction by R. D. Achambault. Chicago: The University of Chicago press, 1974, p. 339—359.
- Lauderdale W. B. Progressive Education: Lessons from Three Schools. Bloomington: Phi Delta Kappa Educational Foundation, 1981. 62 p.
- Rogacheva E. International Dimension of John Dewey's Pedagogy: Lessons for Tomorrow // Phenomenology/Ontopoiesis Retrieving Geo-Cosmic Horizons of Antiquity. Logos and Life / ed. A.-T. Tymieniecka. L.; N. Y.: Springer, 2011, p. 147—171.

References

- Dewey, J. (1936), 'The Theory of the Chicago Experiment', in Mayhew, K. C. *The Dewey school: the laboratory school of the University of*

- Chicago, 1896—1903*, D. Appleton — Century Company, New York, USA, N. Y.: 463—477.
- Dewey, J. (1963), *Experience and Education*, Macmillan Publishing Company [copyright 1938 by Kappa Delta Pi], New York; London, USA, N. Y., England.
- Dewey, J. (1972), ‘My Pedagogic Creed (1897)’, in *The Early Works of John Dewey 1882—1898: in 5 vol.*, Southern Illinois University Press, Carbondale, vol. 5: 1895—1898, USA, Ill: 84—95.
- Dewey, J. (1974), ‘The Child and the Curriculum’, in Achambault, R. D. (ed. and introduction), *John Dewey on Education. Selected Writings*, The University of Chicago press, Chicago, USA, Ill.: 339—359.
- Dzhekson, F. (2016), *Zhizn’ v klasse* [Life in the classroom], Translated by Ustyantseva, R. and Sokolova, T.; Sidorkina, A. and Sokolovoi, T. (eds), Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Dzhems, U. (2011), *Pragmatizm: novoe nazvanie dlia nekotorykh starykh metodov myshleniia. Populiarnye leksii po filosofii* [Pragmatism: A new name for some old ways of thinking. Popular Philosophy Lectures], Translated and title article by Yushkevich, P. S., Izdatel’stvo LKI, Moscow, Russia.
- Yulina, N. S. (1997), ‘Philosophy of John Dewey and postmodernist pragmatism of Richard Rorty: “Departure” and “arrival” of J. Dewey on the American stage, in Rubtsov, A. (ed.), *Filosofskii pragmatizm Richarda Rorti i rossiiskii kontekst: sbornik* [Philosophical pragmatism of Richard Rorty and the Russian context: collection], Fund “Tradition”, Moscow, Russia: 174—180.
- Lauderdale, W. B. (1981), *Progressive Education: Lessons from Three Schools*. Phi Delta Kappa Educational Foundation, Bloomington, Indiana, USA, Indiana.
- Rogacheva, E. (2011), ‘International Dimension of John Dewey’s Pedagogy: Lessons for Tomorrow’ in Tymieniecka’, A.-T. (ed.), *Phenomenology/Ontopoiesis Retrieving Geo-Cosmic Horizons of Antiquity. Logos and Life*, Springer, London, New York, USA, N. Y.: 147—171.
- Rogacheva, E. Yu. (2016), ‘John Dewey: teacher of teachers’, in Kornetov, G. B. and Salova, A. I. (eds), *Teoriia obrazovaniia i podgotovka professional’nykh kadrov: istoriia i sovremennost’* [Theory of education and training of professional personnel: history and modernity], ASOU, Moscow, Russia: 46—53.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Е. Ю. Рогачева — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия.

E. Yu. Rogacheva — Doctor of Science (Education), Professor, Professor of the Department of Education, Vladimir State University named after Alexandr and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.

ДЕБЮТ

DEBUT

Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 136—156.
Intelligentsia and the World. 2023. No. 3. P. 136—156.

Научная статья

УДК 94(438).081

DOI: 10.46725/IW.2023.3.7

**РОЛЬ ОФИЦЕРОВ КОРПУСА ОХРАНЫ
ПОГРАНИЧЬЯ В КУЛЬТУРНО–ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
ПО ПОЛОНИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ
БЕЛОРУССИИ ВТОРОЙ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Олег Владимирович Тихонович

Тамбовский государственный университета имени Г. Р. Державина,
Тамбов, Россия, tikhonovich.oleg@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-1842-2482>

Аннотация. В ноябре 1918 г. в Восточной Европе произошло становление нового государственно-политического образования — Второй Польской Республики. Польская нация получила возможность приобретения своего суверенитета благодаря тем национально-освободительным движениями, представители которых в ходе Первой мировой войны добивались прав на перекройку Центрально-Восточного европейского региона. На этом стояли видные представители националистических верхов, среди которых первое место занимали лидеры польской интеллигенции, не только стремившиеся к явно выраженным территориальным приобретениям своих исконно польских земель, но и нацеливавшиеся на те далекие Восточные пространства, историческое предназначение которых принадлежало не представителям польской нации, а восточнославянским

© Тихонович О. В., 2023

лицам: русским, белорусам и украинцам. Но польская правящая верхушка под руководством Ю. Пилсудского и Р. Дмовского добилась по результатам Рижского мирного договора 1921 г. включения в состав Второй Польской Республики территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, жителей которых обрекли не на интеграцию, а колонизацию, составными частями которой являлась полонизация, денационализация и ревиндикация. Для воплощения в жизнь данной национальной политики и был образован в 1924 г. Корпус охраны пограничья (КОП), офицеры которого в межвоенный период использовались центральной властью в отношении местного населения белорусских воеводств Польши в качестве исполнителей национальной порабощения. В связи с этим в настоящей статье автором предпринята попытка выявить роль и степень участия офицеров КОП в практической реализации тех националистических тенденций, которые в 20—30-е гг. внедрялись в Западной Белоруссии и являлись составляющей частью национальной политики польского государства. Для достижения поставленной цели автор статьи использовал ключевые принципы научного исторического исследования — историзм и объективность.

В результате проделанной работы автор приходит к следующим базовым выводам: 1) создание в середине 20-х гг. Корпуса охраны пограничья в Восточных воеводствах Польской Республики было целенаправленной внутренней национальной политикой польских властей, составляющими элементами которой являлись — полонизация, денационализация и ревиндикация; 2) в течение 20-х гг. офицеры КОП привлекались центральной и местной властью с целью налаживания экономических и военных инфраструктурных объектов на территории белорусских воеводств, которые пришли в частичную или полную непригодность в результате военных конфликтов и социальных взрывов 1914—1925 гг.; 3) воинские формирования КОП, руководимые офицерами, на территории Западной Белоруссии в течение межвоенного периода не только уничтожали проявления социального протеста местных жителей, но и искореняли культурно-духовное самосознание белорусского национального меньшинства.

Ключевые слов: Вторая Польская Республика, Западная Белоруссия, белорусские воеводства, Корпус охраны пограничья, польская армия, польские офицеры, национальная политика, белорусское национальное меньшинство, полонизация, денационализация, ревиндикация

Для цитирования: Тихонович О. В. Роль офицеров Корпуса охраны пограничья в культурно-просветительской и идеологической работе по полонизации военнослужащих и местного населения Западной Белоруссии Второй Польской Республики // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 136—156.

THE ROLE OF THE OFFICERS OF THE BORDER PROTECTION CORPS IN THE CULTURAL, EDUCATIONAL AND IDEOLOGICAL WORK ON THE POLONIZATION OF THE MILITARY SERVICES AND THE LOCAL POPULATION OF WESTERN BELARUS OF SECOND POLISH REPUBLIC

Oleg V. Tikhonovich

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, Russia, tikhonovich.oleg@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-1842-2482>

Abstract. In November 1918, a new state-political formation appeared in Eastern Europe — the Second Polish Republic. The Polish nation got the opportunity to acquire its sovereignty thanks to those national liberation movements, whose representatives during the First World War sought the rights to reshape the Central-Eastern European region. This was supported by prominent representatives of the nationalist elites, among whom the leaders of the Polish intelligentsia occupied the first place, striving for clearly expressed territorial acquisitions not only of their native Polish lands, but also aiming at those distant Eastern spaces, the historical purpose of which belonged not to the representatives of the Polish nation, but to the East Slavic persons — Russians, Belarusians and Ukrainians. But the Polish ruling elite, under the leadership of J. Pilsudsky and R. Dmowski, achieved, following the results of the Riga Peace Treaty of 1921, the inclusion of the territories of Western Belarus and Western Ukraine into the Second Polish Republic, whose inhabitants were doomed not to integration, but to colonization, the components of which were Polonization, denationalization and revindication. To implement this national policy, the Border Protection Corps (KOP) was formed in 1924, whose officers in the interwar period were used by the central authorities in relation to the local population of the Belarusian provinces of Poland as executors of national enslavement. In this regard, in this article the author made an attempt to identify the role and degree of participation of the KOP officers in the practical implementation of those nationalist tendencies that in the 20—30s were introduced in Western Belarus and were an integral part of the national policy of the Polish state. And to achieve this goal, the author of the article used the key principles of scientific historical research — historicism and objectivity.

As a result of the work done, the author comes to the following basic conclusions: 1) creation in the mid 20s the Border Protection Corps in the Eastern Voivodships of the Republic of Poland was a purposeful internal national policy of the Polish authorities, the constituent elements of which were — Polonization, denationalization and revindication; 2) during the 20s officers of the KOP were involved by the central and local authorities in order to establish economic and military infrastructure facilities on the territory of Belarusian voivodships, which became partially or completely unusable as a result of military conflicts and social explosions of 1914—1925; 3) military formations of the KOP, led by officers, on the territory of Western Belarus during the interwar period destroyed not only manifestations of social protest of local residents, but also eradicated the cultural and spiritual self-consciousness of the Belarusian national minority.

Keywords: Second Polish Republic, Western Belarus, Belarusian voivodships, Border Protection Corps, Polish army, Polish officers, national policy, Belarusian national minority, polonization, denationalization, revindication

For citation: Tikhonovich, O. V. (2023), 'The role of the officers of the Border Protection Corps in the cultural, educational and ideological work on the polonization of the military services and the local population of Western Belarus of Second Polish Republic', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 136—156 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Существование Второй Польской Республики в первой половине XX столетия было недолгим: всего два десятилетия короткого европейского мира, охватившие временной отрезок между Первой и Второй мировыми войнами. И если Первая мировая бойня 1914—1918 гг. принесла польской нации независимость, то 1 сентября 1939 г. ознаменовалось падением и исчезновением с политической карты Европы на пять лет польской государственности. Такое объяснение можно увидеть в национальном составе межвоенной Польши, территория которой к 1925 г. была «склеена кровью», с прямого одобрения западноевропейских стран, из земель, не являвшихся исконно польскими. Прежде всего, это касалось Западной Белоруссии и Западной Украины, где столетиями проживали лица восточнославянского происхождения:

русские, белорусы и украинцы. А так как польская нация добилась своей независимости в ноябре 1918 г. с помощью вооруженной борьбы Польских легионов, руководимых видным националистом Ю. Пилсудским, то и в мирное межвоенное десятилетие политическая и военная элита II Речи Посполитой на Восточных окраинах страны предпринимала все меры по формированию культа военного польского офицера, который выступал, по замыслам Варшавы, не только в роли защитника целостности страны от внешних угроз, но и в роли верного помощника и надежной опоры местному восточнославянскому населению. С этой целью и был образован в середине 20-х гг. Корпус охраны пограничья (КОП), офицеры которого в действительности проводили политику полонизации и денационализации национального меньшинства Западной Белоруссии путем открытых репрессий и террористических актов.

Постановка вопроса. Целью данной статьи является анализ деятельности офицеров Корпуса охраны пограничья на территории Западной Белоруссии Второй Польской Республики. Из приведенной цели вытекают следующие три задачи: 1) осветить процесс включения Западной Белоруссии в состав возрожденной Польши; 2) рассмотреть становление в Западной Белоруссии социальных и военных институтов, представителями которых являлись польские чиновники, осадники и офицеры; 3) проанализировать участие воинских формирований КОП в реализации национальной политики Варшавы в отношении жителей белорусских воеводств Польской Республики.

Выполнение перечисленных задач позволит исследователям не только раскрыть и оценить роль польских офицеров в полонизации и денационализации лиц восточнославянского этноса в Западной Белоруссии, но и позволит сделать базовые выводы данной статьи отправной точкой для дальнейших научно-исторических изысканий по истории II Речи Посполитой.

Методология и методы исследования

При написании статьи автором были использованы принципы историзма и объективности, составляющими частями которых

являются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы исследования. Данные методологические принципы исследования позволили всесторонне проанализировать роль офицеров Корпуса охраны пограничья в их участии по претворению в жизнь национальной политики правящих верхов Второй Польской Республики в отношении жителей белорусских воеводств.

Основная часть

Включение Западной Беларуси в состав

II Речи Посполитой

Первая мировая война 1914—1918 гг. привела к коренному изменению Восточноевропейского региона, так как на его просторах произошло формирование новых политических образований, территории которых стали представлять собой мультикультурный сплав множества этносов в результате крушения трех крупных империй — Российской, Германской и Австро-Венгерской. Ярким примером такого государства, впитавшего в себя территории ранее существовавших многонациональных империй, в межвоенный период Европы являлась Вторая Польская Республика, националистически настроенные лидеры которой в лице Ю. Пилсудского и Р. Дмовского уже с 1918 г. (с момента приобретения независимости) стремились реализовать установление государственных границ в рамках многовекового лозунга — «От моря до моря». Это означало включение в состав Польской Республики территорий, некогда входивших в состав I Речи Посполитой, земли которой простирались от Балтийского до Черного морей [Жеймо, 2018: 19—20]. Но если польская нация действительно лишилась своего бывшего территориального потенциала по результатам так называемых «Трех европейских разделов» второй половины XVIII в., что привело поляков к лишению своей политической и культурно-духовной независимости, то новая международная действительность не могла полностью гарантировать польским национальным лидерам тех же территориальных приращений, которые были утеряны по вине польских панов 123 года назад [Дубровка, 2018: 179—180].

Представители стран победительниц, среди которых особенно выделялась фигура президента США В. Вильсона с его знаменитыми «14 пунктами» по мирному разрешению Первой мировой войны [Матвеев, 2014: 178—180], на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. приступили к формированию новой системы международных отношений, получившей в дальнейшем название Версальской системы, которая закрепляла право всех наций на их самоопределение [Мезга, 2016: 251—253]. Важным было условие, что будут учтены путем плебисцитов и мирных соглашений все заинтересованные стороны. На что ведущие представители польской нации заявили свой полный отказ и при решении своих территориальных проблем с Германией, Чехословацкой Республикой и Советской Россией действовали самостоятельно, таким образом, выбрав путь войны, а не равнозначных договоров [Емельянова, 2015: 145]. Данное решение привело к кровопролитному польско-советскому конфликту 1919—1921 гг.

Польско-советская война была приостановлена 12 октября 1920 г. в результате заключения между воюющими сторонами прелиминарного мира, который предрек этнографический и территориальный раздел единой белорусской нации [Ковалева, 2018: 67]. Мирный договор между Варшавой и Москвой окончательно был подписан 18 марта 1921 г. в городе Риге. И Советские Республики России, Белоруссии и Украины, согласно статье II Рижского мира [Документы... , 1965: 521—524], передавали в пользу II Речи Посполитой значительные территории земель, которые в советской исторической и идеологической школах получили название Западная Белоруссия и Западная Украина. Только одна Западная Белоруссия представляла собой территорию размером 100 тыс. км². На этой территории в течение двух десятилетий межвоенного периода проживало более 4 млн человек, 70 % из которых продолжали ассоциировать себя с русско-белорусской идентичностью, что ярко проявлялось в использовании ими в бытовой жизни русского или белорусского языков, а также в их принадлежности к православному вероисповеданию [Макарчук, 2010: 33; Коваленя, 2014: 236—239].

И если статья II Рижского мира подтверждала право II Речи Посполитой на включение в свою государственность неисконно

польских земель, именованных в делопроизводственных источниках Восточными окраинами (Kresy wschodnie), то статья VII признавала за белорусами, русскими и украинцами право на сохранение и развитие своей культуры, языка и религии путем составления соответствующих законодательных актов польским сеймом (парламентом). Это означало, что лицам восточнославянского происхождения предоставляется возможность открывать свои национальные школы, кружки, библиотеки, православные храмы, а также использовать свой родной язык. Стоит отметить, что данная статья мирного договора также закрепляла за Советскими Республиками России, Белоруссии и Украины обязанность предоставления такой же культурно-духовной и религиозной автономии лицам польской национальности [Документы... , 1965: 527—528].

Так, Западная Белоруссия оказалась в 1921 г. включенной в состав возрожденной Польши, что привело к разрыву на части некогда единой белорусской нации, которая гармонично существовала в пределах западных окраин Российской империи. Но если БССР и УССР в территориальном отношении и лишились возможности включить в свой состав «западные земли», то Рижский мирный договор, как и международные соглашения Версальской системы в лице Лиги Наций [Загидулин, 2018: 3] гарантировали и защищали во Второй Польской Республике лиц восточнославянской идентичности, которые исторически не принадлежали к польской нации.

Формирование КОП в Западной Белоруссии

Восточная граница II Речи Посполитой формировалась до 1925 г. Это было связано с мощным партизанским движением крестьян, которые развернули прямую вооруженную борьбу против «панской власти». Данный социальный протест крестьянского населения Западной Белоруссии объяснялся не только активной поддержкой со стороны большевистского руководства Москвы, которое предоставляло «банд формированиям» оружие, но и теми социально-экономическими программами, внедряемыми Варшавой с 1920 г. на территории белорусских воеводств.

В местном административном аппарате Восточных воеводств только лица польской нации получили возможность

занимать чиновничьи посты: в 1922 г. в Бресте специальным приказом были «безоговорочно уволены» все гражданские работники непольской национальности [Польша — Беларусь... , 2012: 45—46]. Подобные приказы впоследствии публиковались и в других административных центрах с той целью, чтобы легче было проводить политику полонизации, что означало полное доминирование поляков в политико-управленческой, социально-экономической и культурной сферах [Вабищевич, 2016: 18].

В первой половине 1920-х гг. активно разрабатывалось и утверждалось аграрное законодательство, согласно которому на территории Kresy wschodnie создавались крупные помещичьи хозяйства, приобретение которых не представлялось возможным многочисленным крестьянам, к тому моменту влачившим нищенское существование в результате длительных военных и революционных потрясений. Подобные меры проводились в жизнь военной и политической верхушкой Польши, для того чтобы выполнить обещание «отца-основателя» Ю. Пилсудского по предоставлению многих гектаров земли не местному населению, а тем офицерам, которые с 1914 по 1921 гг. боролись за возрождение польского государства [Скипский, 2020: 716]. Данное аграрное законодательство привело к тому, что на необъятных просторах Восточных воеводств начал складываться новый социальный слой из бывших офицеров и солдат Польского легиона, которые стали называться осадниками. Окончательное оформление института осадничества в Восточных воеводствах страны, в том числе и в Западной Белоруссии, завершилось специальным законом 1925 г.: офицеры, отмеченные государственными наградами, теперь владели 80 % всех пригодных земель [Kigwiel, 2013: 191—194].

Вышеуказанные постановления провоцировали крестьян на вооруженную борьбу за право владеть землей. Но такая борьба, пусть и партизанского характера, не могла увенчаться успехом. Так, летом 1924 г. Совет министров Второй Польской Республики принимает постановление, разработанное совместно военным министерством и Министерством внутренних дел, которое расширяло возможность использования воинских формирований на территории Восточных окраин для подавления национально-осво-

бодительного и революционного движений, что и позволили буржуазно-демократической власти Второй Польской Республики не только подавить очаги крестьянских недовольств, но и начать процесс утверждения военного контроля за деятельностью местного населения [Документы... , 1966: 318—319].

Окончательным шагом по закреплению военно-политического и социально-экономического господства польских чиновников, помещиков и осадников явился закон от 1924 г., по которому на территории всех Восточных воеводств Второй Польской Республики создавалось специальное воинское подразделение — Корпус охран пограничья (КОП). Офицеры КОП рассматривались высшим военным и политическим руководством межвоенной Польши в качестве решающей силы проведения полонизационных мероприятий на территории Kresy wschodnie, особенно по подавлению как широкой революционной борьбы, источники которой выделялись в деятельности профессиональных политических партий левой ориентации, так и по усмирению местного населения, которое высказывало свое недовольство по повседневным проблемам своей жизни [Jabłonowski, 2005: 21—34].

Офицеры КОП — исполнители польской национальной политики

Задача офицеров Корпуса охраны пограничья заключалась в том, чтобы не только обучать солдат, прибывавших служить в КОП из Западных и Центральных воеводств Польши, военному делу, но и постоянно задействовать свой потенциал в культурно-массовой работе. Это означало, что офицеры приобщались к разнообразной просветительской литературе (книги, журналы, специализированные брошюры). Также они принимали участие в организации военных театров и народных польских праздников, то есть офицеры выступали в качестве сценаристов и режиссеров. Все это имело ключевое значение для польских властей, так как задействование офицерских высокопросвещенных кадров в белорусских воеводствах отвечало всем требованиям политики полонизации и денационализации. Поэтому все свободное время польским офицерам предписывалось проводить в библиотеках, киноклубах и самодельных театрах, для того чтобы иметь культурно-исторические знания

по польской государственности и культуре с последующей их передачей восточнославянскому населению Западной Белоруссии¹.

Процесс практической реализации таких знаний выражался в том, что офицеры Восточных окраин II Речи Посполитой выступали в роли инструкторов, лекторов и наставников тех гражданских лиц, которые должны были работать как в общеобразовательных, так и воспитательных учреждениях Западной Белоруссии. Это «красной нитью» проходило в обязанностях среднего и высшего командного звена, так как офицер Второй Польской Республики должен был разбираться в методике воспитания и обучения [Dobrowolski, 2018: 153].

Объяснение такого привлечения государством в отдаленные окраины страны военных чинов заключалось в том, что в Восточных воеводствах Польши был постоянный кадровый дефицит педагогическо-воспитательного состава. Молодые специалисты не желали после окончания своего обучения устраиваться работать в далекие и болотистые местности Западной Белоруссии. Они стремились воплотить свой профессионализм в Западных и Центральных воеводствах страны, экономический и культурный уровень которых был во много раз выше уровня Kresy wschodnie, что, в частности, сказывалось и на обыденных условиях жизни, включая, питание, жилье и места досуга [о бытовом положении учителей в межвоенной Польше см.: Курек, 1935]. Но если кадровый польский военный еще мог выступить в качестве консультанта для учителей школ и руководителей просветительских кружков, то задействование офицеров по формированию персоналов детских садов сводилось к установлению палочной дисциплины.

Польские офицеры также усердно натаскивались для приобретения знаний в аграрном секторе с целью обучения местного населения. Обычно это были показательные акции, когда в сельскохозяйственный сезон в одну из деревень Западной Белоруссии прибывало воинское подразделение КОП и офицеры, помощниками которых выступали их солдаты, для крестьянских лиц проводили соответствующие аграрные лекции о правильном культивиро-

¹ Biuletyn Oswiatowo-propagandowy KOP 1936, 1937, 1938, 1939.

вании земель. Такие акции не только служили просветительским целям, но и были призваны подчеркнуть единство польской нации, представителями которой в Западной Белоруссии являлись офицеры и солдаты, с лицами восточнославянского этноса [Dreszer, 1926: 49—50].

Помимо просветительской деятельности, офицеры КОП были обязаны насаждать в Восточных воеводствах Польской Республики культ польской нации путем строительства различной инфраструктуры [Łach, 2018: 94—98; Bieniecki, 2018: 171]. Это происходило также с помощью привлечения подразделений КОП: военнослужащие, руководимые офицерами, прибывали в деревенские или городские поселения и своей демонстративной работой восстанавливали или создавали с нуля инфраструктурные объекты с целью показать местным жителям свою заботу. И в течение 20-х гг. такая работа Корпуса охраны пограничья давала свои положительные результаты, так как Восточные окраины Польши находились в состоянии послевоенной разрухи 1914—1925 гг. [Kirwiel, 2012: 181—182].

Стоит отметить, что польские офицеры не только умело возводили дороги и мосты, но и при случаях стихийных бедствий, которые часто проявлялись на территории Западной Белоруссии в виде затоплений и пожаров, немедленно реагировали и помогали местному населению в их устранении и приводили жизнь поселков и городов в привычное русло [Franciszek, 1992: 71—72]. Более того, офицерские чины польской армии также активно привлекались для доставки продовольствия в те местечки Kresy wschodnie, где возникали так называемые «голодные бунты». Воинские формирования КОП были обязаны подавлять с помощью силы оружия подобные социальные волнения, но в польской правительственной печати фигуры офицера и солдата, активно участвовавших в подобных карательных мероприятиях, рисовались в качестве спасителя польской страны и всей нации [Korpus Ochrony Pogranicza, 1925: 2—4].

Помимо строительства жизненно важных артерий инфраструктуры, которые были необходимы для торговых и стратегических целей страны, а также силового подавления крестьянских

возмущений, офицеры КОП обязаны были руководить возведением школ и церквей для местного гражданского населения. Но в действительности польская армия под командованием своих офицеров в Западной Белоруссии проводила мероприятия, направленные на уничтожение, закрытие и передачу национальных образовательных учреждений и православных храмов тем, которые тогда являлись лицами польской нации и католиками.

На первый взгляд может показаться, что внутреннее законодательство II Речи Посполитой разрабатывалось и принималось в верном направлении. Так, в 1924 г. был принят «Закон о национальных языках» [Ustawodawstwo... , 1933: 94], который позволял белорусам в северо-восточных областях страны отправлять своих детей учиться в общегосударственные начальные школы, в стенах которых преподавание проводилось на родном для них языке [Chruściel, 1938: 11—12]. Но на практике данный парламентский закон так и не был реализован, так как он принимался парламентами сейма с целью демонстрации для западноевропейской прогрессивной общественности: подобное законодательство создавало лишь иллюзию обмана реального национального положения восточнославянских лиц. И результатом принятия «Закона о языках» являлся факт массового закрытия национальных белорусских школ. Если до 1924 г. на территории Западной Белоруссии действовало более 2000 национальных школ, то к началу 1930-х гг. — только 29, а к моменту вторжения гитлеровской Германии — ни одной [Вабищевич, 2011: 9].

Ключевой силой по недопущению внедрения положений «Языкового закона» выступала не только польская жандармерия, но и воинские подразделения КОП. Солдаты и офицеры КОП массово задерживали или разгоняли всех представителей национальных меньшинств, которые законным способом пытались составить и подать необходимые документы от белорусских родителей, принявших решение сформировать для своих чад национальную школу [Польша — Беларусь... , 2012: 61—67, 79—81, 82—87, 91—92, 104—105, 116—117].

В результате проведения таких карательных акций, направленных главным образом против активистов и сторонников закон-

ных требований, под винтовочные приклады и нагайки военнослужащих попадали и сами родители, у которых, во время бесед с офицерами КОП, выбивались зубы, повреждались конечности или оставались гематомы.

Военнослужащие Корпуса охраны пограничья активно участвовали в процессах массового закрытия православных церквей, которые затем переходили католическому престолу. Такие санкции применялись и в отношении личного имущества священнослужителей, которые лишались источников к существованию. Данные карательные меры являлись составной частью внутренней государственно-национальной политики II Речи Посполитой, получившей название ревиндикации. Она выступала сердцевиной полонизации, так как была направлена на «очищение» лиц, проживающих в Восточных окраинах Второй Польской Республики, от православной веры с целью утверждения там католических религиозных порядков. И в течение межвоенного периода на территории Западной Белоруссии ревиндикация привела к закрытию более 100 православных приходов, которые попадали под контроль и в собственность католицизма [Бондаренко, 2011: 130].

Успехом ревиндикации в Западной Белоруссии служили вооруженные воинские формирования. Офицеры КОП помогали чиновникам и католическим священникам оцеплять православные храмы, чтобы помешать местным жителям выразить словом или делом свой протест. В то время как сотрудники Министерства внутренних дел совершали внутри православных церквей святотатства: громили иконостасы, хоругви, иконы и другие движимые и недвижимые атрибуты православной веры, которые затем выбрасывались на улицу и подлежали конфискации или сожжению. После того как православные святыни «очищались» таким зверским образом от всех религиозных элементов, местные чиновники, лишившие белорусов источника веры и выгнавшие на улицу церковный персонал, под охраной воинских и полицейских формирований закрывали двери храмов на амбарный замок, ключ от которого затем передавался в торжественной обстановке представителю католического престола — ксендзу. Ксендз в дальнейшем превращал бывшую православную церковь в свой приход, в стенах

которого прихожане были лишены возможности не только приобщаться к Богу посредством восточно-христианских обрядов, но и не могли слышать родной для них язык во время проповедей, так как вместо русского или белорусского языков мирянам приходилось внимать польский. Ксендз также мог прилично заработать на недвижимом имуществе православной церкви путем сдачи в аренду земель и сооружений предприимчивым лицам польской нации, получая к своему жалованию существенный доход [Польша — Беларусь... , 2012: 38—43, 51—53, 57—58, 60—61].

Заключение

Таким образом, польские офицеры Корпуса охраны пограничья рассматривались Варшавой в 20—30-е гг. в качестве главной силы не только по охране государственной границы возрожденной Польши, но и по наведению порядка, а также внедрению прогрессивных основ европейской цивилизации, которыми не обладало, как считали польские националисты, жители Западной Белоруссии. С этой целью и был образован КОП, офицеры которого для буржуазно-демократической и военной верхушки II Речи Посполитой являлись ключевыми исполнителями полонизации и денационализации всего населения *Kresy wschodnie*. Такая национальная политика была призвана лишить всех лиц непольской нации возможности проявлять свои национально-духовные и политические требования. Это было возможно для правящего класса Второй Польской Республики только при активном использовании репрессивных методов и террористических актов, которые воплощались в жизнь армейскими формированиями КОП.

Именно действия офицеров Корпуса охраны пограничья приводили к тому, что к сентябрю 1939 г. на территории возрожденной Польши не осталось ни одной национальной белорусской школы, а сотни храмов были закрыты и перешли в собственность католической церкви. В связи с этим польские офицеры в межвоенной Польше не только являлись представителями высшей касты тогдашнего общества, на которых, как еще подчеркивал

Ю. Пилсудский, должен равняться каждый польский гражданин, но и выступали руководителями карательных и террористических экспедиций по усмирению своих сограждан, которые от поляков отличались только национальностью.

Рассмотренные и проанализированные в статье действия офицеров Корпуса охраны пограничья и их участие в подавлении социально-экономических и культурно-духовных требований местного населения Западной Белоруссии приводят автора к следующему заключению. С одной стороны, польские офицеры КОП действительно способствовали налаживанию и восстановлению инфраструктурных объектов, но с другой — офицерские кадры выступали в качестве репрессивной силы, призванной держать под контролем Варшавы настроения восточнославянского населения, к которым относились жители белорусских воеводств.

Список источников

- Бондаренко Е. В.* Православная церковь во «П Речи Посполитой» // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. науч. тр. Вып. II. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2011. С. 128—133.
- Вабищевич А. Н.* Взаимоотношения славянского населения в национально-культурной жизни в Западной Беларуси (1921—1939 гг.) // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2016. Т. 1. № 1. С. 17—21.
- Вабищевич А. Н.* Западноукраинские и западнобелорусские земли накануне Второй мировой войны // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939—1941 гг.: люди, события, документы / отв. ред. О. В. Петровская, Е. Ю. Борисенок. СПб.: Алетейя, 2011. С. 7—24.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений / отв. ред. И. А. Хренов, Т. Н. Гонсеровская-Грабовская. Т. 3: 1920, апрель — 1921, март. Москва: Наука, 1965. 607 с.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений / отв. ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. Т. 4: 1921, апрель — 1926, май. М.: Наука, 1966. 559 с.
- Дубровка Е. Н.* Оформление восточной границы польского государства в условиях становления Версальской системы международных отношений и позиция Великобритании // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 178—189.

- Емельянова Е. Н.* Советско-польская война 1920 г.: Неудавшаяся попытка разрушения Версальской системы // Клио. 2015. № 5. С. 144—149.
- Жеймо М.* Геополитические условия формирования восточных границ Польши после окончания Первой мировой войны // Проблемы межрегиональных связей. 2018. № 13. С. 18—20.
- Загидулин А. Н.* Формирование конституционно-правового статуса белорусов как национального меньшинства в Польше в 1921—1939 годах // Человек и общество в системе современных научных парадигм. 2018. № 1. С. 2—5.
- Ковалева Л. А.* Проблемы белорусско-польского пограничья в 20-х гг. XX в. // Копытинские чтения I, II: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Могилев, 17—18 мая 2018 г. / под общ. ред. М. И. Матюшевой. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. С. 67—68.
- Коваленя А. А.* Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921—1953 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М.: Белорусская наука, 2014. 594 с.
- Курек Я.* Грипп свирепствует в Направе / пер. с пол. И. Беккера. Л.: Художественная литература, 1935. 358 с.
- Макарчук В. С.* Проблема границ Второй Речи Посполитой (1918—1939 гг.): аспекты международного права и европейской безопасности // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 33—47.
- Матвеев Г. Ф.* Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 171—192.
- Мезга Н. Н.* Противоречия Версальской системы в Центрально-Восточной Европе (1921—1925 гг.) // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Історія. 2016. № 24. С. 251—256.
- Польша — Беларусь (1921—1953): сб. док. и материалов / сост. И. А. Валяханович, В. В. Данилович, А. Н. Вабищевич; ред. А. В. Волченко. Минск: Беларуская навука, 2012. 420 с.
- Скитский Г. А.* Исторические особенности формирования правосознания населения Западной Беларуси в 1921—1939 гг. // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. / отв. ред. И. А. Демидова. Могилев: Могилев. ин-т МВД Республики Беларусь, 2020. С. 713—718.
- Bieniński I.* Służba i życie codzienne personelu Flotylli Rzecznej Marynarki Wojennej na Polesiu w latach 1919—1939 // *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica*. 2018. № 101. S. 159—173.

- Chruściel S.* Szkoła państwowa a mniejszości narodowe w Polsce i za granicą. Lwów: Zarz. Gł. T.S.L., 1938. 28 s.
- Dobrowolski P.* Świątlice żołnierskie — rola i zadania w systemie wychowawczym żołnierzy (1918—1939) // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 2018. № 101. S. 147—157.
- Dreszer Z.* Sprawa mniejszości narodowych w Polsce a program państwowej demokracji. Warszawa: Wydaw. Miesięcznika “Droga”, 1926. 62 s.
- Franciszek K.* Życie codzienne oficerów Drugiej Rzeczypospolitej. W.: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. 299 s.
- Jabłonowski M.* Polityczne i wojskowe przesłanki powołania dożycia Korpusu Ochrony Pogranicza w 1924 r. // *Korpus Ochrony Pogranicza: Materiały z Konferencji Naukowej w 80 rocznicę powstania Korpusu Ochrony Pogranicza* / pod. red. J. Prochwicza. Kętrzyn, 2005. S. 21—34.
- Kirwiel E.* Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne // *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*. 2012. T. 10. S. 181—193.
- Kirwiel E.* Społeczeństwo Kresów Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej okresu międzywojennego // *Sąsiedztwo i pogranicze: między konfliktem a współpracą*. 2013. T. 2. S. 179—197.
- Łach H.* Praca społeczna jako obowiązek służbowy żołnierzy w garnizonach Korpusu Ochrony Pogranicza // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 2018. № 102. S. 89—102.
- Ustawodawstwo szkolne i prawo nauczycielskie / w opr. M. Danielskiego. Lwów; Warszawa; Poznań: Samoezad szkolny, 1933. 326 s.

References

- Bieniecki, I. (2018), ‘The service and everyday life of the personnel of the River Flotilla of the Navy in Polesie in the years 1919—1939, *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*, no. 101: 159—173.
- Bondarenko, E. V. (2011), ‘Orthodox Church in the “Second Polish Republic”’, in *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza: sbornik nauchnykh trudov* [CLIO-SCIENCE: Problems of history and interdisciplinary synthesis: collection of scientific papers], iss. II, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, Moscow, Russia: 128—133.
- Chruściel, S. (1938), *Szkoła państwowa a mniejszości narodowe w Polsce i za granicą* [State school and national minorities in Poland and abroad], Zarz. Gł. T.S.L., Lwów, Poland.

- Danielski, M. (ed.) (1933), *Ustawodawstwo szkolne i prawo nauczycielskie* [School legislation and teachers' law], Samoezad szkolny, Lwow; Warszawa; Poznan, Poland.
- Dobrowolski, P. (2018), 'Soldiers' common rooms — role and tasks in the educational system of soldiers (1918—1939)', *Acta Universitatis Lodzian-sis. Folia Historica*, no. 101: 147—157.
- Dreszer, Z. (1926), *Sprawa mniejszości narodowych w Polsce a program państwowej demokracji* [The case of national minorities in Poland and the program of state democracy], Wydaw. Miesięcznika "Droga", Warszawa, Poland.
- Dubrovko, E. N. (2018), 'The formation of the eastern border of the Polish state in the context of the formation of the Versailles system of international relations and the position of Great Britain', *Rossii i Belarus': istoriia i kul'tura v proshlom i nastoiashchem* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present], no. 4: 178—189.
- Emelyanova, E. N. (2015), 'The Soviet-Polish War of 1920: The Failed Attempt to Destroy the Versailles System', *Klio* [Klio], no. 5 (101): 144—149.
- Franciszek, K. (1992), *Życie codzienne oficerów Drugiej Rzeczypospolitej*, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa, Poland.
- Jabłonowski, M. (2005), 'Political and military reasons for establishing the Border Protection Corps in 1924', in Prochwicz, J (ed.), *Korpus Ochrony Pogranicza. Materiały z Konferencji Naukowej w 80 rocznicę powstania Korpusu Ochrony Pogranicza*, Kętrzyn, Poland: 21—34.
- Khrenov, I. A. and Gonserowska-Grabowska, T. H. (eds) (1965), *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii* [Documents and materials on history of the Soviet-Polish language], vol. 3: April 1920 — March 1921, Nauka, Moscow, Russia.
- Khrenov, I. A. and Tsesliak T. (eds) (1966), *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii* [Documents and materials on history of the Soviet-Polish language], vol. 4: April 1921 — May 1926, Nauka, Moscow, Russia.
- Kirwiel, E. (2012), 'The economy of the North-Eastern Borderlands of the Second Polish Republic, conditions for development, economic reforms', *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*, vol. 10: 181—193.
- Kirwiel, E. (2013), 'Society of the North-Eastern Borderlands of the Republic of Poland in the interwar period', *Sąsiedztwo i pogranicze: między konfliktem a współpracą*, vol. 2: 179—197.

- Kovaleva, L. A. (2018), 'Problems of the Belarusian-Polish borderland in the 20s XX century', in Matyushevskaya, M. I. (ed.) *Kopytinskije chteniia I, II: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Kopytin Readings I, II: collection of articles of the International scientific and practical conference], Mogilev, Belarus, 17—18 may 2018, MGU imeni A. A. Kuleshova, Mogilev: 67—68.
- Kovalenya, A. A. (2014), *Rizhskii mir v sud'be belorusskogo naroda. 1921—1953 gg.: v 2 knigakh, kniga 1* [Peace of Riga in the fate of the Belarusian people. 1921—1953: in 2 books. Book 1], Belorusskaia nauka, Mogilev, Belarus.
- Kurek, Ya. (1935), *Gripp svirepstvuet v Naprave* [The flu is rampant in the Naprave], Translated by Bekkera, I., Khudozhestvennaia literatura, Leningrad, Russia.
- Łach, H. (2018), 'Social work as an official duty of soldiers in garrisons of the Border Protection Corps', *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica*, no. 102: 89—102.
- Makarchuk, V. S. (2010), 'The Problem of the Borders of the Second Polish Republic (1918—1939): Aspects of International Law and European Security', *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovanii* [Journal of Russian and Eastern European Historical Research], no. 1: 33—47.
- Matveev, G. F. (2014), 'From the history of the question of the right of nations to self-determination during the Great War', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [Petropolitan Slavic and Balkan Studies], no. 1: 171—192.
- Mezga, N. N. (2016), 'Contradictions of the Versailles System in East Central Europe (1921—1925)', *Naukovi zapiski Vinnits'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Mikhaïla Kotsiubyn'skogo. Serii: Istoriiia* [Scientific notes of the Vinnitsa State Pedagogical University named after Kotsiubynsky. Series: History], no. 24: 251—256.
- Skipsky, G. A. (2020), 'Historical Features of the Formation of the Legal Awareness of the Population of Western Belarus in 1921—1939', in Demidova, I. A. (ed.), *Pravovaia kul'tura v sovremennom obshchestve: sbornik nauchnykh statei* [Legal culture in modern society: collection of scientific articles], Mogilevskii institut MVD Respubliki Belarus', Mogilev: 713—718.
- Vabishchevich, A. N. (2016), 'The relationship of the Slavic population in the national and cultural life in Western Belarus (1921—1939)', *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoi podgotovki spetsialista*

[Linguistic and cultural education in the system of university training of a specialist], vol. 1, no. 1: 17—21.

- Vabishchevich, A. N. (2011), ‘Western Ukrainian and Western Belarusian lands on the eve of the Second World War’, in Petrovskaya, O. V., Borisenok, E. Yu. (eds), *Zapadnaia Belorussia i Zapadnaia Ukraina v 1939—1941 gg.: liudi, sobytiia, dokumenty* [Western Belarus and Western Ukraine in 1939—1941: people, events, documents], Aleteiia, St. Petersburg, Russia: 7—24.
- Valachanovich, I. A., Danilovich, V. V. and Vabishevich A. N (comps), Volchenko, A. V. (ed.) (2012), *Pol'sha—Belarus' (1921—1953): sbornik dokumentov i materialov* [Poland—Belarus (1921—1953): collection of documents and materials], Belorusskaia nauka, Minsk, Belarus.
- Zheimo, M. (2018), ‘Geopolitical conditions for the formation of the eastern borders of Poland after the end of the First World War’, *Problemy mezhhregional'nykh svyazei* [Problems of interregional relations], no. 13: 18—20.
- Zagidulin, A. N. (2018), ‘Formation of the constitutional and legal status of Belarusians as a national minority in Poland in 1921—1939’, *Chelovek i obshchestvo v sisteme sovremennykh nauchnykh paradigm* [Man and society in the system of modern scientific paradigms], no. 1: 2—5.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 30.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 30.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

О. В. Тихонович — аспирант кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университета имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия.

O. V. Tikhonovich — Postgraduate Student, Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 157—169.
Intelligentsia and the World. 2023. No. 3. P. 157—169.

Рецензия

УДК 94(47+57)

DOI: 10.46725/IW.2023.3.8

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РОССИЙСКИХ
ЭМИГРАНТОВ в 1920—1930-е гг.**
**Рец. на кн.: Базанов П. Н. Царь и Советы:
русская эмиграция в борьбе за российскую
государственность: политическая
и издательская деятельность. 2-е изд., испр.
СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 322 с.**

Людмила Валерьевна Климович

Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, lusek84@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Аннотация. В рецензии рассматривается монография П. Н. Базанова «Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность». Петр Николаевич Базанов — автор нескольких сотен публикаций по истории российской эмиграции XX в., доктор исторических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского института культуры. Рецензируемая монография является логическим завершением серии публикаций, посвященных революционным движениям российской эмиграции и их издательской деятельности в Европе (1920—1930 гг.). В основу классификации революционных организаций автором положен принцип идеологических

взглядов и отношения к советской власти. В книге показан процесс формирования таких организаций, как сменовеховцы, пореволюционеры, младороссы.

Большое внимание уделено периодическим изданиям пореволюционных организаций, которые являлись рупором движений, отражающих их идеологические взгляды и распространяющим идеи среди эмигрантов.

Особенностью работы стал подробный и информативный раздел «Примечание», по содержанию и полноте претендующий на отдельную главу. Обширные биографические справки и ссылки на источники и литературу оставляют самое благоприятное впечатление о работе. Еще одна положительная черта книги — тщательно оформленный научно-справочный аппарат.

Особо отмечена проблема отношения исследуемых движений к надвигавшейся мировой войне. Автор каждое движение вписывает в исторический контекст, показывая отношение к фашизму, и в целом дает оценку, к какой позиции (оборончества или пораженчества) тяготели члены исследуемых организаций.

Монография изобилует интересными, малоизвестными читателям материалами из Архива Русского зарубежья Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (фонд архивно-следственных дел), Государственного архива Российской Федерации, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Отдела фондов Русского зарубежья Государственной публичной исторической библиотеки, Российского государственного военного архива, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Семейного архива В. С. Оболенского. Ее также органично дополняют список источников и литературы, подробный именной указатель, что значительно облегчает работу с научным изданием. Важность и полезность рецензируемой монографии не вызывает никакого сомнения.

Ключевые слова: российская эмиграция, пореволюционные движения, зарубежная Россия, младороссы, сменовеховцы

Для цитирования: *Климович Л. В. Политические идеи российских эмигрантов в 1920—1930-е гг. Рец. на кн.: Базанов П. Н. Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 322 с. // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 157—169.*

POLITICAL IDEAS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE 1920s—1930s

Review on the book: Bazanov P. N. Tsar and Soviets: Russian emigration in the struggle for Russian statehood: political and publishing activities. 2nd ed. St. Petersburg: RHGA Publishing House, 2022. 322 p.

Lyudmila V. Klimovich

State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia,
lusek84@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Abstract. The review considers the monograph by P. N. Bazanov “The Tsar and the Soviets: Russian emigration in the struggle for Russian statehood: political and publishing activities”. Petr Nikolaevich Bazanov is the author of several hundred publications on the history of Russian emigration of the XX century, Doctor of Historical Sciences, professor, professor at the St. Petersburg Institute of Culture. The monograph under review is the logical conclusion of a series of publications devoted to the post-revolutionary movements of the Russian emigration and their publishing activities in the 1920s—1930s in Europe. The classification of post-revolutionary organizations is based on the principle of ideological views and attitudes towards Soviet power. The book shows the process of formation of such organizations as Smenovekhists, post-revolutionaries, Young Russians.

Much attention is paid to the periodicals of post-revolutionary organizations in the monograph. They were the mouthpiece of the movements, reflecting their ideological views and spreading ideas among the emigrants.

A feature of the work was the detailed and informative section “Notes”, which, in terms of content and completeness, claims to be a separate chapter. Extensive biographical information and references to sources and literature leave the most favorable impression of the work. Another positive feature of the book is a carefully designed scientific reference apparatus.

The problem of the relationship of the studied movements to the impending world war is especially noted. The author fits each movement into a historical context, showing the attitude towards fascism, and in general gives an assessment to which position of defencism or defeatism the members of the organizations under study gravitated.

The monograph is replete with interesting materials from the Archive of the Russian Diaspora of the Cultural Center of the House-Museum of Marina Tsvetaeva, the Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation for St. Russian Diaspora of the Russian National Library, Department of Russian Abroad Funds of the State Public Library, Russian State Military Archive, Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, V. S. Obolensky, which were little known to readers. It is also organically complemented by a list of sources and references, a detailed name index, which greatly facilitates the work with a scientific publication. The importance and usefulness of the monograph under review is beyond doubt.

Keywords: Russian emigration, post-revolutionary movements, Russia abroad, Young Russians, Smenovekhites

For citation: Klimovich, L. V. (2023), 'Political ideas of Russian emigrants in the 1920s—1930s. Review on the book: Bazanov, P. N. (2022), *Tsar' i Sovety: russkaia emigratsiia v bor'be za rossiiskuiu gosudarstvennost'*: *politicheskaia i izdatel'skaia deiatel'nost'* [Tsar and Soviets: Russian emigration in the struggle for Russian statehood: political and publishing activities], 2nd ed., RHGA Publishing House, St. Petersburg, 322 p.', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 157—169 (in Russ.).

Книга известного доктора исторических наук, профессора Санкт-петербургского института культуры, крупного исследователя Зарубежной России П. Н. Базанова логично продолжает ряд его работ по истории российской эмиграции в XX в. Представленная читателям монография посвящена дискуссионной, вызывающей вопросы теме — «просоветским» идеологическим течениям (сменовеховцам, пореволюционерам, младороссам), функционировавшим в среде российской эмиграции в 1920—1930-е гг.

Работа П. Н. Базанова призвана показать четкие различия между изучаемыми движениями как в идеологическом, так и организационном плане. Автор справедливо отмечает, что в имеющейся на сегодняшний день историографии вопроса «существует серьезная терминологическая путаница» [Базанов, 2022: 6]. Следует подчеркнуть, что монография стала результатом многолетних исследований автора, которые нашли отражение в предшествующих публикациях по данной теме [Базанов, 2015; Базанов, 2019а;

Базанов, 2019b; Базанов, 2020a: 134—144; Базанов, 2020b: 276—288; Базанов, 2021a: 291—304; Базанов, 2021b: 305—317].

Изучение общественно-политического наследия российской эмиграции является неотъемлемым элементом отечественной историографии. Автор этих строк в своих прежних публикациях отмечал важность осмысления идей и концепций, возникших в кругах российской эмиграции в 1920—1930-е гг. и ставших популярными среди эмигрантской молодежи [Климович, 2008; Климович, 2013; Климович, 2014; Климович, 2015; Климович, 2016].

Внимание к общественно-политическим концепциям, предлагающим альтернативные пути развития российского государства, проявляли и проявляют не только историки, политологи, но и общественно-политические деятели. За последние тридцать лет вышло большое количество фундаментальных работ, посвященных политической жизни российской эмиграции. Но просоветские идеи, выдвигавшиеся движениями, все еще требуют научного осмысления. В этом плане не вызывает сомнений научная значимость рецензируемой работы — монографии Петра Николаевича Базанова.

СOLIDная источниковая база исследования сделала работу Петра Николаевича убедительной. Весьма обстоятельно выглядит список используемой литературы, насчитывающий свыше трехсот наименований, включая опубликованные документы, периодику, мемуары, исследовательскую литературу. Автор прекрасно владеет историографией вопроса. Обширные цитаты, вынесенные более мелким шрифтом, несколько затрудняют восприятие текста, но в тоже время позволяют читателю погрузиться в исторический контекст и самостоятельно сделать умозаключения.

Подробный и информативный раздел «Примечание» по содержанию и полноте претендует на отдельную главу. Обширные биографические справки и ссылки на источники и литературу оставляют самое благоприятное впечатление о работе. Отметим еще одну положительную черту книги — тщательно оформленный научно-справочный аппарат. В отличие от многих современных изданий книга содержит подробный именной указатель, который позволяет быстро найти интересующую информацию в тексте.

По структуре работа состоит из четырех глав, больше напоминающих очерки, так как логически каждая глава представляет законченное повествование.

В предисловии представлено авторское понимание терминологии исследования: понятий «пореволюционные», «просоветские», «идеократические», «фашистские» движения российской эмиграции. Это необходимо, так как уже в предисловии П. Н. Базанов отмечает разность подходов и двусмысленность формулировок, которыми оперируют исследователи.

Автор видит проблему классификации пореволюционных организаций в том, что «во-первых, считать ли сменовеховцев пореволюционерами, и, во-вторых, причислять ли к пореволюционерам только представителей левых идеократических организаций (национал-большевиков, национал-мессианистов, национал-максималистов, утвержденных, новгородцев, народников-месианистов и др.)» [Базанов, 2022: 11].

Отличительной чертой всех трудов П. Н. Базанова является широкое использование архивных документов, и рецензируемая книга не исключение. Неопубликованные источники представлены материалами из Архива Русского зарубежья Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (фонд архивно-следственных дел), Государственного архива Российской Федерации, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Отдела фондов Русского зарубежья Государственной публичной исторической библиотеки, Российского государственного военного архива, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Семейного архива В. С. Оболенского.

Повествование книги автор начинает с анализа движения сменовеховцев, раскрывая основные исторические вехи их развития и издательской деятельности. П. Н. Базанов отмечает: «Принципиальной позицией сменовеховцев был призыв к возвращению русских эмигрантов на Родину для служения народу в рамках “общности судьбы”» [Там же: 39]. Как подтверждение успешно-

сти политики «возвращенчества» автор приводит данные о 150—180 тысячах эмигрантов, которые вернулись в СССР и были репрессированы к концу 1930-х гг.

Исследователь обращает внимание читателей на то, что «сменовеховцы всячески подчеркивали материальную причину отъезда из России. Они отрицали наличие политического и идеологического характера первой “волны” русской эмиграции. На Родине голод, холод, полный крах экономики, поэтому многие уехали в сытую Европу» [Там же: 43]. Согласимся с этим тезисом автора отчасти: все же российская послереволюционная эмиграция была вызвана именно несогласием с политической ситуацией в стране, неприятием власти большевиков.

Периодические издания являлись рупором движения, отражали его идеологические взгляды и несли в эмигрантские массы идеи. Поэтому то внимание, которое автор отводит периодике, оправдано.

Анализируя содержание журнала «Смена вех», газеты «Накануне» (темы, авторы, состав редакции, источники финансирования), мы видим: ничто не ускользнуло от взгляда автора. В целом, оценивая содержание изданий, П. Н. Базанов констатирует: «Журнал регулярно доказывал читателям Русского Зарубежья и иностранцам, что советский режим эволюционирует в государственно-патриотическую сторону, а положение в стране стабилизируется» [Там же: 52].

Не менее любопытным выглядит очерк об издательстве «Накануне», так как архив газеты и издательства не сохранился [Там же: 70]. Несмотря на тот факт, что АО «Накануне» было создано «как политическое просоветское издательство, ... в нем не вышло ни одной политической книги» [Там же: 72], зато был опубликован перевод «Приключения Пиноккио» в литературной обработке А. Н. Толстого.

Наполненной фактологическим материалом предстает глава о пореволюционных течениях. Безусловно, не мог обойти стороной автор то явление, что «все пореволюционные организации приняли Революцию 1917 г. как свершившийся факт, но левые

пореволюционеры находили в социалистическом перевороте положительные стороны (впрочем, как и в фашизме); демократию, к которой надо стремиться, и противопоставляли себя нацизму» [Там же: 85]. Из пореволюционного спектра автор сосредотачивает свое внимание на национал-революционерах, утвержденных, народниках-мессианистах, новгородцах, «втором поколении».

Идеологию национал-максимализма разрабатывал князь Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов и его последователи. Она нашла свое отражение на страницах их печатного органа — журнала «Утверждение»: «их главный идеологический постулат — богоизбранность русского народа. Особая мировая роль русской нации, ее мировое значение, национальный характер способный преодолеть любые политические сложности» [Там же: 6].

На страницах книги отражено рассуждение о путях развития России и методах реализации своей идеологической концепции: «Само советское государство, государственную промышленность и в особенности Красную армию утверденцы хотели сохранить. Их не устраивала коммунистическая идеология. Власти они хотели достигнуть путем переворота, без гражданской войны с упором на молодежь» [Там же: 100].

Анализ двух основных журналов — «Утверждения» и «Завтра» — представлен автором достаточно подробно.

Не обошел стороной П. Н. Базанов одну из самых экзотических политических партий Русского зарубежья — группу народников-мессианистов П. С. Боранецкого с ее журналом «Третья Россия». Раскрывая суть движения, автор справедливо отмечает, что «Принципиальной отличительной чертой третьероссов от всех остальных пореволюционных течений было их отрицательное отношение к христианству и вера в науку и технику» [Там же: 118].

Ученый обратил внимание читателей на проблему отношения исследуемых движений к надвигавшейся мировой войне. Каждое движение он вписывает в исторический контекст, показывая отношение к фашизму, и в целом дает оценку, к какой позиции (оборончества или пораженчества) тяготели члены движения. Народники-мессианисты относились к оборонцам, автор приводит

цитаты из работы идеолога третьероссов С. К. Бережной «Немецкий гитлеризм и русская эмиграция», которые отчетливо дают читателю понять позицию членов движения.

История новгородцев, одного из известных пореволюционных течений, с одноименным журналом «Новый град», нашла свое отражение в книге П. Н. Базанова. Давая им характеристику, он пишет, что движение «стремилось сочетать социализм, демократию и христианство, все эти термины не были модными в лексиконе политической теории и практики 1930-х гг., а новгородцы воспринимались идеалистически и мистически» [Там же: 143].

Не ускользнули от пристального взгляда П. Н. Базанова такие малоизвестные организации, как «Одна шестая» и «Второе поколение», имевшие свои печатные органы, материалы которых позволили автору представить основные этапы развития движений и их идейные основы.

Наиболее интересной для меня, как интересующейся историей младороссов, была глава о них. Первые шаги движения до сих пор наименее изучены в историографии, существует несколько точек зрения на происхождение движения младороссов. П. Н. Базанов в своей работе говорит о том, что в 1923 г. одновременно возникли две организации «Молодая Россия» в Париже и Берлине, и после раскола эмиграции на «кирилловцев» и «николаевцев» одна превратилась в «Союз младороссов», вторая же осталась на непререженческих позициях и позднее организовалась в Национальный союз нового поколения.

Это утверждение, на наш взгляд, спорно и требует аргументации дополнительными источниками. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы свидетельствуют, что в феврале 1923 г. в Мюнхене прошел Всеобщий съезд Национально-мыслящей молодежи, на котором присутствовало 39 организаций эмигрантской молодежи, в том числе и студенческие союзы¹. Поддержка вел. кн. Кирилла Владимировича была обозначена еще на этом съезде в 1923 г.² Что касается существования одновременно

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10207. Оп. 1. Д. 108. Л. 19 (далее — ГАРФ).

² ГАРФ. Ф. 10207. Оп. 1. Д. 111. Л. 1 об.

двух организаций «Молодая Россия» в Берлине и Париже, то здесь мы склонны считать, что это одна организация, берущая свое начало на съезде 1923 г. Центр ее (Очаг № 1) располагался сначала в Берлине, а затем после переезда А. Л. Казем-Бека в Париж в конце 1923 г. в Париже.

Согласимся с мнением автора, что младороссы «стремились создать принципиально новую социальную политологию и философию, способную конкурировать с марксизмом» [Там же: 170]. Действительно, их броские лозунги находили как сторонников, в основном в лице эмигрантской молодежи, так и ярых противников.

Интересен анализ издательской деятельности младороссов, проведенный П. Н. Базановым. Не ускользает от внимания автора и наличие идейных противоречий в младоросском движении, которые привели к появлению «Союза неомонархистов» и монархистов-демократов или группы «Русского временника».

Хотелось бы увидеть документальное подтверждение утверждения П. Н. Базанова о вербовке А. Л. Казем-Бека советскими спецслужбами: когда это произошло и при каких обстоятельствах?

Закрывает книгу материал, который намечает дальнейшие перспективы исследования, а именно: участие пореволюционеров и младороссов в движении Сопrotивления. Согласимся с автором, что «в научных исследованиях, справочных и энциклопедических изданиях пропадает не только партийная принадлежность участников Сопrotивления на Западе, но их послевоенная биография» [Там же: 217]. Это научное направление еще ждет своего исследователя.

В заключение П. Н. Базанов подводит итоги исследования, делает вывод, который сложно не поддержать: «Основное отличие первой “волны” от любой другой эмиграции — это ее патриотизм. Только безграничной любовью к Родине можно объяснить крайности оборончества и пораженчества, реэмиграцию и “возвращенчество”, непримиримый активизм и т. д.» [Там же: 218].

Можно констатировать, что рецензируемая монография представляет собой законченное научное исследование, позволяю-

щее значительно расширить наше представление об идейно-политическом спектре российской эмиграции в 1920—1930-е гг. В целом книгу можно рекомендовать профессиональным историкам и всем интересующимся историей Русского зарубежья. Содержание книги ставит вопросы, заставляет анализировать и размышлять, что будет полезно любому простому читателю.

Список источников

- Базанов П. Н.* А. Л. Казем-Бек — лидер движения младороссов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 4. С. 116—125.
- Базанов П. Н.* Парижский журнал «Смена веков» и русская философская мысль // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2019а. Т. 20. № 3. С. 361—368.
- Базанов П. Н.* «Акционерное общество “Накануне”» и издательская деятельность сменовеховцев // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2019б. № 4. С. 102—113.
- Базанов П. Н.* Берлинская газета сменовеховцев «Накануне» и русская философская мысль // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020а. Т. 21. № 4—2. С. 134—144.
- Базанов П. Н.* Сменовеховцы о русской эмиграции // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020б. Т. 21. № 4—2. С. 276—284.
- Базанов П. Н.* «Утверждения» России: политическая и издательская деятельность пореволюционеров национал-максималистов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2021а. Т. 22. № 4—2. С. 291—304.
- Базанов П. Н.* К грядущей Атлантиде — третьей России: политическая и издательская деятельность народников-мессианистов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2021б. Т. 22. № 4—2. С. 305—317.
- Базанов П. Н.* Царь и Советы: русская эмиграция в борьбе за российскую государственность: политическая и издательская деятельность. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 322 с.
- Климович Л. В.* Молодежные организации русского зарубежья: союз младороссов // Клио. 2008. № 1. С. 41—46.

- Климович Л. В. «Царь и Советы»: концепция неомонархизма младороссов // Вестник Университета. 2013. № 22. С. 232—235.
- Климович Л. В. А. Л. Казем-Бек: малоизвестные страницы жизни и общественно-политической деятельности // Клио. 2014. № 12. С. 132—138.
- Климович Л. В. Союз Младороссов и дом Романовых: точки соприкосновения в эмиграции 1920–1930-е гг. // Клио. 2015. № 9. С. 76—82.
- Климович Л. В. Солидаризм — концепция новопоколенцев // Россия XXI. 2016. № 2. С. 118—129.

References

- Bazanov, P. N. (2015), ‘A. L. Kazem-Bek — the leader of the Young Russian movement’, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], vol. 16, no. 4: 116—125.
- Bazanov, P. N. (2019a), ‘Parisian magazine “Change of milestones” and Russian philosophical thought’, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy of Humanities], vol. 20, no. 3: 361—368.
- Bazanov, P. N. (2019b), ‘Joint-Stock Company “On the Eve” and Publishing Activities of the Smenovekhovites’, *Bibliografiia. Nauchnyi zhurnal po bibliografovedeniiu, knigovedeniiu i bibliotekovedeniiu* [Bibliography. Scientific journal on bibliography, book science and library science], no. 4: 102—113.
- Bazanov, P. N. (2020a), ‘The Berlin newspaper of the Smenovekhovites “On the Eve” and Russian Philosophical Thought’, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], vol. 21, no. 4—2: 134—144.
- Bazanov, P. N. (2020b), ‘Smenovekhovtsy about Russian emigration’, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], vol. 21, no. 4—2: 276—284.
- Bazanov, P. N. (2021), ‘“Approvals” of Russia: political and publishing activities of the post-revolutionary national-maximalists’, *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], vol. 22, no. 4—2: 291—304.
- Bazanov, P. N. (2021), ‘Towards the coming Atlantis — the third Russia: political and publishing activities of messianist populists’, *Vestnik russkoi*

- khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], vol. 22, no. 4—2: 305—317.
- Bazanov, P. N. (2022), *Tsar' i Sovety: russkaia emigratsiia v bor'be za rossiiskuiu gosudarstvennost': politicheskaia i izdatel'skaia deiatel'nost'* [Tsar and Soviets: Russian emigration in the struggle for Russian statehood: political and publishing activities], 2nd ed., RHGA Publishing House, St. Petersburg, Russia.
- Klimovich, L. V. (2008), 'Youth organizations of Russian abroad: Union of Young Russians', *Klio* [Clio], no. 1: 41—46.
- Klimovich, L. V. (2013), '“The Tsar and the Soviets”: the concept of neo-monarchism of the Young Russians', *Vestnik Universiteta* [Bulletin of the University], no. 22: 232—235.
- Klimovich, L. V. (2014), 'A. L. Kazem-Bek: little-known pages of life and social and political activity', *Klio* [Clio], no. 12: 132—138.
- Klimovich, L. V. (2015), 'Union of the Young Russians and the House of Romanovs: points of contact in emigration in the 1920s—1930s', *Klio* [Clio], no. 9: 76—82.
- Klimovich, L. V. (2016), 'Solidarism — the concept of new generations', *Rossia XXI* [Russia XXI], no. 2: 118—129.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 23.03.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 27.04.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Л. В. Климович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия.

L. V. Klimovich — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

Рецензия

УДК 37.015

DOI: 10.46725/IW.2023.3.9

**«И ЯРЧЕ УЖ ГОРИТ СВЕТИЛЬНИК
ПРОСВЕЩЕНЬЯ...»**

**Рец. на кн.: Балдин К. Е. Образовательное
пространство российской провинции:
учебные заведения г. Иваново-Вознесенска
(конец XIX — начало XX в.). Иваново:
Иван. гос. ун-т, 2022. 276 с.**

Галина Анатольевна Будник

Ивановский государственный энергетический университет
имени В. И. Ленина, Иваново, Россия, bud@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>

Аннотация. В рецензии анализируется монография К. Е. Балдина «Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.)». Монография посвящена анализу возникновения и деятельности общеобразовательных и профессиональных учреждений, которые существовали в Иваново-Вознесенске в конце XIX — начале XX в. Книга состоит из трех глав, каждая из которых посвящена различным видам учебных заведений: начальным, средним образовательным и профессиональным. Главы имеют общую структуру изложения. На большом фактическом материале автор исследует процесс открытия учебных заведений: деятельность органов государственного управления, деятельность общественных организаций, предпринимателей по строительству учебных зданий, финансированию, организации учебной и воспитательной работы образовательных учреж-

дений. Анализируется контингент учащихся, состав и особенности комплектования и профессиональные обязанности педагогов. В монографии приводится много интересных, ранее малоизвестных читателям фактов о становлении и работе учебных заведений Иваново-Вознесенска. Книга имеет интеллигентоведческий характер. В ней рассказывается о профессиональной и общественной деятельности ряда предпринимателей, чиновников, педагогов, которых автор с полным основанием относит к интеллигенции. Текст книги логично дополнен фотодокументами, позволяющими наглядно представить облик старого Иваново-Вознесенска и его жителей, профессиональная деятельность которых была связана с образовательными учреждениями края. Важность и полезность рецензируемой монографии не вызывает сомнения. Она может быть использована в качестве краеведческой составляющей курсов истории России и истории педагогики. Вдумчивого читателя монография побуждает к размышлениям о путях реформирования современной системы образования в нашей стране, обращает внимание читателей на многие важные для наших дней образовательные традиции.

Ключевые слова: провинция, образовательная среда, начальные учебные заведения, средние общеобразовательные учебные заведения, профессиональные учебные заведения, предприниматели-меценаты, местные органы государственного управления, общественные организации, учительская интеллигенция, Иваново-Вознесенск, К. Е. Балдин

Для цитирования: Будник Г. А. «И ярче уж горит светильник просвещения...». Рец. на кн.: Балдин К. Е. *Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.)*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 276 с. // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 170—184.

**“AND THE LAMP OF ENLIGHTENMENT
BURNS BRIGHTER...”**

***Review on the book: Baldin K. E. Educational space
of the Russian province: educational institutions
of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century).
Ivanovo: Ivanovo State University, 2022. 276 p.***

Galina A. Budnik

Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin,
Ivanovo, Russia, bud@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2338-5276>

Abstract. The review analyzes the monograph by K. E. Baldin “Educational space of the Russian province: educational institutions of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century)”. The monograph is devoted to the analysis of the emergence and activities of general education and vocational educational institutions that existed in Ivanovo-Voznesensk in the late 19th and early 20th centuries. The chapters have a general structure of the presentation of the material. On a large factual material, the author examines the process of opening educational institutions — the activities of government bodies, public organizations, entrepreneurs in the construction of educational buildings, financing of educational institutions, organization of educational and educational work. The contingent of students, the composition and features of the recruitment and activities of the teaching staff are analyzed. The monograph contains many interesting, previously little-known facts about the formation and work of educational institutions in Ivanovo-Voznesensk. The book has a pronounced intellectual guideline. It tells about the professional and social activities of a number of entrepreneurs, officials, teachers, whom the author rightly refers to as the intelligentsia of the region. The text of the book is logically supplemented with photographic documents that allow you to visualize the appearance of the old Ivanovo-Voznesensk and its inhabitants, whose activities were associated with the educational institutions of the region. The importance and usefulness of the peer-reviewed monograph is beyond doubt. It can be used as a local history component of Russian history and pedagogy courses. The monograph encourages a thoughtful reader to think about ways to

reform the modern education system in our country, draws the readers' attention to many educational traditions that are important for our days.

Keywords: province, educational environment, primary educational institutions, secondary educational institutions, vocational educational institutions, entrepreneurs-patrons, local government bodies, public organizations, teachers' intelligentsia, Ivanovo-Voznesensk, K. E. Baldin

For citation: Budnik, G. A. (2023), ' "And the lamp of enlightenment burns brighter..."'. Review on the book: Baldin, K. E. (2022), *Obrazovatel'noe prostranstvo rossiiskoi provintsii: uchebnye zavedeniia g. Ivanovo-Voznesenska (konets XIX — nachalo XX v.)* [Educational space of the Russian province: educational institutions of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century)]. Ivanovo State University, Ivanovo, 276 p., *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no 3: 170—184 (in Russ.).

Рецензируемая монография «Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.)» издана в 2022 г. в издательстве Ивановского государственного университета [Балдин, 2022]. Автор — Кирилл Евгеньевич Балдин — известный ивановский краевед. Выход данной книги не случаен. Он подготовлен рядом публикаций Кирилла Евгеньевича [Балдин, 2015: 9—27; Балдин, 2014: 17—26; Балдин К.Е. 2013: 10—23] и др.

Структурно книга К. Е. Балдина состоит из трех глав, разделенных на параграфы. Главы объединяют учебные заведения различного типа: начальные, средние образовательные и профессиональные. Каждый параграф посвящен истории создания и деятельности соответствующих групп школ, училищ и гимназий. Завершается книга списком использованных источников. Имеется приложение, в котором приводится список учебных заведений города Иваново-Вознесенска в изучаемый период, а также интересные фотоматериалы.

В заголовке рецензии не случайно вынесена строка А. С. Пушкина из стихотворения «Второе послание цензору». На мой взгляд, слова великого поэта являются лейтмотивом монографии К. Е. Балдина. Они ярко и образно передают те новые процессы и явления, которые происходили в образовательном пространстве Иваново-Вознесенска конца XIX — начала XX в.

В рецензируемой книге анализируются все грани возникновения и развития системы образования в Иваново-Вознесенске. обстоятельно разясняются причины бурного роста количества учебных заведений в обозначенный период исследования, особенности их формирования и деятельности в текстильном крае. Уже само название монографии, включающее термин «образовательное пространство», обращает внимание читателей на многогранность рассматриваемых в ней процессов и явлений. Под образовательным пространством автор понимает «совокупность учебных заведений различного уровня, существующую на определенной территории: в городе, уезде, регионе» [Балдин, 2022: 261]. Однако в действительности образовательное пространство в рецензируемой работе представлено намного шире: не только как система учебных заведений, но и как место взаимодействия, совместной деятельности учителей, учащихся и родителей каждой конкретной школы, реального училища или гимназии с органами местного управления, общественными организациями, фабрикантами-меценатами. Также в книге перед читателем проходит целая галерея иваново-вознесенцев, оказавших серьезное влияние на образовательный и воспитательный процесс в учебных заведениях города. В результате исследования как объективных (после реформ 1860—1870-х гг. в России началось быстрое развитие промышленности, торговли, различных сфер общественной деятельности, что вызвало потребность в профессионально подготовленных людях), так и субъективных условий, которые были созданы в Иваново-Вознесенске для открытия и работы учебных заведений (деятельность органов центрального и местного управления, меценатов, администрации учебных заведений), у читателей создается яркое представление об образовательном пространстве Русского Манчестера.

Книга написана хорошим литературным языком и читается с большим интересом. Она актуальна и значима сегодня, хотя и посвящена «делам давно минувших дней»: как и в конце XIX — начале XX в., главным вопросом всей образовательной политики России века XXI вновь стал выбор вектора развития. Каким путем идти: по традиционному отечественному или по европейскому?

Какова роль государственных структур и общественных движений, интеллигенции в этом процессе? История создания и развития учебных заведений в Иваново-Вознесенске дает возможность оценить положительный опыт конца XIX — начала XX в. и сделать соответствующие выводы для XXI в. Прежде всего, отмечает Кирилл Евгеньевич, успех в развитии начального, среднего специального и профессионального образования в Иваново-Вознесенске связан с совпадением интересов и успешной в связи с этим деятельностью органов центральной государственной власти, местных властей (земства и городские думы) и общественности. Каждая из трех глав книги аргументированно доказывает вышеприведенное суждение автора. В монографии подробно и обстоятельно, на большом фактическом материале излагается история становления учебной и воспитательной работы, определяются ее особенности, дается характеристика педагогического состава и учащихся каждого учебного заведения в переломный для истории образования России и текстильного края период, обобщается опыт работы учебных заведений, анализируются плюсы и минусы в их организации и деятельности.

В первой главе рассказывается о различных видах начальных учебных заведений. Прежде всего, автор отмечает, что главную роль в их возникновении и последующем функционировании играли органы общественного самоуправления: Иваново-Вознесенская городская дума и Шуйское уездное земство. С конца XIX в. они начали обсуждать вопрос о всеобщем обучении городского и крестьянского населения. Когда в начале XX в. правительством был принят закон о выделении значительных средств на строительство школьных зданий, в Иваново-Вознесенске уже были детально проработанные предложения о местах их будущего расположения, что ускорило процесс финансирования от Министерства народного просвещения. «Массовое школьное строительство, развернувшееся в российской провинции накануне Первой мировой войны, стало зримым результатом успешного сотрудничества общественности и государства, которое проявило доверие к общественным силам и не прогадало в своих расчетах» [Там же: 69], сделал вывод автор.

Внимательное изучение архивных материалов позволило К. Е. Балдину в ряде случаев исправить традиционную точку зрения на те или иные аспекты развития образования Иваново-Вознесенска. «Так, в литературе существует мнение, — пишет автор, — о том, что в соответствии с земским и городским “Положениями” 1864 и 1870 гг. органы общественного самоуправления не имели права влиять на учебную часть содержимых ими школ и сосредотачивали свои усилия только на том, чтобы обеспечить для начальных народных училищ прочную материальную базу» [Там же: 70]. Однако проведенный автором анализ архивного материала позволил ему сделать важный вывод о том, что, не вмешиваясь непосредственно в содержание изучаемых дисциплин, но, имея в своих руках немаловажные финансовые рычаги, земства, городские думы и управы могли по своему усмотрению финансировать и, соответственно, включать в программу, например, начальной школы такие факультативные дисциплины, как рукоделие, гимнастика, пение и др. Имели место случаи, когда земства поощряли внедрение в учебный процесс прогрессивных методов преподавания. Также органы местного самоуправления наряду с другими государственными структурами участвовали в подборе педагогических кадров, их материальной поддержке, а также помощи малоимущим учащимся.

К. Е. Балдин обращает внимание читателей на то, что открытие и работа учебных заведений во многом зависели от понимания важности развития образования для своих рабочих и всего местного населения иваново-вознесенскими фабрикантами. Так, ивановский текстильный фабрикант И. А. Бабурин еще в 1846 г. устроил воскресные курсы для обучения детей, которые трудились на его мануфактуре [Там же: 55], а в 1847 г. — было открыто начальное училище, созданное Я. П. Гарелиным. Особенно большой вклад в развитие школ в Иваново-Вознесенске внесла династия Бурылиных. Так, например, Н. Х. Бурылина долгие годы опекала земскую женскую школу, вложив в нее тысячи рублей. Педагогические работники школ были достаточно квалифицированными. Одной из самых ярких личностей, трудившихся в училище для детей мастеровых и рабочих, считает автор, был С. Д. Смирнов. Он

имел прекрасное образование — окончил в Москве ремесленное учебное заведение, которое позже было преобразовано в Императорское техническое училище. Был талантлив, приветлив и доступен. «Он деятельно и добросердечно вникал в личную жизнь учеников, завоевал симпатии их и своих коллег по училищу» [Там же: 41]. «С. Д. Смирнов никогда не жаловался на скромное жалование, говоря: “если судьба занесла меня сюда, то я, во всяком случае, должен быть полезным”. В свое время он отказался от весомой прибавки к своим доходам, попросив потратить эти деньги на преподавание в училище церковного пения, которое он очень любил» [Там же: 42]. Судя по материалам книги, в школах местного самоуправления работали настоящие подвижники народного просвещения. «Не считаясь с материальными трудностями, болезнями и личными драмами, они трудились, пока у них были силы для этого» [Там же: 74]. Примером бескорыстного служения делу может быть деятельность на ниве просвещения К. Ф. Кнорре — попечителя Шереметевской мужской школы. Он организовал в ней общеобразовательные чтения, купив на свои средства волшебный фонарь и туманные картины. Им же для детей были организованы рождественские вечера с елками и номерами художественной самодеятельности. Брат попечителя — Е. Ф. Кнорре — преподавал в школе музыку, причем музыке дети учились в полном смысле этого слова. В школе был хор и настоящий оркестр, состоящий из струнных, духовых и ударных инструментов, которые приобрел для него К. Ф. Кнорре. Оркестр мог исполнять достаточно сложные вещи [Там же: 50]. Высокий авторитет женской казенной гимназии Иваново-Вознесенска объяснялся тем, что здесь работал слаженный, дисциплинированный и, самое главное, высокопрофессиональный педагогический коллектив. Руководителем гимназии с 1882 по 1903 гг. была О. Ф. Киселева, которая получила прекрасное образование в Екатерининском училище. Показательно, что она одинаково относилась ко всем детям, независимо от того, была ли гимназистка дочерью миллионера-промышленника или же скромного фабричного конторщика.

Создатель ивановской школы интеллигентоведения В. С. Метов выделил сущностные, вневременные черты интеллигенции,

среди которых он называл образованность, творческое отношение к профессиональной и общественной деятельности, высокую нравственность, подвижничество, честность, порядочность [Меметов, 2018: 5]. Материал рецензируемой книги позволяет заключить, что среди организаторов образовательных учреждений и учителей Иваново-Вознесенска были люди, которых с полным основанием можно отнести к подлинной интеллигенции. Их в провинции, пишет К. Е. Балдин, было немного, но они играли прогрессивную роль в постепенном формировании образовательного пространства в масштабах города, уезда, посада или села [Там же: 57]. Таким человеком в селе Иваново оказался, в частности, Я. П. Гарелин. «Люди, подобные Я. П. Гарелину были редким исключением» [Там же: 60]. Но такие люди «задавали тон» в провинции, оказывали серьезное влияние на современников. Автор пишет, что пример Я. П. Гарелина повлиял на его двоюродных братьев, открывших по его примеру школу при фабрике братьев Гарелиных. Выводы К. Е. Балдина подтверждают идеи В. С. Меметова и его последователей о том, что даже отдельные представители интеллигенции могут быть «двигателями прогресса».

Вторая глава посвящена средним общеобразовательным учебным заведениям — реальному училищу, казенной женской гимназии, частным женским гимназиям М. И. Крамарцевой и П. А. Диомидовской, мужской гимназии. Первым учебным заведением этого типа было реальное училище, открытое в 1883 г., выпускники которого могли работать на местных предприятиях, а наиболее толковые из них — продолжить обучение в технических вузах и вернуться в родной город уже высококвалифицированными специалистами. Кирилл Евгеньевич, как и в первой главе, подробно рассказывает о создании учебных заведений, их материальной базе, кадровом составе учителей, учебных программах, а также о роли попечителей в создании условий для эффективного функционирования училищ.

Красной нитью через всю книгу проходит утверждение о том, что любое учебное заведение было не только образовательным, но и воспитательным учреждением. [Там же: 94]. Воспитание подрастающего поколения во многом осуществлялось на уро-

ках Закона Божия. Также решением воспитательных задач занимались классные наставники и помощники классных воспитателей. Интерес представляют функции помощников классных наставников: они, пишет К. Е. Балдин, помогали наладить дисциплину, исправить зарождающиеся негативные поступки. Например, посещение квартир, снимаемых реалистами, и их домов, позволяло оперативно выявлять и сообщать родителям о прогулах юношами занятий, о том, что их сын начал курить, получать неудовлетворительные оценки.

Автор обращает внимание читателей и на то, что «в училищах наряду с воспитательной деятельностью проводилась большая просветительская работа, и наиболее интересной для учеников формой ее являлись экскурсии. Реалисты не только ходили в поход за город для сбора гербариев, но и ездили в соседние губернские центры: Владимир и Кострому, а также в Ростов Ярославский, Москву. <...> Предпринимались и более дальние поездки, в 1901 г. ивановцы две недели путешествовали на пароходах по северным рекам: от Вологды ... в Архангельск и на Соловецкие острова. <...> В 1903 г. реалисты съездили на две недели в Киев. <...> Разумеется, эти поездки способствовали расширению кругозора подростков и юношей». [Там же: 100]. Как в этой связи не вспомнить неоднократно высказанные мысли В. С. Меметова о том, что образовательные учреждения должны не только учить, но и воспитывать!

Как известно, качество образования в первую очередь зависит от квалификации педагогического персонала и эффективного управления учебным заведением. Во всех трех главах книги К. Е. Балдин дает краткую характеристику деятельности директоров учебных заведений, лучших педагогов — «активного сегмента провинциальной общественности». Так, «...пионером изучения климатических явлений в ивановском крае стал преподаватель реального училища Д. Д. Ефремов, благодаря ему была создана первая в городе метеостанция. Кроме того, он являлся автором учебника по геометрии, написал книгу об истории реального училища, при этом успевая выполнять многосложные обязанности инспектора местной школы колористов» [Там же: 151].

Третья глава монографии посвящена истории создания и деятельности очень важных для развития промышленности Иваново-Вознесенска профессиональных учебных заведений. «В конце XIX в., — пишет К. Е. Балдин, — здесь функционировало около полусотни предприятий, из которых десять... относились... к категории крупнейших. На каждом из них работало по несколько тысяч человек рабочих и десятки служащих» [Там же: 159]. Вокруг Русского Манчестера располагался Иваново-Вознесенский промышленный район, в который входили такие крупные текстильные центры, как Кинешма, Шуя, Тейково, Серeda, Яковлевское, Родники, Вичуга и др. Однако на предприятиях была явно недостаточная квалификация рабочих и служащих, абсолютное большинство которых не имело специального образования. Следствием этого было невысокое качество продукции, которую выпускали местные фабрики. Большинство рабочих обладало только самыми элементарными умениями и навыками. Но еще хуже было то, что профессиональную подготовку не получали служащие, в частности, ткацкие мастера, механики, техники и другие специалисты. Местные промышленники задумывались об открытии профессиональных учебных заведений, но дело сдвинулось с мертвой точки только в 1888 г., когда Иваново-Вознесенск посетил попечитель Московского учебного округа граф П. А. Капнист, который выступил инициатором создания здесь низшего механико-технического училища (НМТУ).

Большую роль в открытии новых профессиональных училищ по всей стране сыграл С. Ю. Витте, возглавлявший в 1892—1903 гг. Министерство финансов России. Он известен своими крупными реформами в области промышленности и финансов, но Кирилл Евгеньевич обращает внимание читателей еще на одну сторону деятельности этого выдающегося российского государственного деятеля — создание разветвленной системы подготовки кадров для отечественной промышленности. За годы его управления министерством в этом ведомстве числилось всего 9 профессиональных учебных заведений, а через 10 лет — уже 191 учебное заведение [Там же: 158]. Потрясающий результат!

В 1894 г. в Иваново-Вознесенске было открыто НМТУ. С интересом читается история строительства здания для училища, история его финансирования со стороны государства и местных промышленников, кадровый состав преподавателей, биографии директоров, условия приема, организация учебы, успеваемость, социальный состав учащихся, внеклассная просветительская работа, формы поощрения способных и прилежных учеников. Отмечается весомая материальная поддержка учебного заведения М. Н. Гарелиным [Там же: 163]. Рассказывается о талантливых учителях, подвижниках своего дела, таких, например, как М. М. Якуб, который вел физику и черчение. Когда в Иваново-Вознесенске открылись технические чтения, рабочие с большим интересом слушали его лекции по физике. Якуб первым в городе организовал массовые развивающие игры для детей различного возраста [Там же: 177—178].

С большим интересом читается материал о школе колористов — единственном в городе учебном заведении среднего уровня. Кирилл Евгеньевич справедливо связывает причины его открытия с тем, что в условиях мощного промышленного подъема в России в последнее десятилетие XIX в. фабрики текстильного края остро нуждались в специалистах такого профиля. Между тем колористами работали немцы и поляки, получившие профессиональную подготовку за рубежом или русские специалисты-самоучки. Понимание необходимости такого училища, отмечает автор, пришло одновременно и к текстильным фабрикантам, и к педагогической и технической интеллигенции. Инициаторы открытия школы сознавали, что подготовка специалистов данного профиля имела свою специфику. Необходимо было расширять культурный кругозор учащихся, знакомить их с новейшими достижениями в науке, технике, искусстве. Для школы построили специальное здание, оно было хорошо оборудовано. Школа имела библиотеку, выписывала много журналов, имела большое количество учебных и наглядных пособий. Администрация школы стремилась к тому, чтобы обучающиеся свой досуг проводили с пользой, чтобы он был эстетичным и носил познавательный характер. Учащиеся

совершали познавательные экскурсии на местные предприятия, а также по стране. Так, они ездили на многодневную экскурсию на Урал, где познакомились с самыми различными производствами [Там же: 177—188]. В целях патриотического воспитания руководство школы использовало юбилеи. В 1909 г. были закуплены и розданы ученикам несколько десятков экземпляров брошюры «Петр и Полтава», посвященной 200-летию юбилею Полтавской баталии. В 1911 г. в школе было отмечено 200-летие со дня рождения М. В. Ломоносова.

В данной главе речь также идет о таких уникальных учебных заведениях, как рисовальная, женская профессиональная, торговая и ремесленная школы, музыкальное училище, созданные во-многом благодаря частной инициативе иванововознесенцев.

Кирилл Евгеньевич показывает не только положительный опыт в работе учебных заведений, но и «минусы» в их организации и деятельности. В частности, он пишет, что «круг общественников в Иваново-Вознесенске был сравнительно узким и охватывал всего несколько десятков истинных активистов», незначительной была роль женщин в общественной деятельности [Там же: 272].

В данной рецензии освещены далеко не все аспекты создания и деятельности учебных заведений Иваново-Вознесенска, о которых рассказано в книге. Читатели, интересующиеся историей культуры ивановского края, становления здесь системы образования, деятельности интеллигенции на поприще просвещения, найдут в книге К. Е. Балдина много нового, интересного и полезного. Монография может подтолкнуть вдумчивых читателей к размышлениям о путях реформирования современной системы образования в нашей стране, обратить внимание на многие важные для наших дней образовательные традиции. Работа К. Е. Балдина может быть использована в качестве краеведческой составляющей курсов истории России и истории педагогики.

Список источников

- Балдин К. Е. Образовательное пространство российской провинции: учебные заведения г. Иваново-Вознесенска (конец XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 276 с.
- Балдин К. Е. Педагогическая интеллигенция в провинциальном городе на рубеже XIX — XX вв. (на примере города Иваново-Вознесенска) // Интеллигенция и мир. 2015. № 1. С. 9—27.
- Балдин К. Е. Индустриальное развитие и образовательное пространство провинциального города в конце XIX — начале XX в. (на примере Иваново-Вознесенска) // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 17—26.
- Балдин К. Е. Роль общественности в развитии профессионального образования в российской провинции в конце XIX — начале XX в. (на примере города Иваново-Вознесенска) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 10—23.
- Меметов В. С. О существенных чертах интеллигенции в современном интеллигентоведении // Научно-теоретические и методологические основы изучения жизнедеятельности интеллигенции: материалы XXIX национальной науч.-теорет. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию создания Иваново-Вознесенского педагогического института, правопреемником которого является Ивановский государственный университет, Иваново, 20—21 декабря 2018 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 4—6.

References

- Baldin, K. E. (2022), *Obrazovatel'noe prostranstvo rossiiskoi provintsii: uchebnye zavedeniia g. Ivanovo-Voznesenska (konets XIX — nachalo XX v.)* [Educational space of the Russian province: educational institutions of Ivanovo-Voznesensk (late XIX — early XX century)], *Ivanovskii gosudarstvennyi universitet*, Ivanovo, Russia.
- Baldin, K. E. (2015), 'Pedagogical intelligentsia in a provincial town at the turn of the XIX — XX centuries (on the example of the city of Ivanovo-Voznesensk)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no 1: 9—27.
- Baldin, K. E. (2014), 'Industrial development and educational space of a provincial town in the late XIX — early XX century (on the example of

Ivanovo-Voznesensk)', *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Studies], no. 1: 17—26.

Baldin, K. E. (2013), 'The role of the public in the development of vocational education in the Russian provinces in the late XIX — early XX century (on the example of the city of Ivanovo-Voznesensk),' *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, serii: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin], no. 4: 10—23.

Memetov, V. S. (2018), 'On the essential features of the intelligentsia in modern intellectual studies', *Nauchno-teoreticheskie i metodologicheskie osnovy izucheniia zhiznedeiatel'nosti intelligentsii: materialy XXIX natsional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 100-letiiu sozdaniia Ivanovo-Voznesenskogo pedagogicheskogo instituta, pravopreemnikom kotorogo iavliatsia Ivanovskii gosudarstvennyi universitet* [Scientific-theoretical and methodological foundations for studying the life of the intelligentsia: materials of the XXIX national scientific-theoretical conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the creation of the Ivanovo-Voznesensk Pedagogical Institute, the successor of which is the Ivanovo State University], Ivanovo, Russia, 20—21 December, 2018, Izdatel'stvo "Ivanovskii gosudarstvennyi universitet", Ivanovo: 4—6.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 28.06.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Г. А. Будник — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина, Иваново, Россия.

G. A. Budnik — Doctor of Science (History), Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin, Ivanovo, Russia.

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических ссылок / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « », при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во втором файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы; в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в переводе на английский язык в кавычках (‘ ’)

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

—издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

—место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

—название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

—курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2023. № 3

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *Э. В. Кромер*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *ООО «ПресСто»*

Дата выхода в свет 28.09.2023 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 9,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 5571. Цена свободная

Адрес редакции: 153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5

Факс: +7 (920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано:

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»

153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8

Тел.: +7 (930) 330-36-20. E-mail: pressto@mail.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР